

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1908.

№ VIII.

АПРѢЛЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ:	Стр.
Митрополитъ Московскій Филаретъ, какъ педагогъ. <i>Преподавателя Виоанской духовной семинаріи Андрея П. Покровскаго</i>	143—168
Положеніе древне-русской женщины—христіанки. (Церковно-историческій очеркъ) (Окончаніе) <i>Л. М. Багрецова</i>	169—187
Нѣмецкій протестантизмъ къ началу 20 столѣтія. <i>С. Н.</i>	188—198
Нравственный законъ (его сущность, содержаніе и основаніе). <i>Алексея Покровскаго</i>	199—213
Практическая невозможность социализма. Соч. В. Катрейна. (Авторизованный переводъ съ 9-го нѣмецкаго изданія). (Продолженіе). <i>Священника Н. Дипонаго</i>	214—232

II. ОТДѢЛЬ ИЗВѢСТІЙ И ЗАМѢТОКЪ по ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

° Содержаніе. I. Приемъ должностныхъ лицъ, просвителей и другихъ посѣтителей у Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго.—Правила для производства испытаній лицамъ, желающимъ получить должность псаломщика, санъ діакона или священника въ Харьковской епархіи, по своему образовательному цензу не имѣющимъ правъ для этого.—Программы для производства испытаній лицамъ, желающимъ получить должность псаломщика, санъ діакона или священника.—Программа по Литургикѣ для лицъ, держащихъ экзаменъ на право полученія сана священника.—Торжество въ Ряснянскомъ монастырѣ, Харьковской епархіи.—Отъ экзаменационной комиссіи при Харьковскомъ Духовномъ училищѣ.—Епархіальныя извѣщенія.—II. Современный малороссійскій приходъ. *Священника К. Пашкевича*.—Темный вопросъ. (Библиографическая замѣтка). *Н. К.*—Миссіонерскій листокъ. Периодическая сектантская печать. *Помощника Харьковскаго Епархіальнаго Миссіонера Священника Василія Черкесова*.—Епархіальная хроника.—Иноепархіальный отдѣлъ.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Объявленія.—(Стр. 233—284).

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Соборная пл., въ зд. Присут. мѣсть.
1908.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ДВУХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣла богословско-философскаго. Въ него входятъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изчисленіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ. Сюда же съ апологетическою цѣлю будутъ входить изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторія философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлая мысль языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и поспаній лучшихъ людей древняго міра.

2. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложения, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Извѣстія и замѣтки по Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по десяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Гостиный дв., № 45. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени». Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 4 р. 50 к. за каждый годъ; по 5 р. за 1890—1897 г., по 6 р. за 1898—1902 годы. За 1903 г. и 1904 г. 7 руб., за 1905 и 1906 г. 8 р.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 100 р. съ пересылкою.

Кромѣ того, въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Бреганно. Съ французскаго перовель Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

2. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою.

3. БЕСВѢДЫ Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, съ о.о. Благочинными Харьковской епархіи. 1903 г. Цѣна 25 к. съ пересылкою.

4. „СОВЕСѢДОВАНІЯ“ Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, съ о.о. благочинными, выборными отъ духовенства и другими лицами. 1906 г. Цѣна 40 к.

Πίστει νοοῦμεν.

Вѣроу разумѣаемъ.

Евр. XI.

Митрополитъ Московскій Филаретъ, какъ педагогъ.

Личность, жизнь и дѣятельность Московскаго митрополита Филарета (Дроздова) давно служатъ предметомъ тщательнаго изученія. До настоящаго времени о знаменитомъ архипастырѣ Московскомъ написано уже много и съ разныхъ сторонъ. Наряду съ многочисленными, разбѣянными по духовнымъ и свѣтскимъ періодическимъ изданіямъ и обнародованными отдѣльно, сравнительно небольшими статьями и воспоминаніями о митрополитѣ Филаретѣ, въ печати существуетъ не мало и капитальныхъ трудовъ, такъ или иначе освѣщающихъ великую личность святителя. Митрополитъ Филаретъ охарактеризованъ, какъ безпримѣрный богословъ и учитель-катихизаторъ ¹⁾, „какъ администраторъ и судія въ Московской епархіи“ ²⁾, „какъ авторъ Начертанія церковно-библейской исторіи“ ³⁾, „какъ истолкователь Св. Писанія“ ⁴⁾, „какъ обличитель вольномыслія“ ⁵⁾, какъ канонистъ ⁶⁾, какъ гомилетъ ⁷⁾ и т. п. Покойный профессоръ Московской духовной академіи И. Н. Корсунскій, перу котораго принадлежитъ болѣе 15-ти произведеній, посвященныхъ памяти митрополита Филарета, въ одномъ громаднѣйшемъ (болѣе 1,000 стр.) трудѣ своемъ съ изумительною, только ему свойственною, подробностію и въ связи съ событіями эпохи святителя обрисовалъ жизнь и дѣятельность послѣдняго на

¹⁾ И. Н. Корсунскій, „Филаретъ, митр. Московскій, въ своихъ катихизисахъ“.

²⁾ Исслѣдованіе проф. Моск. дух. акад. А. Н. Заозерскаго.

³⁾ Исслѣдованіе А. Смирнова.

⁴⁾ Статья Н. Троицкаго.

⁵⁾ Статья архимандрита Іосифа. Всѣ эти труды помѣщены въ Филар. юбил. сборникѣ, т. II.

⁶⁾ Магистерская диссертация г. Наухова.

⁷⁾ Исслѣдованіе А. Чепикъ.

Московской кафедрѣ по его проповѣдямъ ¹⁾. Въ другомъ менѣе обширномъ, но обстоятельномъ историко-критическомъ изслѣдованіи тотъ же покойный ученый изобразилъ „подвиги митрополита Филарета въ дѣлѣ перевода Библии на русскій языкъ“. Бѣликовъ обслѣдовалъ „дѣятельность митрополита Филарета по отношенію къ расколу“; В. Назаревскій собралъ въ одно цѣлое „государственное ученіе“ Московскаго святителя; священникъ Вишеславцевъ изложилъ въ системѣ „нравственное богословіе по сочиненіямъ митр. Филарета“, а А. Городковъ—„догматическое богословіе“. Есть труды о святителѣ Московскомъ и въ иностранной литературѣ. Вообще литература о митр. Филаретѣ очень обширна и довольно разнообразна; ей, кажется, усвоено даже особое названіе „Филаретики“.

Тѣмъ не менѣе далеко еще то время, когда литература о митрополитѣ Филаретѣ будетъ вполне закончена. Исчерпать почти вѣковую жизнь, разобрать полувѣковую многостороннюю дѣятельность святителя болѣе чѣмъ трудно. „Митрополитъ Филаретъ былъ“, по свидѣтельству его современника, „необыкновенное историческое явленіе“ ²⁾. „Онъ былъ не представителемъ эпохи, онъ самъ былъ эта эпоха; онъ не выражалъ свое время, а руководилъ временемъ“ ³⁾. Онъ давалъ направленіе всему, и не было, можно сказать, ни одного серьезнаго вопроса, котораго бы онъ не рѣшилъ въ ясной, положительной, обоснованной формѣ. Святитель былъ не только однимъ изъ самыхъ видныхъ представителей церковной власти, но и мужемъ государственнымъ, мимо рукъ котораго не проходило ни одного, болѣе или менѣе важнаго, правительственнаго постановленія, общаго принципіальнаго вопроса. Параллельность трудной, многосложной служебной дѣятельности митр. Филарета, которая, повидимому, должна была поглощать все свободное время, шель и до самой смерти святителя не прерывался рядъ замѣчательныхъ произведеній его пера. „Всѣхъ

¹⁾ Разумѣется трудъ И. Н. Корсунскаго—„Святитель Филаретъ, Митр. Московскій. Его жизнь и дѣятельность на Москов. кафедрѣ по его проповѣдямъ въ связи съ событіями и обстоятельствами того времени“.

²⁾ Гиляровъ-Платовъ. Собран. сочин., изд. К. П. Побѣдоносцева, т. II, стр. 435, 436.

³⁾ Ibidem, стр. 436.

сочиненій его“, писалось въ 1883 году, „свыше 700, не считая нѣсколькихъ томовъ изданныхъ уже послѣ смерти его писемъ, и Богъ знаетъ сколько томовъ изданныхъ и неизданныхъ, большею частію подробно мотивированныхъ, его „резолуцій по епархіальнымъ дѣламъ за пятидесятилѣтній періодъ“ его епископской дѣятельности“¹⁾. Неудивительно, поэтому, и вполне понятно, что многія стороны жизни и дѣятельности митрополита Филарета пока еще не обслѣдованы и не сдѣлались достояніемъ печати, многія мысли святителя мало уяснены, или совсѣмъ еще не уяснены въ сознаниі русскаго общества и тѣмъ болѣе не проведены въ жизнь. Русское общество какъ-то еще мало поняло и еще менѣе оцѣнило знаменитаго Московскаго іерарха. Между прочимъ, до сихъ поръ нѣтъ въ печати такихъ трудовъ, которые бы характеризовали святителя Филарета, какъ педагога, знакомяли насъ съ его мыслями о воспитаніи и образованіи молодого поколѣнія. А этотъ пробѣлъ въ литературѣ о митр. Филаретѣ весьма чувствителенъ, такъ какъ на поприщѣ служенія просвѣщенію святитель Московскій оставилъ знаменательный слѣдъ своей дѣятельности.

Митрополитъ Филаретъ былъ, прежде всего, самымъ виднымъ руководящимъ дѣтелемъ духовнаго просвѣщенія въ Россіи въ первую половину прошлаго XIX столѣтія. Онъ много потрудился тогда въ дѣлѣ устройства и улучшенія нашихъ духовныхъ школъ. Къ разработкѣ вопроса о переустройствѣ духовныхъ школъ, поднятаго по мысли императора Александра I-го, желавшаго дать лучшей и совершеннѣйшей видъ духовнымъ училищамъ, митр. Филаретъ призванъ былъ еще прежде своего святительства въ качествѣ сначала временнаго, а потомъ постояннаго члена комиссіи духовныхъ училищъ²⁾. Во всѣхъ постановленіяхъ и распоряженіяхъ Комиссіи Филаретъ принималъ самое живое и дѣятельное участіе. Мало этого, онъ, можно сказать, одинъ несъ на своихъ плечахъ все дѣло преобразования духовно-учебныхъ заведеній въ Россіи въ началѣ XIX-го столѣтія. Въ самомъ дѣлѣ, Филаретъ пред-

¹⁾ Русская Старина 1883 г., IV, стр. 40—41.

²⁾ Собр. мѣн. и отв. м. Филарета по учебн. и церк.-государ. вопр., изд. Саввы, арх. Тверскаго 1885—1887 г.г., т. I, стр. 112, примѣч. I; 120.

ставлялъ свои сложные и обширные проекты реформы духовныхъ школъ ¹⁾, дѣлалъ замѣчанія на проекты другихъ ²⁾, писалъ уставы для всѣхъ духовно-учебныхъ школъ ³⁾, или, по крайней мѣрѣ, дополнялъ и редактировалъ ихъ ⁴⁾, готовялъ духовныя школы къ реформѣ и наблюдалъ за самымъ преобразованіемъ ихъ ⁵⁾, организовалъ порядокъ классныхъ занятій въ академіяхъ и семинаріяхъ ⁶⁾, составлялъ конспекты богословскихъ и другихъ наукъ для академій и семинарій ⁷⁾, разсматривалъ конспекты и программы академическихъ и семинарскихъ преподавателей ⁸⁾, выбиралъ и рекомендовалъ учебники и учебныя пособія ⁹⁾ и т. п.,—словомъ, держалъ въ своихъ рукахъ всѣ нити учебнаго и воспитательнаго дѣла въ духовныхъ школахъ цѣлой Россіи. И его энергія, богатѣйшія знанія и гениальный умъ—тѣ силы, которыя святитель всюду вносилъ съ собою, побѣдили укоренившееся въ тогдашнихъ духовныхъ училищахъ упорство рутинны и схоластики, установили для этихъ училищъ постоянный и прочный порядокъ на будущее время, сообщили имъ тотъ внутренній бытъ и строй, какой они въ общемъ, за незначительными исключеніями, имѣютъ и доселѣ.

Касаясь главнымъ образомъ духовныхъ школъ, педагогическія реформы Филарета отражались и на свѣтскихъ училищахъ, такъ какъ преподавателями послѣднихъ, нерѣдко явля-

1) См., напр., *ibidem*, т. I, стр. 309—319; т. II, 207—211; прибав. къ твор. св. отц., 1871 г., кн. XXIV, стр. 495—504.

2) См., напр., Собр. мѣн. и отв., т. V, стр. 849—862; 916—922 и др.

3) „Я написалъ“,—говорилъ Филаретъ,—„всѣ четыре устава—академій, семинарій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ въ шесть недѣль“. Чтен. въ общ. ист. и древн. Росс., 1877 г., ч. II, отд. II, стр. 42; ср. письма и. Филарета къ архимандр. Антонію, ч. IV, стр. 157.

4) Въ редакціи Филарета уставы духовныхъ школъ были Высочайше утверждены 30 августа 1814 г., а уставы—прежняго времени и другихъ редакцій были отобраны и уничтожены. Чистовичъ. Руковод. дѣят. дух. просв. въ Росс. въ первую половину XIX в., Спб., 1894 г., стр. 124.

5) Объ этомъ свидѣтельствуетъ дѣятельность Филарета, какъ ревизора духовно-учебныхъ заведеній.

6) См., напр., Собр. мн. и отв., т. I, стр. 118—121 и мн. др.

7) См., напр., *ibidem*, т. I, 1—11; 26—32, 40—41; 122—151; 153—181 и др.

8) См., напр., *ibidem*, т. II, стр. 456—460; т. III, 127—141; 143—161 и др.

9) См., напр., *ibidem*, т. II, стр. 151—153; т. III, стр. 70—78; 80—90 и др.

лись воспитанники Филарета. Съ другой стороны, самыя формы его не были узко специальными. Иамѣнная программы, руководства и учебники въ духовныхъ школахъ, Филаретъ заботился и объ усовершенствованіи методовъ преподаванія, о выработкѣ въ ученикахъ всесторонняго развитія. Онъ, какъ увидимъ, отрѣшился отъ тѣхъ узкихъ возрѣній, по которымъ требовалось отъ ученика одно заучиваніе, иногда бессознательное, и вводилъ здравый способъ преподаванія, вызывающій самодѣятельность со стороны учениковъ, возбуждающій ихъ умственные способности и силы души къ дѣятельности. А это уже имѣло значеніе для всякой школы и не духовной.

Вмѣстѣ съ тѣмъ митрополитъ Филаретъ принималъ непосредственное, живое участіе и въ улучшеніи русскаго образованія вообще¹⁾. Въ его время правительствомъ приняты были рѣшительныя мѣры къ поднятію нашего образованія, открыта была цѣлая сѣть разнаго рода учебныхъ заведеній, увеличены были средства для содержанія школъ, образованіе въ школахъ утверждалось на религіозныхъ началахъ, способнымъ людямъ поручено было составить учебныя книги и проч. Считая причиною всѣхъ неурядицъ въ Россіи именно недостатокъ правильнаго воспитанія и образованія, митр. Филаретъ горячо сочувствовалъ предпринятому улучшенію образованія и отъ души помогалъ ему. Онъ дѣлалъ свои замѣчанія на проекты и уставы свѣтскихъ учебныхъ заведеній²⁾, на конспекты и программы преподаваемыхъ въ нихъ наукъ (и учебныхъ предметовъ³⁾), заботился о здоровой и рациональной постановкѣ учебнаго дѣла въ свѣтскихъ школахъ⁴⁾, писалъ отзывы объ употребляемыхъ въ нихъ учебникахъ⁵⁾, самъ составлялъ хорошія руководства для преподаванія Закона Божія въ сред-

1) Онъ состоялъ членомъ главнаго Правленія училищъ. Е. Шмать. Исторія средн. учебн. завед. въ Россіи, 1878 г., стр. 118—119; ср. Собр. мн. в отз. т. I, предисл., стр. III.

2) См., напр., Собр. мнѣн. в отз., т. I, 341—345, 358—361; т. II, 386—390; т. V, 268 и др.

3) См., напр., *ibidem*, т. II, 255—260; т. III, 37—42; т. IV, 27—32 и др.

4) См., напр., *ibidem*, т. V, 670, 782—784, 802—804; Чтен. въ общ. люб. дух. просв. 1869 г., кн. VI, стр. 54—55 и мн. др.

5) См., напр., Собр. мн. в отз., т. II, 1—3; 380—385; т. III, 121—127; т. V, 580; т. дополн. 246—250, 612—617 и др.

нихъ и низшихъ свѣтскихъ училищахъ ¹⁾ и т. п. Въ своихъ представленихъ свѣтскимъ и духовнымъ правительственнымъ учрежденіямъ, равно какъ и въ частныхъ письмахъ, онъ далъ, между прочимъ, полное, вѣрное и руководственное рѣшеніе вопроса о начальномъ народномъ образованіи ²⁾.

Помимо непосредственнаго участія въ дѣлахъ по благоустройству разнаго рода свѣтскихъ учебныхъ заведеній и начальнаго народнаго образованія, митрополитъ Филаретъ весьма часто касался педагогическихъ вопросовъ въ своихъ проповѣдяхъ. Сюда относятся по преимуществу тѣ многочисленныя проповѣди святителя, которыя произнесены были имъ въ разное время въ различныхъ свѣтскихъ и духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ ³⁾. Раскрытію того же предмета посвящено и нѣсколько другихъ его словъ и рѣчей ⁴⁾. Духовное развитіе и просвѣщеніе Россіи было болѣе близко и болѣе дорого сердцу митр. Филарета, чѣмъ многое иное, совершавшееся въ ней; почему онъ зорко и неунынно слѣдилъ за нимъ и, какъ пастырь и учитель церкви, уявлялъ съ церковной кафедры своимъ пасомымъ тѣ истинныя и неизблемыя основы, на которыхъ должны покоиться ихъ воспитаніе и образованіе. И въ разное время митр. Филаретъ изслѣдовалъ въ своихъ проповѣдяхъ вопросъ о воспитаніи и образованіи весьма глубоко и всесторонне, какъ въ его сущности, такъ и въ деталяхъ.

Кромѣ того, раскрывая и выясняя въ своихъ проповѣдяхъ этические принципы христіанства, святитель Филаретъ долженъ былъ указать христіанамъ средства и способы проведенія ихъ въ жизнь. Это же обуславливается главнымъ образомъ воспитаніемъ и образованіемъ дѣтей. Такимъ образомъ, Филарету приходилось такъ указывать, по необходимости затро-

¹⁾ Всѣмъ извѣстны „катихизисъ“, „начатки христіанскаго ученія“, „библейская исторія“ и др. учебныя пособія, составленныя м. Филаретомъ.

²⁾ См., напр., Собр. мѣн. и отв., т. III, 358—369—576; т. V, 823—825; Душенов. Чтеніе 1862 г. ч. I, стр. 50—68; Народное образованіе 1896 г., кн. III, мартъ, стр. 1—9; Сборникъ резолюц. м. Филарета, изд. Орлов. епар., вѣд. и другія.

³⁾ См., напр., Слова и рѣчи м. Филарета, изд. 1873—1885 г.г., т. IV, стр. 61—68; т. V, стр. 249—258; 270—278; 293—300 и др.

⁴⁾ См., напр., *ibidem*, т. III, 346—352; т. V, стр. 472—476 и др.

зывать педагогическіе вопросы, и онъ, дѣйствительно, въ такихъ случаяхъ затрогивалъ ихъ, какъ показываютъ нѣкоторыя его поученія ¹⁾).

Наконецъ, не мало замѣчательныхъ по глубинѣ педагогической мудрости и навидательности для всякаго времени сужденій о воспитаніи митрополитъ Филаретъ высказалъ частнымъ образомъ, въ устныхъ бесѣдахъ, въ неофициальной перепискѣ. Къ нему, какъ мудрому наставнику и совѣтнику, обращались за разрѣшеніемъ своихъ недоумѣній, за наставленіями и совѣтами по разнымъ случаямъ люди всѣхъ званій и состояній. Нерѣдко просили святителя подать совѣтъ и относительно того, какъ лучше воспитывать дѣтей и какія мѣры принимать къ ихъ исправленію. Митрополитъ Филаретъ никогда и никому не отказывалъ ни въ чемъ. Онъ всегда удовлетворялъ и послѣдняго рода просьбы, преподавалъ устно или письменно, сообразно обстоятельствамъ и случаю, то или другое наставленіе ²⁾).

Въ виду всего вышеизложеннаго мы и беремъ на себя сильный трудъ собрать педагогическія мысли и сужденія митрополита Филарета и представить ихъ въ одномъ цѣломъ, стройномъ и раздѣльно-ясномъ очеркѣ. При этомъ считаемъ долгомъ напередъ оговориться, что въ своемъ очеркѣ мы далеко не исчерпываемъ всѣхъ богатыхъ и разнообразныхъ по содержанію педагогическихъ воззрѣній Московскаго святителя. Педагогическія мысли митр. Филарета по своему содержанію и характеру раздѣляются на двѣ категоріи: одна изъ нихъ касается воспитанія и образованія, необходимыхъ для всякаго человѣка—христіанина вообще, независимо отъ его сословія, положенія, предназначаемаго ему общественнаго служенія и проч., и постановки учебно-воспитательнаго дѣла, тождой и желательной для всякой школы безъ различія; а другія относятся къ воспитанію и образованію только известнаго сословія, къ учебно-воспитательной постановкѣ лишь опредѣлен-

¹⁾ См., напр., слова и рѣчи м. Филарета, т. IV, стр. 187—189; 275—276; т. V, стр. 149—153 и др.; кн. *Воспитаніе и образованіе*, *Воспитаніе и образованіе* т. 1.

²⁾ См., напр., письма м. Филар., хранящ. въ собран. автограф. Индер. публ. библ., 1891 г., стр. 37, 47, 48 и др.; Его письма къ роднымъ, 1882 г., стр. 388; 411,—и др. трудъ святителя.

ной школы. Не претендуя на то, чтобы сказать послѣднее слово, въ настоящемъ очеркѣ, мы намѣрены обратить свое вниманіе лишь на педагогическія мысли митр. Филарета первой категоріи: и по нимъ охарактеризовать Московскаго святителя по-преимуществу какъ педагога—мыслителя, педагога—теоретика. Весь матеріалъ въ данномъ случаѣ мы изложимъ въ трехъ главахъ, изъ которыхъ въ первой выяснимъ религіозно-нравственныя и психологическія основы воспитанія, по мыслямъ митр. Филарета, во-второй изобразимъ семейное воспитаніе по Филарету и въ третьей—школьное воспитаніе и образованіе. Въ заключеніе, въ четвертой главѣ своего очерка, мы сдѣлаемъ краткую историческую оцѣнку изложенныхъ въ предыдущихъ главахъ педагогическихъ воззрѣній митрополита Филарета.

I.

Педагогическіе идеалы какъ цѣлыхъ народовъ, такъ и отдѣльныхъ личностей,—педагоговъ въ строгомъ смыслѣ слова и просто людей, разсуждающихъ по вопросамъ воспитанія и образованія,—всегда находятся въ самой тѣсной связи съ ихъ религіозно-нравственными воззрѣніями вообще и въ особенности съ ихъ взглядомъ на объектъ воспитанія—человѣка, его природу и назначеніе. Послѣднимъ всецѣло опредѣляются воспитаніе и образованіе у каждаго педагога къ сущности, такъ и въ деталяхъ. Исторія воспитанія на каждомъ шагѣ подтверждаетъ это положеніе и своимъ многовѣковымъ свидѣтельствомъ сообщаетъ ему значеніе аксіомы, неподлежащей никакому сомнѣнію. На всемъ ея протяженіи, отъ самой глубокой древности и до нашихъ дней, наблюдается въ области педагогіи одинъ неизмѣнно повторающийся, доминирующий фактъ: каково воззрѣніе извѣстнаго педагога или цѣлаго народа на человѣка, такова и его педагогическая система.

Существуютъ два діаметрально противоположныхъ взгляда на объектъ воспитанія—дита: одни, игнорируя грѣховное состояніе нашей природы, считают дитя высшимъ, совершеннѣйшимъ порожденіемъ природы; другіе наоборотъ, признаютъ его съ момента появленія на свѣтъ уже зараженнымъ разру-

пительной силой—грѣхомъ. Въ зависимости отъ этихъ взглядовъ на дитя и въ основу воспитанія его подаются два совершенно различныхъ начала.

Въ томъ случаѣ, когда дитя представляется совершеннѣйшимъ по природѣ существомъ, единственнымъ, высшимъ и вполне достаточнымъ принципомъ воспитанія обыкновенно провозглашается правило: „воспитывай челоѵка сообразно съ его природою“. Правило это понимается не въ томъ полномъ разумномъ и желательномъ смыслѣ, что надо тщательно изучать дѣтскую природу, приобрѣтать близкое знакомство съ особенностями каждаго воспитанника, чтобы имѣть возможность оказать на него истинно плодотворное влiянiе, но—въ томъ, что ребенокъ долженъ развиваться только изъ своей собственной природы и, подѣ исключительнымъ ея водительствомъ, что ему не слѣдуетъ внушать ничего чуждаго, отъиѣ приходящаго, не слѣдуетъ преподавать никакихъ наукъ, никакихъ знанiй, и въ особенности никакой положительной религи. Все это—не что иное, какъ извращенiе чистой природы, порча и уродованiе чистаго, совершеннѣйшаго созданiя. Ребенокъ, предоставленный руководству своей собственной природы, которая чиста и совершенна, самъ собою разовьется правильно, подобно дереву на хорошей почвѣ. Влеченiя его природы безусловно правильны и хороши, а силы и способности ея вполне достаточны для достиженiя челоѵческаго назначенiя. Нужно только каждому безъ исключенiя природному задатку, всякой мысли, всякому желанiю и дѣйствию ребенка, дать свободный просторъ и оказать содѣйствiе ихъ развитiю. Для достиженiя этого воспитатель долженъ навсегда откаться отъ своихъ правъ на управленiе и руководство ребенкомъ, свою задачу по отношенiю къ питомцу долженъ видѣть только въ устраненiи вредныхъ и всякихъ вообще влiанiй на него со стороны и, во всемъ прислушиваться къ приказанiямъ нормальной, неповрежденной природы своего воспитанника и слѣпо и ненарушимо выполнять ихъ. Всякое желанiе воспитателя, просвѣтить умъ ребенка будетъ нецелесообразнымъ принужденiемъ, всякое стремленiе его подчинить волю ребенка своему авторитету—посягательствомъ на чистую дѣтскую природу, всякое поку-

шеніе воспитателя устранить при помощи наказаній: какія-либо неприятыя обнаруженія свободнаго развитія природы дитяти будетъ уже величайшей тиранніей. Словомъ, съ точки зрѣнія принципа, покоящагося на убѣжденіи и твердой увѣренности въ абсолютной чистотѣ и неизвращенности дѣтской природы, саморазвитіе послѣдней, какъ совершеннѣйшей въ себѣ, признается единственно вѣрнымъ путемъ къ достиженію человѣкомъ счастья и благополучія на землѣ и того совершенства, къ которому онъ предназначенъ. Таковы, наприм., педагогическія идеи Ж. Ж. Руссо. „Мы признаемъ“, пишетъ онъ въ своемъ „Эмилѣ“, „за неоспоримую истину то, что первыя движенія природы всегда правильны: въ сердцѣ человѣческомъ нѣтъ никакой изначальной порчи; въ немъ не находится ни одного порока, о которомъ нельзя было бы сказать, какъ и какимъ путемъ онъ вошелъ въ него“... „Человѣкъ отъ природы существо доброе, любящее справедливость и порядокъ, и въ сердцѣ человѣческомъ нѣтъ первобытной испорченности“... „Чтобы воспитать этого рѣдкаго человѣка, намъ нужно дѣлать, безъ сомнѣнія, весьма много, а именно: воспрепятствовать, чтобы что-нибудь дѣлалось“... „Природа, дѣлающая все къ лучшему, даетъ человѣку сначала только желанія, необходимыя для самосохраненія, и средства, достаточныя для ихъ удовлетворенія. И въ этомъ первобытномъ состояніи встрѣчается равновѣсіе между силою и желаніемъ, и человѣкъ не бываетъ несчастнымъ“. „Естественный человѣкъ, человѣкъ природы весь заключается въ себѣ; онъ есть численная единица, абсолютное дѣло, имѣющее отношеніе только къ самому себѣ“... „Мы обзданы быть взрослыми“... „Запрись въ себя, человѣкъ, и ты не будешь больше бѣдствовать. Твоя свобода, твоя власть обуславливаются природными силами твоими: внѣ ихъ все рабство, иллюзія и тщеславіе“¹⁾).

Совершенно иное начало полагаютъ въ основу воспитанія тѣ педагоги, которые ясно сознаютъ ужасное разстройство и поврежденіе человѣческой природы. Они не питаютъ слѣпой довѣрчивости къ природѣ воспитанника и не видятъ въ ней

¹⁾ Раумеръ, Исторія воспит., ч. II, стр. 351 и дал.; Эмилъ, изд. Тиблена 1866 г., стр. 4, 48—50 и др.

единственнаго законодателя въ дѣлѣ воспитанія, а въ ея влеченіяхъ и инстинктахъ—исключительныхъ руководителей и наставниковъ питомца на пути къ высшему совершенству. Признавая за природой человѣка, какъ созданной по образу Божію, высокое достоинство, они въ то же время не забываютъ и того, что она глубоко заражена и испорчена прародительскимъ грѣхомъ и что грѣховное начало въ человѣкѣ гораздо сильнѣе добраго, постоянно воюетъ противъ него и препятствуетъ человѣку прямо и твердо идти по пути къ высшему совершенству, достигать вѣчнаго блаженства. Отсюда и основной принципъ воспитанія у этихъ педагоговъ состоитъ не въ томъ, чтобы всячески содѣйствовать развитію положительно всѣхъ природныхъ задатковъ ребенка, не задерживать правильный ростъ, естественное раскрытіе всего того, что заложено въ ребенкѣ природою, а—въ томъ, чтобы одно—Божественное приподнимать со дна души питомца, другое—грѣховное разрушать и убивать, и на развалинахъ стараго создать нѣчто новое, новаго человѣка на мѣсто ветхаго. Педагоги, твердо помнящіе грѣховное состояніе нашей природы, заботятся не объ образованіи только того въ человѣкѣ, что есть, чѣмъ родился человѣкъ, не о развитіи только наличной дѣятельности, но и о возсозданіи человѣка, о раскрытіи Божественнаго въ существѣ человѣка, какъ созданнаго Богомъ по Своему образу и подобію. Они воспитываютъ и желаютъ воспитать человѣка, какъ истинно-человѣческую, богоподобную личность, а не просто человѣка, какъ существо естественно-животное. Поэтому, такіе педагоги обращаютъ и совѣтуютъ обращать вниманіе на источникъ всякой мысли ребенка, всѣхъ его желаній и дѣйствій безъ исключенія, и, судя по нему и сообразно съ нимъ, или содѣйствуютъ развитію обнаружившихся природныхъ склонностей и влеченій питомца, или же задерживаютъ и парализуютъ его. Такъ смотрятъ на воспитаніе всѣ истинные христіанскіе педагоги, какъ, напр., св. отцы церкви ¹⁾, Амосъ Каменскій ²⁾ и многіе другіе.

¹⁾ См., напр., „Педагогъ“ Климента Александрійскаго; у Василія Великаго трактатъ—„Къ юношамъ, какъ нужно пользоваться эллисскою литературою“, „монашескія правила“ и проч.; у Іоанна Златоуста во всѣхъ почти его твореніяхъ можно найти мысли о воспитаніи и образованіи христіанскомъ.

²⁾ См. его „Великую дидактику“.

Послѣдняго рода мыслей о воспитаніи держался и митрополитъ Московскій Филаретъ, въ силу своего взгляда на объектъ воспитанія—человѣка.

Человѣкъ, по Филарету, одновременно существо богоподобное и зараженное прародительскимъ грѣхомъ. Онъ сотворенъ былъ по образу и подобию Божію. Образъ Божій заключается „въ существѣ человеческой души, духовномъ и бессмертномъ“, „въ силахъ или способностяхъ души“: умъ, сердце и воля, „въ дѣйствительномъ совершенствѣ духовныхъ силъ“, „въ соединеніи души съ тѣломъ“, „въ тѣлѣ, сообразномъ тѣлу славы *Богочеловѣка* (Фил. III, 21)¹⁾ и проч. Будучи созданъ по образу и подобию Божію, человѣкъ „черезъ сіе вознесенъ надъ царствомъ природы такъ, что концемъ его дѣятельности можетъ быть одинъ только Богъ“²⁾. „Приближеніе къ Богу“, „благодатное, внутреннее съ Богомъ соединеніе, царство Божіе“, „по благотворному намѣренію Творца, соотвѣтственно потребности существа сотвореннаго по образу Божію, есть для человѣка законная и истинная цѣль стремленія на поприщѣ жизни“³⁾. Обединеніе съ Богомъ значитъ то, чтобы Бога имѣть средоточіемъ всѣхъ своихъ мыслей, желаній и дѣйствій. „У обладающаго Богомъ одна мысль—Богъ; одно желаніе—наслаждаться Имъ: одна цѣль—угодить Ему; Богомыслие—пища его, вѣчность—поле славы его, небо—сокровище его“⁴⁾. Поэтому, „для достиженія общенія и блаженнаго соединенія съ Богомъ человѣкъ долженъ обращать къ Нему свои способности, ознаменованныя чертами образа Его, устремлять къ Нему свой умъ, волю, сердце, особенно же соединятъ свою волю съ Его волею, движеніемъ свободнаго изволенія, посредствомъ вѣры и любви“⁵⁾. Царство Божіе „проникаетъ въ душу человѣка посредствомъ благодати со стороны Бога, а со стороны человѣка посредствомъ вѣры, любви и упованія“⁶⁾.

1) „Записки на книгу Бытія“ м. Филарета, 1816 г., стр. 38—84; 67; Слова и рѣчи м. Филарета, т. I, стр. 278; т. III, 99, 185; т. IV, 229; т. V, 124, 154, 452.

2) „Начертаніе библ. исторіи“ м. Филар., 1857 г., стр. 9.

3) Слова и рѣчи, т. V, стр. 154; т. I, стр. 279.

4) Слова и рѣчи, т. I, стр. 280.

5) Ibidem, т. V, стр. 124, 155.

6) Ibidem, т. V, 74; т. I, 279; сравн. письма м. Филар. къ роду, стр. 246.

И человекъ съ самаго начала былъ поставленъ Богомъ въ возможно-благоприятныя для своего развитія и совершенствованія условія. Онъ „былъ поставленъ въ состояніи приготовленія и на пути къ полному своему совершенству“ ¹⁾. Воспитателемъ и руководителемъ человека на этомъ пути былъ самъ Богъ ²⁾. Но первый человекъ обладалъ свободою, которая „не исключала возможности дѣлать зло“ ³⁾. Нужно было укрѣпить эту способность человека въ добрѣ; а она обыкновенно „укрѣпляется въ добрѣ усугубленными опытами дѣлать добро; которое постепенно, при содѣйствіи благодати, составляютъ добрый навыкъ и, наконецъ, нравственную невозможность дѣлать зло“ ⁴⁾. Такимъ образомъ, „человекъ, сотворенный свободнымъ, необходимо долженъ былъ пройти путь испытанія“ ⁵⁾. Этого требовала и правда Божія. „Опредѣлено (было) въ предвѣчномъ совѣтѣ получить человеку царствіе, уготованное отъ сложенія міра. Дабы получить его, дабы обладать и наслаждаться Самимъ Богомъ, не довольно было нашей невинности: для сего нужны были заслуги. Не только правда, самая любовь Божія сего требовала. Ибо чрезъ сіе она еще хотѣла усугубить сладость благъ небесныхъ; то добро и не бываетъ особенно пріятно намъ, которое безъ труда пріобрѣтается“ ⁶⁾. Для испытанія человека „свободѣ его и былъ поставленъ предѣлъ—древо познанія добра и зла, отъ плода котораго Адаму не предоставлено было свободы вкушать“ ⁷⁾. „Покорность волѣ Божіей долженствовала облечь волю ограниченную силою воли неограниченной, приготовить къ возвышенію и низшія силы человека, подобно какъ и высшія“ ⁸⁾, и даровать человеку никогда ненарушимое совершенство и вѣчное блаженство. „Человекъ захотѣлъ имѣть свободу совершенно неограниченную, какъ Богъ, и дерзнулъ переступить за предѣлъ,

1) „Записки на книгу Бытія“, стр. 43.

2) Слова и рѣчи, т. IV, стр. 179—180.

3) „Записки на книгу Бытія“, стр. 67; Слова и рѣчи, т. I, стр. 10.

4) „Записки на книгу Бытія“, стр. 67.

5) Ibidem.

6) Слова и рѣчи, т. I, стр. 296.

7) Ibidem, т. V, 128.

8) „Записки на книгу Бытія“, стр. 67—68.

положенный заповѣдью: Божію¹⁾). Это событие, имѣвшее весьма важное вліяніе на судьбу людей, былъ грѣхъ нашихъ прародителей. Какъ всякое дѣйствіе необходимо вызываетъ, влечетъ за собою соотвѣтствующее послѣдствіе, такъ и „ядъ грѣха, принятый (нашими прародителями) въ душу и сердце, быстро разлился по всему существу ихъ и сокрушилъ въ нихъ образъ Божій“²⁾). Въ исполненіе угрозы Божіей (Быт. II; 17): „Адамъ точно умеръ въ день грѣхопаденія: умеръ въ своемъ умѣ, который, бывъ причастенъ Божественнаго свѣта, облекся въ мракъ чувственности; умеръ въ своей волѣ, которая утратила силу стремиться къ благу духовному; умеръ въ своемъ сердцѣ, которое упало съ высоты небесной любви и блаженства и раздробилось по числу земныхъ прелестей; умеръ въ своей дѣятельности, которая съ сего времени могла производить только мертвыя дѣла“³⁾). „Грѣхъ—ядъ, который принялъ человѣкъ первоначально душою, въ дальнѣйшемъ дѣйствіи своемъ, отравилъ и тѣло, медленною отчасти, но вообще смертоносною отравкою“⁴⁾). „Тѣло человѣка“ до грѣхопаденія „питалось отъ древа жизни, и такимъ образомъ должно было сохраняться въ безболѣзненномъ нетлѣніи“. Послѣ грѣхопаденія „человѣкъ сталъ смертенъ, и тѣло его тлѣнно“⁵⁾). Однако грѣхъ не совершенно лишилъ человѣка образа Божія, по которому онъ имѣлъ естественное влеченіе къ Богу. И послѣ того, какъ „человѣкъ сокрушилъ образъ Божій, воздвигая собственный истуканъ“, ⁶⁾ сохраняются въ его естествѣ нѣкія, такъ сказать, сотрєнія Божественной печати, нѣкіе останки образа Божія⁷⁾). „Паденіемъ человѣка въ грѣхъ образъ въ немъ Божій сокрушенъ, но не совсѣмъ истребленъ и уничтоженъ; вѣчное Солнце зашло въ душѣ его, но нѣкоторые лучи заріи отъ Него еще касаются высотъ“⁸⁾). „Умъ человѣка требуетъ познанія истины,—это его гладъ и жажда, требованіе природы; воля по своей природѣ жаждетъ добра и правды; сердце человѣческое жаждетъ пріязни и любви,—это также требова-

1) Слова и рѣчи, т. V, стр. 128.

2) Ibidem, т. I, стр. 109.

3) Слова в рѣчи, т. I, стр. 13.

4) Ibidem, т. II, стр. 17.

5) Ibidem, т. I, стр. 177.

6) Ibidem, т. I, стр. 207.

7) Ibidem, т. III, стр. 334.

не природы: потому что природа человека создана по образу Божию, а Богъ есть любовь; все существо человеческое жаждетъ блаженства¹⁾. „Не имѣя свободнаго изволенія и силъ для духовныхъ и спасительныхъ дѣйствій, падшій человекъ, въ естественномъ, поврежденномъ состоянн, имѣетъ, по крайней мѣрѣ, свободу въ избраннн блага, естественнаго, гражданскаго, нравственнаго“²⁾. Даже „самый растлѣнный человекъ можетъ находить въ себѣ остатки образа Божія. Онъ любитъ жизнь, хотя, по невѣжеству, не безсмертную. Любитъ истину, хотя токмо умозрительную. Ненавидитъ неправду, хотя въ другихъ. Любитъ похвалу, хотя безъ заслуги. Завидуетъ добродѣтели и славѣ другихъ. Боится и уважаетъ мудрѣйшихъ и добродѣтельнѣйшихъ“³⁾. Въ такомъ состоянн, т. е. „съ нѣкими останками образа Божія и съ нѣкимъ примѣшеніемъ грѣха и поврежденія Адамова“ и рождается, является на свѣтѣ каждый человекъ, „по первоначальному Божественному и послѣдовательному естественному закону рожденія человеческого“⁴⁾.

„Основанія образа Божія глубоко положены въ душѣ“ естественнаго человека, чтобы они „удерживали человека въ любви и попеченн Божіемъ и не допускали до конечнаго отверженія, и чтобы отпадшій человекъ обрѣталъ, каковъ онъ былъ, и каковъ долженъ быть“⁵⁾. „Останки образа Божія сохраняются въ естествѣ человеческомъ для того, чтобы по симъ знаменіямъ человекъ вновь усвоенъ былъ Богу и запечатлѣнъ для Него. Въ человекѣ непорочномъ образъ Божій былъ источникомъ блаженства, въ человекѣ падшемъ онъ есть надежда блаженства. Онъ есть самое основанн человеческого естества, которое хотя нынѣ засыпано прахомъ и сокрыто въ землѣ, но которымъ однако держится все зданн“⁶⁾. Но для того, чтобы этому сохраняющемуся въ естественномъ чело-

1) Слова и рѣчи, т. V, стр. 167—169; ср. т. III, стр. 364; т. IV, стр. 266; т. II, стр. 319; т. I, стр. 199.

2) Чтен. въ общ. истор. и древн. Росс., 1870 г., кн. I, стр. 38.

3) „Записки на книгу Бытія“, стр. 36, примѣчаніе.

4) Слова и рѣчи, т. III, стр. 99; ср. т. V, стр. 537.

5) „Записки на книгу Бытія“, стр. 35—36.

6) Слова и рѣчи, т. I, стр. 207.

вѣкъ стремленію къ идеалу совершенства, къ воспроизведенію въ себѣ совершенствъ своего Первообраза, расти, сосредоточивать и объединять всѣ силы души, нужна перестановка силъ человѣка, нужно возрожденіе его, необходимъ зародышъ новой жизни. По отпаденіи человѣка отъ Бога, или, лучше, по возстаніи человѣка противъ Бога, всѣ силы его души подчинены служенію противоположному стремленію—жить и дѣйствовать не во имя Бога, а во имя себя самого, угождать себѣ. Перестановка силъ естественнаго человѣка совершается въ таинствѣ крещенія. Въ немъ человѣкъ умираетъ для грѣха и вновь возрождается для святой жизни ¹⁾. Человѣкъ не тѣмъ уже выходитъ изъ купели крещенія, какимъ вошелъ въ нее. Въ немъ происходитъ могучій переворотъ, образуется другой центръ жизни—въ Богѣ, и чрезъ этотъ центръ онъ соединяется съ Богомъ. „Всѣ, крестившіеся, пріявшіе христіанское крещеніе въ церкви, пріяли въ ономъ очищеніе отъ грѣховъ, и освященіе“, сдѣлались „причастниками небеснаго званія“, т. е., „Божія призванія во Христѣ къ небесному вѣчному блаженству“ ²⁾. „По благодати крещенія весь человѣкъ въ цѣломъ его составѣ становится храмомъ Божиимъ“ ³⁾. Онъ объявляется чадомъ Божиимъ и дѣлается способнымъ жить и дѣйствовать въ качествѣ усыновленнаго Богомъ. Сообразно съ столь высокимъ достоинствомъ своимъ, человѣкъ и призывается къ сохраненію этого достоинства ⁴⁾. Онъ долженъ надлежащимъ образомъ воспользоваться дарами благодати и путемъ воспитанія укрѣпить себя въ добрѣ. „Человѣкъ долженъ быть очищенъ и возведенъ къ совершенству небесному“ ⁵⁾. Дѣло въ томъ, что „крещеніе возрождаетъ человѣка въ новую жизнь, но не уничтожаетъ тотчасъ жизни ветхаго человѣка, чтобы дать мѣсто подвигу человѣка“, ⁶⁾ „чтобы не стѣснить поприща, предоставляемаго разуму его и свободѣ“ ⁷⁾. Въ про-

¹⁾ Слова и рѣчи, т. IV, стр. 259.

²⁾ Ibidem, т. IV, стр. 494.

³⁾ Ibidem, т. IV, стр. 251; ср. т. II, стр. 384.

⁴⁾ Ibidem, т. IV, стр. 518, 522, 71, 108; т. III, стр. 227.

⁵⁾ Слова и рѣчи, т. III, стр. 349.

⁶⁾ Ibidem, т. V, стр. 246.

⁷⁾ Ibidem, т. III, стр. 348.

тивномъ случаѣ, „гдѣ была бы его свобода? Гдѣ достоинство разумнаго и свободнаго выбора, заслуга, добродѣтель, а слѣдственно и высокое нравственное блаженство свободнаго существа“ ¹⁾. „Разумъ“ же „и свобода открываются въ человѣкѣ не вдругъ, и не безъ помощи, а требуютъ пособія отъ разума прежде открытаго и направленія отъ свободы прежде испытанной и обработанной“, ²⁾ т. е. воспитанія. Последнее и должно, при помощи благодатныхъ средствъ и своихъ собственныхъ законовъ и правилъ, сдѣлать человѣка дѣйствительнымъ чадомъ Божиимъ ³⁾. Въ существѣ человѣка, проникнутомъ ядомъ грѣха, появилось съ момента крещенія сѣмя новой жизни. Однако ему не легко расти на неблагоприятной почвѣ. Оно не можетъ расти и развиваться отъ силы въ силу, какъ это было бы въ человѣкѣ, если бы онъ не отпалъ отъ Бога. Послѣ же отпаденія отъ Бога человѣкъ на пути къ нравственному своему совершенству встрѣчаетъ препятствія и затрудненія „отъ прирожденнаго поврежденія своей природы“, какъ духовной, такъ и тѣлесной ⁴⁾. Его „умъ часто связуется предрасудками, помрачается и увлекается страстями сердца, вводится въ обманъ призраками чувства и воображенія“ ⁵⁾. „Въ области ума нашего обрѣтается брань помысловъ, оправдывающихъ наши дѣйствія и паки осуждающихъ, побуждающихъ къ подвигамъ и паки воспящающихъ, то сомнѣнїями, то страхомъ, то разсѣянїемъ, воспаряющихъ къ небесамъ и низвергающихся въ прахъ, свѣтоносныхъ и омрачающихъ, чистыхъ и оскверняющихъ“ ⁶⁾. „Человѣческое сердце—море великое и пространное, которое часто волнуютъ бури, наполняютъ гады безчисленные“, ⁷⁾ „оно подобно граду, таящему крамолу внутри“, „въ немъ непрестанно возобновляется позорище распрей, злыя страсти: возстаютъ противъ разсудка и нерѣдко одна противъ другой“, ⁸⁾ словомъ, сердце человѣка является часто исходищемъ зла и нечистоты ⁹⁾. Воля человѣческая является

1) Ibidem, т. III, стр. 348.

2) Ibidem, т. III, стр. 349.

3) Ibidem, т. III, стр. 322.

4) Слова и рѣчи, т. V, стр. 153.

5) Ibidem, т. II, стр. 230.

6) Ibidem, т. II, стр. 6.

7) Ibidem, т. I, стр. 139.

8) Слова и рѣчи, т. II, стр. 5.

9) Ibidem, т. III, стр. 46.

слабою въ отношеніи къ добру и болѣе удобопреклонной ко злу. „Хотя мы сознаемъ, что мы властны думать о чемъ хотимъ, однако не случается ли, что, воскрыля помышленія наши къ Богу, не можемъ долго и постоянно удерживать ихъ на высотѣ, что они, то какъ бы ненарочно ниспадаютъ, то, даже вопреки нашимъ усиліямъ возвысить ихъ, низвергаются долу на предметы низкіе, суетныя? Хотя чувствуемъ, что не какая-либо посторонняя сила движетъ наши желанія, а мы сами, произвольно простираемъ ихъ къ тому или другому предмету, однако не случается ли, что, направляя желанія наши къ благамъ духовнымъ, небеснымъ, вѣчнымъ, мы испытываемъ сильное противоборство другихъ желаній, которыя влекутъ насъ къ предметамъ земнымъ, тлѣннымъ, къ удовольствіямъ чувственнымъ, и ослабляютъ и задерживаютъ наше стремленіе къ Богу“ ¹⁾. „Тлѣнное тѣло“ человѣка „отягощаетъ душу и земное жилище обременяетъ умъ многопечителенъ“ (Прем. IX, 15). „Оно не выдерживаетъ всего напряженія безсмертной души, но, или ее въ ея стремленія задерживаетъ, или подвергается опасности отторгнуться отъ нея и разрушиться, сверхъ сего, заражено грѣхомъ, связано привычками, противными добродѣтели“ ²⁾. „Духъ человѣка стремится къ свѣту Сіона, плоть удерживаетъ его во тьмѣ Египетской“ ³⁾. Такимъ образомъ, новой жизни, начинающейся въ человѣкѣ съ крещенія, приходится отстаивать себя, бороться съ наличными расположеніями человѣка. Воспитаніе и должно работать надъ душевнымъ и тѣлеснымъ организмомъ человѣка, не дать заглухнуть, замереть той божественной жизни, которая зачалась въ человѣкѣ съ минуты возрожденія. Оно должно вести „къ истинному образованію духа по законамъ дѣятельнаго христіанства“ ⁴⁾. Оно должно устранить всѣ препятствія, которыя задерживаютъ въ человѣкѣ доброе и вытѣсняють его, завязать нити, которыми душа прикрѣпляется къ Богу, Высочайшему добру, приготовить духовную зрѣлость воспитанника. Воспитаніе должно „дать“

¹⁾ Ibidem, т. V, стр. 155.

²⁾ Слова и рѣчи, т. II, стр. 230.

³⁾ Ibidem, т. I, стр. 142.⁵

⁴⁾ Собр. мнѣн. и отв., т. II, стр. 49.

надлежащее „направленіе“ всѣмъ „силамъ“ человѣческаго духа, сообщить „дѣятельность“ всѣмъ его „способностямъ“, „опредѣленный образъ“ всѣмъ его „свойствамъ“¹⁾. Оно должно разсѣять заблужденія, закрывающія истину отъ человѣческаго духа, и вполне ясно показать послѣднему истину, довести питомца до того, чтобы онъ стремился къ тому, что призналъ за истинное и доброе, стремился ко всему доброму, истинному и безсмертному, столь сродному его душѣ, какъ *дыханію жизни* изъ устъ Божіихъ, и прочно утвердился въ добрѣ и правдѣ²⁾. Вообще воспитаніе должно раскрыть въ человѣкѣ божественный элементъ. Въ человѣкѣ лежитъ образъ Божій, идея человѣка, какимъ онъ долженъ быть. Начертать этотъ образъ, возстановить его, сдѣлать изъ ребенка истиннаго человѣка, истиннаго христіанина и „проложить предназначенный Провидѣніемъ чрезъ даруемая человѣку способности путь жизни“³⁾—вотъ дѣло воспитанія. „Цѣль воспитанія есть образованіе христіанина по духу православной церкви, съ приспособленіемъ къ предполагаемымъ требованіямъ и обстоятельствамъ“⁴⁾. А такъ какъ христіаниномъ нельзя сдѣлаться, или родиться сразу, то въ этомъ образѣ христіанина заключается и идеальное воспитаніе.

Въ силу такой задачи своей воспитаніе, во-первыхъ, должно быть всесторонне развивающимъ, должно обнимать собою всего человѣка, а не одну какую-либо сторону его существа. Образовать изъ ребенка истинно человѣческую личность, истиннаго человѣка-христіанина возможно только при томъ единственномъ условіи, если при воспитаніи будетъ обращено вниманіе на развитіе всѣхъ душевныхъ и тѣлесныхъ силъ человѣка, если человѣкъ будетъ воспитываться во всемъ, полномъ его составѣ, духовномъ и тѣлесномъ. Но въ виду того, что душа въ составѣ человѣческой природы является неизмѣримо высшею частію⁵⁾; что „душа—основаніе жизни“⁶⁾, что „отъ

¹⁾ Слова и рѣчи, т. III, стр. 388.

²⁾ Ibidem, т. I, стр. 199; т. II, стр. 319; т. IV, стр. 266; т. V, стр. 169.

³⁾ Ibidem, т. I, изд. 1873 г., стр. 47.

⁴⁾ Оборн. резолюцій м. Филарета, изд. Орлов. епарх. вѣд., 1882 г., стр. 631—632.

⁵⁾ Слова и рѣчи м. Филар., т. III, стр. 327.

⁶⁾ Ibidem, т. IV, стр. 229.

души зависить жизнь, сила и достоинство тѣла“ ¹⁾, преимущественно и главнымъ образомъ надо заботиться о ней, о должномъ раскрытіи и образованіи ея силъ и способностей: ума, сердца и воли.

Развитіе душевныхъ силъ и способностей человѣка должно быть полнымъ и по возможности равномернымъ, потому что только такого именно рода воспитаніемъ можно „возвести человѣка къ совершенству небесному“ ²⁾, управить его къ вѣчному блаженству ³⁾. „Образованіе ума, несопутствуемое благостию сердца, есть не болѣе, какъ пышныя украшенія дома, имѣющаго гнилое основаніе и готоваго низринуться“ ⁴⁾. Образованіе ума и сердца безъ образованія воли также еще не свидѣтельствуетъ о томъ, что человѣкъ имѣетъ „вѣрное, твердое и упроченное направленіе къ царствію Божію“ ⁵⁾. Тотъ, „который желаетъ идти во слѣдъ Христа, жить и поступать по вѣрѣ въ Него, по Заповѣдямъ Его, по примѣру Его, который предпріемлетъ подвигъ воздѣлывать землю своего сердца ученіемъ Христовымъ, свѣтъ ея добрыми помышленіями, святыми молитвенными желаніями, Божественными созерцаніями“ и т. п.,—конечно, вступилъ на добрый и правый путь ⁶⁾. Однако подобное состояніе еще не можетъ быть вполне для человѣка спасительнымъ, не гарантируетъ его твердаго шествія по пути къ „предназначенной цѣли—вѣчному блаженству. Опыты показываютъ, что „между желаніемъ, которому естественно надлежитъ быть столь же сильнымъ и дѣйствительнымъ, сколь оно справедливо, и между исполненіемъ, столь же вождѣльнымъ, оказывается иногда слишкомъ великое разстояніе, а иногда скрывается и пропасть“ ⁷⁾. Со стороны воли человѣка требуется полная рѣшимость, энергія и сила для того, чтобы хранить постоянно и неослабно чистоту души, не только блюсти внутреннее благочестіе, но и укрѣплять его, т. е., проявлять его во внѣ, въ соответствующихъ дѣйствіяхъ и добродѣтеляхъ ⁸⁾. Если же въ человѣкѣ замѣчается лишь ми-

¹⁾ Ibidem, т. IV, стр. 195.

²⁾ Слова и рѣчи, т. III, стр. 349.

³⁾ Ibidem, т. V, стр. 421.

⁴⁾ Ibidem, т. I, стр. 167.

⁵⁾ Ibidem, т. V, стр. 421.

⁶⁾ Ibidem, т. V, стр. 420.

⁷⁾ Слова и рѣчи, т. V, стр. 419.

⁸⁾ Ibidem, т. V, стр. 422.

нутный восторгъ благочестія, колеблемость между желаніями духовными и земными, — что бываетъ при отсутствіи надлежащаго развитія и укрѣпленія его воли въ добръ, то ему угрожаетъ опасность утратить прежніе плоды внутренняго „духовнаго воздѣлыванія“ своего сердца, и, слѣдовательно, онъ легко можетъ оказаться неблагонадежнымъ для царствія Божія ¹⁾. Между тѣмъ воспитаніе имѣетъ своей задачей — приготовить духовную зрѣлость питомца, образовать изъ него истиннаго христіанина. Слѣдовательно, безъ всесторонняго развитія души человѣка, безъ должнаго упражненія и укрѣпленія всѣхъ ея силъ въ свойственной каждой изъ нихъ въ отдѣльности сферѣ оно не достигнетъ своей цѣли.

Всесторонняго же развитія человѣческаго духа требуетъ и сама природа его, надъ которой должно работать воспитаніе. Всѣ силы человѣческаго духа находятся въ неразрывной связи и постоянномъ взаимодействіи ²⁾. „Мыслями управляетъ сердце; а сердце управляется желаніями“ ³⁾. „Умъ не живетъ безъ сердца“ ⁴⁾. Умъ и сердце дѣйствуютъ гармонично, взаимно питаются другъ другомъ. „Убѣжденіе ума само собою перерождается въ живое чувство сердца, и по той мѣрѣ, какъ свѣтъ отъ Солнца правды умножается въ умѣ, согрѣвается и воспламеняется сердце“ ⁵⁾. „Умъ — око души усматриваетъ истину и различаетъ ее отъ лжи, а сердце и воля принимаютъ и усваиваютъ оную“ ⁶⁾. При такой тѣсной связи между собою всѣхъ способностей нашей души исключительное, или даже только преимущественное, развитіе одной изъ нихъ въ ущербъ другимъ, конечно, породитъ нежелательныя въ жизни христіанина послѣдствія. Тѣмъ не менѣе въ развитіи душевныхъ силъ дитяти непременно должна быть соблюдаема нѣкоторая послѣдовательность. „Воля, или господствующее желаніе есть господствующее начало, или движущая сила всякой жизни“ ⁷⁾. Значитъ, главнѣйшее условіе, отъ котораго зависитъ успѣхъ воспитанія, лежитъ въ доброй нравственности. На этомъ осно-

1) Ibidem, т. V, стр. 420.

2) Слова и рѣчи, т. I, стр. 278.

3) Ibidem, т. II, стр. 113.

4) Ibidem, т. IV, стр. 586.

5) Ibidem, т. I, изд. 1848 г., с. 292.

6) Ibidem, т. III, стр. 398.

7) Слова и рѣчи, т. II, стр. 113.

ваніи слѣдуетъ начинать воспитаніе съ развитія въ дѣтяхъ добрыхъ навыковъ и твердой воли, направленной къ добру. Разъ воля направлена будетъ къ добру, рассудокъ самъ собою пойметъ истину, и, наоборотъ, малѣйшій порокъ воли уже пагубно отразится на успѣхахъ умственного развитія. Конечно, тотъ или другой недостатокъ сердечной способности также будетъ препятствовать нормальному развитію дитяти и затруднять его. Словомъ, при указанной выше неразрывной связи всѣхъ способностей души, правильнымъ развитіемъ одной обуславливается должное направленіе прочихъ душевныхъ способностей дитяти и наоборотъ.

Что касается до физической стороны нашей природы, то и она, какъ уже было замѣчено, не можетъ быть совершенно игнорирована при воспитаніи. По мнѣнію митрополита Филарета, попеченіе о ней даже необходимо. „Тѣло наше создалъ Богъ, и далъ намъ, какъ орудіе, для дѣйствованія въ тѣлесномъ мірѣ“ ¹⁾. А какъ „работающему орудію надобно пещись, чтобы орудіе было исправно“, какъ „господину надобно пещись, чтобы слуга имѣлъ силу и способность дѣлать дѣло, на него возлагаемое, такъ человѣку надобно пещись о своемъ тѣлѣ“ ²⁾. „Попеченіе о тѣлѣ“ внушаетъ человѣку и сама природа (Еф. V, 29). „Наконецъ, тѣло не только должно беречь и образовать для дѣлъ нужныхъ, полезныхъ и добрыхъ въ мірѣ, но еще можно употребить къ славѣ Божіе (1 Кор. VI, 20). Можно-ли пренебрегать, какъ маловажное, то, чрезъ что можно прославлять Бога“ ³⁾. Только заботиться о физической природѣ человѣка слѣдуетъ настолько, насколько это нужно для тѣла, въ той мѣрѣ, въ какой это требуется самымъ назначеніемъ человеческого тѣла. „Тѣло (существуетъ) не для себя, но для души“ ⁴⁾ „Плоть, или, иначе, тѣло, съ его чувствами, силами, членами, по назначенію Создателя, есть орудіе или слуга души“ ⁵⁾. Значитъ и при заботахъ о физической природѣ человѣка надо имѣть въ виду главнымъ образомъ то, чтобы тѣло человѣка было здорово и могло подлежащимъ образомъ слу-

¹⁾ Слова и рѣчи, т. III, стр. 327.

³⁾ Ibidem, т. III, стр. 327.

²⁾ Ibidem, т. V, стр. 146.

⁴⁾ Ibidem, т. II, стр. 89.

⁵⁾ Ibidem, т. IV, стр. 229; т. V, стр. 146.

жить душѣ. Не должно изнурять тѣло, доводить его до истощенія, немощи, „чтобы оно не сдѣлалось вовсе неспособнымъ служить душѣ“ ¹⁾. Не надо дѣлать тѣлу и „такого угожденія, котораго требуютъ не природа и разумокъ, а пожеланія чувственныя, неуправляемыя разумомъ, прихотливыя, страстныя, необузданныя, преобладающія,—потому что въ такомъ случаѣ тѣло становится не только непокорливымъ слугою души, но даже властелиномъ надъ ней, ея поработителемъ и мучителемъ“ ²⁾. Какъ изнуреніе тѣла, такъ и угожденіе ему одинаково вредно и неразумно. „Бѣдная плоть—лѣнивый прахъ, коимъ подавляется духъ дѣятельный, другъ вѣроломный, врагъ льстивый, помощникъ—измѣнникъ,—стонетъ, когда человѣкъ изнуряетъ ее; когда поблажаетъ ее, своевольствуетъ. Острые терны прободаютъ ее, благовонныя розы погружаютъ въ нѣгу и разслабленіе. Она служитъ цѣлю для разженныхъ стрѣлъ лукаваго, и даже прикрываетъ ковы его“ ³⁾. Поэтому, физическая природа человѣка должна быть воспитываема въ полномъ подчиненіи духовной, необходимо постоянное водительство и управленіе тѣломъ со стороны души. Нужно „связать плоть духомъ, и ея похотей не совершать, ея дѣянія пресѣкать“, потому что „по той мѣрѣ, какъ отказываютъ въ удовлетвореніи похотямъ плоти, плоть умираетъ для грѣха, и духъ оживаетъ для правды, или добродѣтели“ ⁴⁾. Въ противномъ случаѣ человѣку грозитъ опасность потерять душу,—которая для него дороже цѣлаго міра и потеря которой не можетъ быть замѣнена послѣднимъ ⁵⁾, и лишиться возможности „съ радостію скончать теченіе настоящей жизни и вникти въ нескончаемую радость Господа“ ⁶⁾, достигнуть того, къ чему онъ предназначенъ и къ чему должно вести его воспитаніе.

Во-вторыхъ, воспитаніе, согласно своей задачѣ, должно носить строго религіозно-нравственный характеръ. „Душею и основаніемъ воспитанія должно быть благочестіе“ ⁷⁾. „Какъ изъ сокрытаго въ землю сѣмени произрастаетъ дерево съ его

¹⁾ Слова и рѣчи, т. V, стр. 147.

²⁾ Ibidem, т. V, стр. 146.

³⁾ Ibidem, т. I, стр. 142.

⁴⁾ Слова и рѣчи, т. III, стр. 392, 389.

⁵⁾ Ibidem, т. III, стр. 327.

⁶⁾ Ibidem, стр. 392.

⁷⁾ Ibidem, т. V, стр. 476.

плодами: такъ изъ сокрытыхъ въ душѣ человѣка мыслей возникаетъ его нравственная жизнь съ ея дѣлами. По роду сѣмени, питаемаго землею, бываетъ растеніе и плодъ; по роду мыслей, питаемыхъ сердцемъ, бываютъ жизнь и дѣла“. Слѣдовательно, для образованія изъ дитяти истиннаго христіанина должно „сѣять въ его умъ и сердцѣ благочестивыя и добрыя мысли, чтобы произрасла благочестивая и добродѣтельная жизнь; и притомъ, не бросать ихъ поверхностно, случайно, и на удачу, но, подобно искусному и тщательному сѣятелю, съ разсужденіемъ, въ порядкѣ, въ мѣру, полагать оныя въ глубокую бразду ума и постоянно питать чувствованіями сердца“. „Особенно“ это „нужно“, продолжаетъ Филаретъ, „въ наше время, когда съ раннихъ лѣтъ жизни стараются возбуждать и усиливать мысленную дѣятельность, когда въ разнообразіи помысловъ многихъ ищутъ мнимаго образованія, изящества, удовольствія, когда посему души такъ легко засѣваются мыслями плевельными“ ¹⁾). Религіозно-нравственный характеръ воспитанія и образованія обусловливается и природой человѣческаго духа. Человѣческій „умъ, сотворенный по образу Безконечнаго, только вѣчною истиною можетъ утолить жажду вѣдѣнія; сердце [сотворенное по образу Безконечнаго, только безконечнымъ благомъ можетъ насытить алчбу благополучія и блаженства“ ²⁾).

Наконецъ, въ третьихъ, воспитаніе должно идти подъ непосредственнымъ руководствомъ церкви, такъ какъ возстановленіе въ человѣкѣ утраченнаго имъ чрезъ грѣхъ образа Божія возможно только при помощи благодати. Церкви, какъ главной руководительницѣ и воспитательницѣ людей, святитель Филаретъ усволяетъ значеніе непримѣрнаго училища ³⁾). „Въ ней вѣрующіе просвѣщаются словомъ Божиимъ и освящаются таинствами вѣры“ ⁴⁾). „Церковь учитъ вся языки однимъ ученіемъ, примѣняя ученіе къ умственному и нравственному состоянію человѣка“ ⁵⁾). Въ ней Христосъ „открываетъ Свое

¹⁾ Слова и рѣчи, т. V, стр. 151—152.

²⁾ Ibidem, т. V, стр. 154.

³⁾ Слова и рѣчи, т. IV, стр. 373.

⁴⁾ Ibidem, стр. 203.

⁵⁾ Изъ письма м. Филарета къ А. В. Горскому. С. Смирновъ, Исторія Московской духовной академіи, стр. 192.

училище, какого никто, кромѣ Его, ни до Него, ни послѣ Его, не могъ образовать;—училище, всегда довольно высокое для самыхъ возвышенныхъ умовъ и душъ, и вмѣстѣ довольно простое для самыхъ простыхъ и смиренныхъ земли;—училище, въ которомъ, безъ нарушенія справедливаго уваженія и любви къ извѣстнымъ наукамъ, можно замѣтить преимущественно достойные неповерхностнаго любопытства предметы ученія. Слово жизни,—философія не по стихіямъ міра, дающимъ не очень живыя и не очень огромныя познанія, но по живымъ и животворнымъ началамъ премудрости Божіей, въ тайнѣ сокровенной,—созерцаніе Верховной Единицы въ единосущной Троицѣ, и Троицы въ Единицѣ, какъ истиннаго корня всего числимаго, какъ безмѣрнаго основанія всего измѣряемаго,—познаніе земли и неба, не то могильное познаніе земли, которое по глыбамъ и слоямъ сходитъ въ глубину ея, какъ могилу, и остатками разрушенія хочетъ истолковать жизнь погребенную и оставшуюся, безъ надежды воскресить погребенную, и сохранить оставшуюся, не то стеклянное познаніе неба, которое посредствомъ дальнозрительныхъ стеколъ слѣдитъ пути звѣздъ, не пролагая зрителю пути въ небо, но познаніе земли и неба, въ началѣ добрыхъ зѣло, потомъ земли, проклятой въ дѣлахъ человѣка, и неба, сдѣлавшагося нечистымъ (Іов. XV, 15), далѣе, земли, которая съ сущими на ней дѣлами сгоритъ, и неба, которое пройдетъ, наконецъ новаго неба и земли новой, въ которыхъ правда живетъ и въ которыя можемъ переселиться и мы, если правдою жить будемъ,—законодательство, не какое-нибудь древнее Греческое и Римское, которому время дало важность и котораго время показало слабость, потому что государства, которыя хотѣло благоустроить и упрочить сіе законодательство, давно исчезли, но законодательство, которымъ Царь неба и земли благоустроитъ Свое царство всѣхъ вѣковъ и Свое владычество во всякомъ родѣ и родѣ, и, что особенно важно для каждаго изъ насъ, законодательство, которымъ Онъ хочетъ устроить Свое царство внутри насъ, если мы рѣшительно и дѣятельно возжелаемъ сдѣлаться сынами Его царствія,—врачебная наука душъ, преподающая средство не только исцѣленія отъ болѣзней душев-

ныхъ, но и воскресенія отъ смерти духовной, показывающая способы не только: сохранять отъ разрушительныхъ нравственныхъ недуговъ жизнь, какую имѣемъ, но и обрѣтать новую, лучшую, открывающая не мечтательное, а подлинное, всеисцѣляющее врачество, Плоть и Кровь Богочеловѣка, и единственное начало высшей жизни—Благодать Святаго Духа:—не занимательны ли должны быть сіи учебные предметы? Не достойны ли ревностнаго слушанія и послѣдованія Единственный Учитель, Который преподавалъ и преподаетъ ихъ въ Своемъ вселенскомъ училищѣ? ¹⁾ Къ этому вселенскому училищу—церкви святитель Филаретъ и убѣждаетъ всѣхъ и всегда обращаться за помощію, за истиннымъ просвѣщеніемъ и удовлетвореніемъ запросовъ и нуждъ своей богоподобной души, потому что въ церкви „подъ ея благодатною сѣнію и при ея свѣтѣ лучше, нежели гдѣ-либо, юность можетъ расти духовно, процвѣтать и приносить плодъ во спасеніе“ ²⁾.

Итакъ, воспитаніе въ широкомъ смыслѣ слова должно состоять, по мнѣнію митрополита Филарета, въ раскрытіи божественнаго въ существѣ человѣка, какъ созданнаго по образу Божию, въ оживленіи и развитіи новаго человѣка, рожденнаго отъ Бога, и въ умерщвленіи ветхаго, разбитаго грѣхомъ, имѣть своею конечною цѣлью „образование“ изъ ребенка „истиннаго христіанина по духу православной церкви“ и, потому, быть всесторонне развивающимъ, обнимать человѣка въ полномъ его составѣ—духовномъ и тѣлесномъ, идти, при взаимодѣйствіи всѣхъ душевныхъ силъ дитяти съ подчиненіемъ физической природы духовной, на строго религіозной почвѣ и подъ руководствомъ церкви. Это—общія начала, полагаемая святителемъ Филаретомъ въ основу педагогич. Какъ же должны быть осуществлены эти начала, по мыслямъ митрополита Филарета, въ самомъ дѣлѣ воспитанія, объ этомъ и будетъ рѣчь дальше.

*Преподаватель Визанской духовной семинаріи
Андрей П. Покровский.*

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Слова и рѣчи, т. IV, стр. 62—63.

²⁾ Слова и рѣчи, т. IV, стр. 320.

ПОЛОЖЕНІЕ

ДРЕВНЕ-РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ—ХРИСТИАНКИ.

(ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

(Окончаніе *).

III.

Нравственный идеаль, внесенный христіанствомъ въ положеніе древне-русской женщины.

Отреченіе русской женщины отъ своихъ старыхъ правъ не могло быть достигнуто насильственно, путемъ видоизмѣненія юридическихъ законовъ и обычаевъ. Наша женщина не была столь слабою и безсильною, чтобы позволить рѣзко измѣнять свое положеніе въ угоду проводимымъ чужеземцами понятіямъ. Но ея положеніе все же слишкомъ измѣнилось: это говорятъ намъ суровые факты. Они же должны убѣждать насъ, что и сама женщина мало по малу признала какой то высшій авторитетъ, признала и покорилась ему. Но столь глубокая покорность сама собою предполагаетъ, съ одной стороны, величье авторитета, съ другой—дѣйствительно сильное увлеченіе имъ. Авторитетомъ для русской женщины явилась христіанская вѣра: она смягчила ея нравы, указала ей новые идеалы; ея авторитетъ заставилъ женщинъ признать справедливыми и тѣ понятія, и тѣ взгляды, которые проводились на ряду съ христіанскими истинами. Она же примирила ее и съ тѣмъ положеніемъ, которое было слѣдствіемъ этихъ побочныхъ вліяній. Вообще христіанство произвело сильное нравственное вліяніе на наше древнее общество.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 7 за 1908 г.

Нѣтъ нужды говорить о томъ, что въ правахъ и образѣ жизни христіанки все болѣе и болѣе становится замѣтнымъ умаленіе прежней рѣзкости, а вмѣстѣ и предприимчивой порывистости. Объ этомъ свидѣлствуютъ всѣ наши лѣтописи, которыя отмѣчаютъ новое направленіе въ дѣятельности нашей женщины, направленіе слишкомъ отличающееся отъ прежнихъ монастырскихъ и воинственныхъ стремленій.

Мы именно и должны указать, въ какую сторону направились духовныя силы русской женщины подъ вліяніемъ христіанства.

Уже съ раннихъ поръ становится замѣтнымъ, что многіе русскіе люди относились къ Христовой вѣрѣ очень ретиво. Какъ всегда бываетъ съ неофитами, они стремились усвоить Евангельское ученіе даже съ тѣми требованіями, которыя возможны только для „могущихъ вмѣстити“. Этому направленію особенно должно было помогать распространившееся тогда въ Византіи строгое аскетическое направленіе въ жизни. Развратъ порочной Византіи къ тому времени достигъ уже такого пункта, когда лучшіе люди стали находить невозможнымъ терпѣливое отношеніе къ окружающимъ безобразіямъ. То было время, когда люди правственнаго долга убѣдились, что въ тогдашнемъ положеніи общества возможны были только самыя строгія и рѣшительныя мѣры къ пресѣченію зла. Но въ ихъ рукахъ была только одна такая мѣра; это аскетизмъ, который своимъ рѣзкимъ контрастомъ могъ произвести впечатлѣніе на окружающую распущенность. Это направленіе было сильно развито особенно среди Византійскаго духовенства. Часть послѣдняго переселилась на Русь и, конечно, не могла не призвать своихъ суровыхъ идей къ искавшимъ духовныхъ подвиговъ слушателямъ. Вотъ почему мы очень рано встрѣчаемъ въ русскихъ людяхъ стремленіе къ безбрачію и развитіе монастырскихъ идеаловъ. Слова апостола: „добро челоуѣку женѣ не прикасатися“ (1 Кор. VII, 1), или „глаголю безбрачнымъ и вдовицамъ: добро имъ есть, аще пребудутъ якоже и азъ“ (1 Кор. VII, 8), т. е. безбрачными, иными понимались у насъ въ смыслѣ обязательнаго требованія для каж-

даго желающаго спасенія. Уже о св. Борисѣ, сынѣ Владиміра, писатель житія выражается: „блаженный худѣ рачаше о бракѣ. Се же блаженный сотвори (т. е. вступилъ въ бракъ) не похоти ради тѣлесныя, не буди то“ ¹⁾. Въ „житіи“ преподобнаго Моисея Угрина безбрачіе признается вѣрнымъ путемъ ко спасенію. На увѣщанія жениться, читаемъ мы въ немъ, „блаженный Моисей отвѣща: ей братіе и добріи друзи мои, добрѣ мнѣ совѣтуете, разумѣю, яко лютѣйшая отъ змінна шептанія, еже въ рай къ Евѣ; словеса предлагаете мнѣ: нудите меня покорятися женѣ, но никакоже совѣта вашего прииму... И аще мнози праведницы спасошеся съ женами, азъ единъ грѣшенъ есть, не могу спастися... Попрошу убо васъ, кому подобаетъ наче работати, Господеви ли, или женѣ... Николи же прельститъ мя красота женска, ниже отлучитъ мене отъ любви Христовы“ ²⁾.

Одобрѣя безбрачіе, считая его идеаломъ, многіе русскіе люди стремились достигъ его и въ своей жизни, для чего уже съ ранняго времени стали уходить въ монастыри ³⁾.

Въ дѣлѣ религиозныхъ увлеченій женщина вездѣ была воспріимчива не меньше мужчины, а въ большинствѣ случаевъ даже болѣе. То же было и на Руси. Здѣсь прежніе вольные порывы очень скоро замѣнило стремленіе къ суровой аскетической жизни; среди женщинъ сильно развились монастырскіе идеалы. Уже при внучкахъ Владиміра святаго мы наблюдаемъ господство монастырскихъ влеченій даже въ самомъ княжескомъ домѣ. Дочь Всеволода, сестра Мономаха, Янка первая „пострижеся дѣвою“. „Сія же Янка совокупивши черноризцы многи, пребываше съ ними по монастырскому чину“ ⁴⁾ въ монастырѣ, который построилъ для нея самъ отецъ. Сестра ея Евпраксія немного спустя постриглась въ Печерскомъ монастырѣ ⁵⁾. Съ этого времени лѣтопись не перестаетъ говорить про постриженіе княгинь и княженъ. Такъ подъ 1146 г. чи-

¹⁾ Сказаніе о святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ, изд. Срезневскаго, 1860 г., Сиб. Текстъ житія, 9 столбецъ.

²⁾ Патерикъ Печерскій, 106 л. и на обор.

³⁾ См. житіе Феодосія, игумена Печерскаго, „Чтенія“... 1858 г. кч. III. 1—6 л.

⁴⁾ П. С. Р. Л. I, 88.

⁵⁾ П. С. Р. Л. I, 120.

таемъ: „тое же зимы преставися благовѣрная княгиня Марица, дщи Володимеря, мѣсяца того же въ двадцатый, въ недѣлю, а въ понедѣльникъ въложена бысть въ гробъ, въ своей церквѣ; *отъ ней же и пострижесе*“ ¹⁾. Евфросинія (Предслава), дочь Полоцкаго князя Георгія Святослава постриглась въ монастырѣ, гдѣ была инокинею ея тетка, супруга князя Романа Всеславича ²⁾. Съ теченіемъ времени Евфросинія основала свой собственный монастырь, гдѣ постриглись ея двѣ сестры—родная Горислава и двоюродная Звенислава ³⁾, а также двѣ племянницы, въ иночествѣ Агаѳія и Евѳимія ⁴⁾. Если столько постницъ было въ княжескомъ домѣ на протяженіи меньше, чѣмъ столѣтія, то можно судить, какъ сильно было увлеченіе аскетическими идеями вообще среди русскихъ христіанокъ. Мы видимъ существующими жепскіе монастыри, мы читаемъ про основаніе новыхъ; и здѣсь и тамъ соединялись „*черноризцы многи*“. Съ XIII и XIV вѣковъ это увлеченіе замѣтно еще сильнѣе. Въ Московскомъ княжескомъ домѣ мы находимъ цѣлый рядъ инокинь: Ульяну, супругу Калиты; Александру—Марію, супругу Семена Ивановича; Евдокію, супругу Дмитрія Донскаго; Софью—Василія Дмитріевича; Марію—Василія Темнаго ⁵⁾. Такіе же ряды и въ другихъ великокняжескихъ родахъ—Суздальскихъ, Тверскихъ, Рязанскихъ.

Особенно замѣтно стремленіе къ иноческимъ подвигамъ среди честныхъ вдовъ. Оно, повидимому, обратилось въ обычай, едва ли даже не обязательный. „А княгиня моя, говоритъ Владиміръ Васильковичъ Галицкій, по моемъ животѣ, оже восхоцетъ въ черницы пойти поидеть, аже не восхоцетъ ити, а како ей любо, мнѣ не воставши смотрѣтъ, что иметь чинити по моемъ животѣ“ ⁶⁾. По „Духовной новгородца Климента XIII в.“ постричься въ черницы представляется какъ бы обязанностью вдовы; „а жена моя пострижеться въ чер-

¹⁾ П. С. Р. Л. I, 137.

²⁾ „Книга Стенениал, царскаго родословія, содержащая исторію російскую“. Москва 1775 г. ч. I, стр. 270—271.

³⁾ Тамъ-же, стр. 274—275.

⁴⁾ Тамъ-же, стр. 279.

⁵⁾ Виллюенка, Древняя Російская, изд. Н. Новикова, Москва, VI, 443.

⁶⁾ П. С. Р. Л. II, 215.

нице, есть ей чимъ ся постричи... то вы дайте ей четверть,... ино того не въслушаетъ, а нѣчто меньше дадите ей" ¹⁾).

Въ Московскомъ государствѣ, наконецъ, къ монастырю стали прибѣгать для прекращенія всякихъ семейныхъ неприятностей²⁾).

Это аскетическое увлеченіе выработало на Руси „образъ постницы, образъ иноческаго благочестія (даже и) въ міру, иноческой чистоты и строгости права, иноческаго освященія всѣхъ помышленій и всѣхъ поступковъ, всякаго движенія душевнаго и тѣлеснаго. Въ этомъ только образѣ познавалась нравственная красота женской личности" ³⁾. Вотъ что, напр., говорится про супругу одного князя: „преставися кн. Нижегородскій Андрей Константиновичъ. Княгиня же Василиса много плакавше по князи своемъ; пребысть вдовою 4 лѣта; пострижена бысть отъ Діонисья архимандрита Печерскаго и наречено бысть имя ей Θεодора. Бысть ей тогда отъ рожденія лѣтъ 40, и раздавала все имѣніе свое церквамъ и монастырямъ и нищимъ, а слугы своя и рабы и рабыни распустила на свободу, а сама нача жити въ монастырѣ у св. Зачатья, иже сама создала при князи своемъ; живяще же въ молчаніи, тружася рукодѣлемъ, постомъ, поклоны творя, молитвами и слезами, стояньемъ ношнымъ и неспаніемъ; многажды и всю ночь безъ сна пребываше; овогда чрезъ день, овогда чрезъ два, иногда же и пять дней не ядася, въ мовню не хожаше, въ срачицѣ не хожаше, но власяницу на тѣлѣ ношаше; пива и меду не пьаше, на пирѣхъ и на свадьбахъ не бываше, изъ монастыря не исхожаше, злобы ни на кого же не держаше, ко всѣмъ любовь имѣаше. Таковое же доброе и чистое житье ея видѣвше, мнози боярыни, жены и вдовицы и дщери постригашеся у ней, яко бысть ихъ числомъ и до 90 и вси общее житье живяху" ⁴⁾).

¹⁾ Христоматія по исторіи рус. права. Владимірск.-Буданова. См. «Духовная Клятва».

²⁾ Петрелъ, Сказан. иностран. писателей о Россіи, т. I, 319. Коллинза, Ныѣшн. состояніе Россіи, пер. Кирѣевск., Чт. Моск. Общ. истор. и древн. Рос. 1846 г., кн. I, стр. 4.

³⁾ И. Е. Забѣлявъ, Домашній бытъ русскихъ царьцъ XVI и XVII стол., стр. 104.

⁴⁾ Карамзинъ, Указ. соч., V, прим. 4.

Разъ такое направленіе овладѣло стремленіями женщинъ, оно уже приковывало къ себѣ все ихъ вниманіе. Теперь, если лѣтописцы говорятъ о дѣлахъ женщинъ, то это непремѣнно дѣла благочестія. Та строитъ монастырь ¹⁾ или церковь, другая раздаетъ свое имѣніе на нужды неимущимъ ²⁾, третья вышиваетъ для церковей ризы и напрестольныя одежды ³⁾, четвертая лѣчитъ больныхъ ⁴⁾ и т. д. На дѣла благочестія и благотворительности, соединенныя съ личнымъ подвижничествомъ, направлены всѣ духовныя силы, всѣ знанія и искусства лучшихъ женщинъ того времени. Въ этихъ христіанскихъ занятіяхъ онѣ искали себѣ успокоенія отъ всѣхъ невзгодъ своего утѣшеннаго положенія, въ нихъ видѣли главный смыслъ своей жизни, ими онѣ спускали и уваженіе въ обществѣ. Въ лѣтописи говорится, наприм., что Марія, супруга Суздальскаго князя Всеволода Юрьевича постриглась въ 1256 году, по случаю восьмилѣтней болѣзни, еще при жизни мужа. „Не можно было видѣть общей скорби, замѣчаетъ лѣтописецъ, потому что до всѣхъ была добра „презлмхѣ“. Съ дѣтства въ страхъ Божиємъ любила правду, воздавая честь епископамъ, игуменамъ, чернецамъ, пресвитерамъ: „любяше черноризецъ и подаваше требованіе имъ; бѣаше бо нищелюбвица и страннолюбвица, печальныя и недужныя и болныя тѣхъ всѣхъ утѣшаше, и подаваше имъ требованіе ⁵⁾).

Иночество, кромѣ уваженія, еще предоставляло женщинѣ и права, которыми ей не приходилось пользоваться въ семейномъ состояніи. Это—права свободы дѣйствій и возможность общественной дѣятельности. Въ этомъ отношеніи мы имѣемъ замѣчательный фактъ, касающійся Янки, дочери Всеволода. „Въ се же лѣто, читаемъ мы подъ 1089 годомъ лѣтописи, *иде Янка азъ Греки, дщи Всеволожа, нареченная преже; приведе Янка митрополита Иоанна скопчину*“ ⁶⁾.

Увлеченіе аскетическими идеями имѣло и еще одно слѣд-

1) П. С. Р. Л. I, 88.

2) П. С. Р. Л. II, 153 и др.

3) Повѣсть о Муромскомъ князѣ Петрѣ и супругѣ его Февроніи. Памятники стар. русск. литерат. Вып. I, стр. 39 и мн. др.

4) Тамъ-же, вып. I, стр. 31—32 и др.

5) П. С. Р. Л. I, 178.

6) П. С. Р. Л. I, 89.

ствіе. Монастырскій идеаль такъ привился въ сознаніи русскаго общества, что тогдашній семьянинъ сталъ мало по малу переносить и въ свою домашнюю жизнь и обстановку многіе монастырскіе порядки, обычаи и правила¹⁾. Этимъ путемъ произошелъ тотъ монастырскій строй семейнаго быта, который отмѣченъ Домостроемъ. Въ III главѣ этого памятника говорится о томъ, „какъ мужу съ женою и съ домочадцы въ дому своемъ молитися“, предложены такія правила: „по вся дни, въ вечерѣ, мужъ съ женою, и съ дѣтьми и съ домочадцы, кто умѣетъ грамотѣ, отпѣти вечерня, повечерница, съ молчаніемъ, и со вниманіемъ, и съ краткостояніемъ, и съ молитвою, и съ поклоны. Пѣти внятно и единогласно. Послѣ правила, отсюда, ни пити, ни ясти, всегда всякому тому наукъ... а въ полунощи, всегда, тайно вставъ со слезами, прилежно къ Богу молитися, елико умѣстимо, о своемъ согрѣшеніи и утре вставая также, и комуждо по силѣ и по желанію, а не празнымъ женамъ кланятися до пояса“²⁾ и пр. Въ каждомъ домѣ должно совершаться предъ иконами съ возженными свѣчами славословіе Богу, пѣніе, кажденіе „благовоннымъ ладномъ и фиміамомъ“³⁾. Вообще весь домъ превращался въ монастырь малаго чина съ монастырскими порядками и правилами. Въ такомъ монастырѣ былъ свой игуменъ—мужъ, глава семьи. „Вы есте игумени домовъ своихъ“, говорится въ одномъ старинномъ домостроѣ⁴⁾.

Въ зависимости отъ этого облика семейной жизни выработался на Руси идеаль прилѣтной жены. Онъ простъ и несложенъ. Жена прежде всего должна быть хорошей хозяйкой. Такая жена дастъ своему мужу „благо все житье“; „обрѣтши волну и ленъ, творить благопотребная рукама своима; владаеть яко корабль, куплю дѣющи, и собираеть особо богатство; и въставъ и отъ нощи, и даетъ брашно дому и дѣла рабынямъ; видѣвши стяжанье куповаше, отъ дѣлъ руку своею насадить стяжанье; препоясавши крѣпко чресла своя, и утверди мыщцю

1) Знаменскій, Руководство по рус. церковн. исторіи, стр. 98.

2) Домострой, 16—17.

3) Тамъ-же, 8—9.

4) Забѣлинъ, Домашній бытъ русскихъ царицъ, стр. 43.

свою на дѣло; и вкуси, яко добро есть дѣлати и не угасаетъ свѣтильникъ ея всю ночь; руцѣ свои простираетъ на полезныя, локѣти своя устремляетъ на вретено; *руцѣ свои простираетъ убогому, плодъ же простре нищему*; не печется мужъ ея о домѣ своемъ, егда гдѣ будетъ, вси свои ея одѣни будутъ; сугуба одѣянья створить мужеви своему,—очервьлена и багряна себѣ одѣнья; взоремъ бываетъ во вратѣхъ мужъ ея, вегда аще сядеть на сонмищи съ старци и съ жители земли; опоны сѣтвори и отдаетъ въ куплю; уста же свои отверзе смысленно, въ чинъ молвить языкомъ своимъ; въ крѣпость и въ лѣпоту облечеса; милостыня же ея въздвигоша чада ея и обогатиша, и мужъ ея похвали ю¹⁾. Однимъ словомъ отъ жены требовалась безконечная забота и забота, цѣлью которой было угожденіе мужу и помощь бѣднымъ. Вторымъ условіемъ была „покорливость“ и послушаніе своему супругу. „Добрая жена покорлива и послушлива“²⁾. „Жена добра и покорлива вѣнецъ мужу своему. Обрѣтъ всякій мужъ жену добру и покорливу износитъ изъ дому своего благая... Жена добра въ домѣхъ предъ мужемъ покареніе и послушаніе“³⁾... Поэтому Домострой учитъ, чтобы жена съ любовію принимала и дѣлала то, чему учитъ ее мужъ⁴⁾. Хорошая жена даже не должна имѣть своей воли; ей остается только *мнѣніе, помыслъ*, которые она должна предлагать на обсужденіе и утвержденіе своему мужу⁵⁾. Безъ совѣта и воли мужа она, какъ младшій братъ монастыря, ничего не должна дѣлать въ своемъ домѣ. Ей слѣдуетъ „по вся дни съ мужемъ о всемъ спрашиватися, и совѣтовати о всемъ; и како въ люди ходити, и къ себѣ призывать и съ гостями что бесѣдовати“⁶⁾. Эти условія и составляли *идеалъ*.

1) П. С. Р. Л. 1, 34—35.

2) Сборникъ Соф. Новгородск. библ. № 1490, Л. 532, у Дубакина, указан. соч., стр. 173.

3) Тамъ же, Л. 532 обор. 533. Дубакинъ—173.

4) Домострой, стр. 50.

5) Тамъ же, стр. 53.

6) Тамъ же, стр. 57—58.

IV.

Вліяніе аскетическихъ нападокъ на древне-русскую женщину.

Въ исторіи нашей женщины можно наблюдать одинъ очень опредѣленный фактъ; это—постепенное стѣсненіе ея собственной инициативы, отдача ея подъ прямой и постоянной контроль мужчины, а вмѣстѣ съ этимъ несомнѣнное приниженіе ея положенія. Къ концу періода исторіи древней Руси женщина, состоящая при мужчинѣ, фактически дошла уже до полного безправія; ея идеалами стали предписанія Домостроя о распорядительности въ хозяйствѣ и повиновеніи мужу. Къ этому, конечно, вели и зародившаяся „цивилизация“, всегда стѣсняющая женскую свободу и, юридически и социалью, и ризвитіе въ обществѣ аскетическихъ стремленій и другія причины. Но можно замѣтить, что приниженіе женщины шло постепенно и все болѣе и болѣе усиливаясь. Здѣсь уже должна корениться одна общая причина, которая неблагоприятно настраивала общество по отношенію къ слабѣйшей половинѣ его. Дѣйствіе этой причины, конечно, долгое время парализовалось еще жившими прежними обычаями и отношеніями и судьба женщины измѣнялась медленно. Но, ничто не вѣчно. Подъ многими вліяніями; сломились старыя привычки и таившееся зложелательство начало дѣлать крупные шаги. Затѣмъ уже, подбодряемое общимъ сочувствіемъ, оно стало непримиримымъ врагомъ женщинъ. Эта коренная причина была именно *зложелательствомъ*, притомъ исключительно заноснымъ, но съ теченіемъ времени распространившимся широко. Виновники его Греки, частію, ихъ крайне аскетическое увлеченіе. Мы уже видѣли, какое мѣсто для женщины отводилъ аскетизмъ въ жизни; въ другомъ мѣстѣ касались отношеній ея къ супружескимъ связямъ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ замѣтна уже общая точка зрѣнія, на жену, какъ на существо не только низшее по сравненію съ мужчиною, но и какъ на препятствіе, „засаду“ для его спасенія. Въ этомъ взглядѣ уже соединились два теоретическихъ принципа: и своеобразная житейская философія,—слѣдствіе борьбы съ византійскою распущенно-

стью, и известная религиозная нетерпимость,—плодъ аскетическихъ сраженій съ своими собственными страстями. И то, и другое сошлось въ опредѣленіи одного изъ главныхъ виновниковъ гибели человѣка. Такимъ виновникомъ была женщина. Понятно, почему аскетизмъ вооружился противъ нея. Человѣкъ ставилъ своею цѣлью презрѣть „вся красная міра сего“ и въ то же время встрѣчалъ въ женщинѣ воплощеніе этой презираемой имъ красоты и молодости. Жизнерадостность красиваго и молодаго существа—далеки были отъ его строгихъ и уравновѣшенныхъ идеаловъ суроваго подвижничества и постоянной борьбы съ мірскими влеченіями. Въ ней онъ видѣлъ олицетвореніе грѣховнаго міра, который манитъ къ себѣ, прельщаетъ чувственными наслажденіями, но въ то же время отвлекаетъ отъ высокихъ думъ о своемъ спасеніи. Но эти ревнители хорошо знали, что легкомысленный, по ихъ представленію, міръ твердо держится на стремленіи къ житейскому счастью, однимъ изъ видныхъ элементовъ котораго являются тѣсныя отношенія между полами. Здѣсь то достоинства женщины особенно и отвлекали мужчину отъ уединеннаго подвижничества. Вотъ почему аскетизмъ направилъ свои нападкы на привлекательныя свойства женщинъ, прежде всего на ихъ красоту.—„Бѣжи і не озираіся красоты женской, яко Ной отъ потопа и яко Лотъ отъ содомскаго запыления“¹⁾, говоритъ „притча о женской злобѣ“. „Взоръ на жены рождаетъ уязвленіе, уязвленіе рождаетъ помышленіе, помышленіе родитъ разженіе, разженіе родитъ дерзновеніе, дерзновеніе родитъ дѣйство“²⁾. Все это понятно съ аскетической точки зрѣнія. Но моралисты не удержались на почвѣ однихъ предостереженій. Занятые такими нравоученіями, они упустили изъ виду, что не всегда же жена „погубляетъ чловѣчки острѣйшее меча“³⁾. Они уже не могли сказать о ней ничего хорошаго, а упрекали только за дурное. „Что есть жена“? спрашивали моралисты, желая какъ бы опредѣлить ея

¹⁾ Памятвникъ старинной русской литературы. Вып. II. „Притча о женской злобѣ“, стр. 468.

²⁾ „Книга Пчѣла“. Текстъ взятъ изъ указ. соч. Аристова. „Зара“. 190.

³⁾ Притча о женской злобѣ. 468.

назначеніе въ жизни? Оказывалось, что это „*суть сотворена, прельщающеи челоуѣки въ сластехъ свѣтлымъ лицомъ, высокою выею, очами назирающеи, ланитами слабящися, языкомъ поющеи, гласомъ сквернящимъ, словеса чарующи, ногами играющеи*“¹⁾. Такимъ образомъ набрасывалась густая тѣнь на жизненную миссію женщины. Книжпикки намекали на то, что она сотворена совсѣмъ не на добро, а есть въ сущности помощница дьяволу. „Много бо бѣсу помощи въ женахъ“, философствуетъ авторъ одной изъ обличительныхъ статей. Моралистъ старался доказать, что женщина, дѣйствительно, какое то неудачное твореніе. „Умъ женъскіи нетвердъ, яко храмъ непокровенъ, аки оплоть неокопанъ до вѣтра стоитъ, тако и мудрость женъ до прелестнаго глаголанія и до сладкаго увѣщанія тверда“²⁾. Женщина обрисовывалась легкомысленною по самой своей природѣ; особенно ей непонятны высокія аскетическія стремленія. „Немощнѣйшіи суть разумы женстии: въ не чувственныхъ (сверхъестественныхъ) ничтоже могуще умное постигнути“³⁾. Это не только положительная „слабость“, но и положительная „шаткость“. Она и лѣнива, и злоязычна, „имѣетъ языкъ яко бритву изощрену... всѣхъ злословитъ, и укоряетъ, и осуждаетъ і на всѣхъ ядъ своего языка іспущаетъ“⁴⁾), „крадлива“ и „лукава“, „льстива“ и распутна. Если мужъ ея дома, „она его вскорѣ оболститъ; еще въ дому его не прилучится, і она близ оконца приседитъ, сѣмо и овамо колеблющися, а со смиреніемъ не седитъ: скачетъ и пляшетъ, і всѣмъ тѣломъ движетъ, сандалиями стучитъ, руками плещитъ, и пляшетъ..., бедрами трясетъ, хрептомъ вихляетъ, головою киваетъ, гласомъ поетъ, языкомъ глаголетъ, бѣсовская ривы многи премяняетъ, і в оконце часто призираетъ, подобно Иродиаде чинитца, и многимъ юнымъ угодитъ, і всякого къ себѣ льститъ“⁵⁾. Она, наконецъ, „обавница“ и „еретица“⁶⁾. „Прокудливая жена... прехитро себя украшаетъ, но приятни сандалия обуваетъ вѣжды, свои ощицлетъ, дугами учинитъ, лице и выю красками увапитъ и румяностію украситъ; въ очи черности пуститъ,

1) У Аристова... Стр. 190.

2) Притча о женск. злобѣ. 470.

3) У Аристова..., стр. 190.

4) Притча о женской злобѣ, 463.

5) Тамъ-же, стр. 463.

6) Тамъ-же, стр. 463.

въ одѣяніе багряное облачится, перстни на руки возлагаетъ; верхъ главы своея златомъ и другимъ каменіемъ украшаетъ и на лукавныя дѣла тщится. Когда грядетъ путемъ, ступаетъ тихо, легко, главу кротко обращаетъ и очами не вскорѣ взираетъ и всѣ составы свои къ прелести человѣческой ухитряетъ, и многія души огненальными стрѣлами устремляетъ, яко ядомъ змійнымъ¹⁾. Какой то царь, зная „каковы жены къ прелести готовы и злонравны“, выразился, что онъ находилъ въ тысячахъ много мужей мудрыхъ, но и „въ десяткахъ тысячъ не нашелъ ни одной мудрой жены“²⁾.

Это уже отнюдь не правоученіе, а злая и брюзгливая нападенія, обливающія грязью все женское существо. Неудивительно, что при такихъ воззрѣніяхъ на умственные и нравственные качества женщины книжники-моралисты выработали „ученіе“ о женщинѣ, какъ о существѣ безконечно „зломъ“ и чрезвычайно вредномъ. Притчи „о женской злобѣ“ и другія „сказанія“ дышутъ такою непримиримою ненавистью противъ нея, такою ядовитостью въ обличеніи женскихъ пороковъ и слабостей, какихъ трудно подыскать въ другихъ полемическихъ памятникахъ.

„Слыши, сыне мой“, поучаетъ книжникъ: „изъ куста исходитъ змья, и узритъ человѣка, и от него бѣжитъ; а злая жена подле человѣка лежитъ, а змійнымъ ядомъ дышитъ—семя истинная запазушная змья; пока мужъ ея по ней ходитъ и вопреки ничего не глаголетъ, то и она ему терпитъ; а егда ей мужъ чѣмъ погрозитъ или досадитъ, и она на него яко змья шипитъ; и аще ю бьетъ жезломъ или пиваніемъ или за власы рванетъ, то злую жену ничто нейметъ, но тоцію раздражаетъ, и она злобою своею что змья шипитъ, в сердце его злохитрствомъ секнетъ“³⁾. „Злая жена—это злое дьявольское и острое оружіе! Жена вся закаляетъ, вся коритъ, вся убиваетъ, вся хулитъ, вся потязаетъ (ругаетъ); жена безстыдна: ничего не сумняся—ни пророка не стыдится, ни святителя не срамится, ни сѣдинъ честныхъ. *О зло, зла злѣ жена зла!* Аще убога, то зломъ богата; аще богатство имать, то оно помогаетъ ея

1) Притча о женской злобѣ, 464—465.

2) Тамъ-же, стр. 470.

3) Тамъ-же, стр. 464.

злѡбѣ. Это неисцѣлимый недугъ, неуязвимый звѣрь: аспиды, львы, тигры и рыси ласково усмиряются, а злая жена корима бѣсится, а квочима высится. Аще имать мужа князя, то ночь и день научаетъ на убійство; а убога мужа на гнѣвъ и ссоры, а вдова острить языкъ на все и всѣхъ не взирая на страхъ суда Божія. Да, воистину нѣтъ сильнѣе злѡбы женской; рече бо мудрый: жена лукава мужу грѣшну дается" ¹⁾. „Не скоть въ скотѣхъ—коза, не звѣрь во звѣрехъ—ежъ, не рыба въ рыбахъ—ракъ, не птица во птицахъ—неопыръ, а не мужъ въ мужѣхъ, кѣмъ своя жена владѣтъ“, говоритъ Даніиль Заточникъ. „Что есть жена злая? спрашиваетъ онъ.—„Гостница неусыпаемая (большая проѣзжая дорога), купница (соучастница) бѣсовская. Что есть жена зла? Мірскій мятежъ, ослѣпленіе уму, начальница всякой злѡбѣ, во церкви бѣсовская мытница, поборница грѣху, засада спасенію. Лучше камень долбить или желѣзо варить, нежели злую жену учить“ ²⁾. „Что лихая жена?“ спрашивается въ „притчѣ о женской злѡбѣ“. „Жена злая домовая буря, многимъ потопъ, неудержимое стремленіе, сердцу копие, і никомъ зженіе, і очесемъ поползвеніе, таінамъ обличеніе, покоище змиіно, смертоносная бѣседа, не оставляющая трясавица, неутолимая огневица, мужу спящая, лѣсть востающая, печаль самахотная, злая ратница, грѣхомъ учительница, темный вождь, хоругви адова, неспадаемо желаніе, вѣтвь діаволя, спасаемымъ соблазнъ, болѣзнь неисцелная, злоба безувѣтная, удобъ уловляющая дерзость, жена злая—вѣтръ северъ, день неведранъ, коза неистовая, гостинница жидовская, совокупленница бѣсовская, насытная похоть“ ³⁾...

Въ старинныхъ повѣстьяхъ на женщину взведены такіе грѣхи, которые практически представляли ее „сосудомъ діавола“. Она и распутница и кровосмѣсительница и даже бѣсовская любовница. Еще древній лѣтописецъ былъ убѣжденъ, что женщина гораздо ближе стоитъ къ бѣсу, чѣмъ мужчина, поэтому волшебство происходитъ преимущественно чрезъ нее, „искони

¹⁾ Извѣстія II отдѣла. Академіи Наукъ. X, 220—226.

²⁾ „Посланіе заточника Даніила въ Георгію Долгорукому“. Памятныя Рус. Слов. XII в. гл. XX, стр. 237—239.

³⁾ Притча о женск. злѡбѣ, стр. 468.

бо бѣсъ жену предсти, си же мужа; тако въ си роди много волхвуютъ жены чародѣйствомъ, и отравою, и инѣми бѣсовскими козньми“¹⁾. Въ послѣдующее время на Руси появилась „повѣсть о бѣсноватой женѣ Соломонѣ“, гдѣ на женщину было взведено обвиненіе не только въ плотскихъ сношеніяхъ съ бѣсами, но и рожденіи многихъ бѣсенятъ²⁾. Идти дальше въ уничтоженіи женщины было нельзя; не даромъ же эта повѣсть появилась въ XVII вѣкѣ³⁾, когда понятія и бытъ древней Руси получили окончательное завершеніе.

Такія злостныя нападки на женское существо проникли къ намъ со времени самаго христіанства. Уже въ „Изборникѣ Святослава“ (1073 г.) помѣщена статья „о злыхъ женахъ“ (греческаго происхожденія). Та же статья въ разныхъ вариацияхъ входила въ составъ, такъ называемыхъ, книгъ „Пчелъ“, распространявшихся во многихъ спискахъ. Съ XI же вѣка мы встрѣчаемъ нерѣдкія выдержки изъ этихъ „Пчелъ“ и въ чисто русскихъ произведеніяхъ. При томъ замѣтно, что и русскіе книжники не прочь и отъ себя прибавить не одно злое словечко противъ женщинъ. Выдержки и собственныя прибавленія мы находимъ и въ „посланіи черноризца Іакова къ князю Изяславу“⁴⁾, и въ „Лаврентьевской лѣтописи“⁵⁾, и въ „посланіи Даніила Заточника“⁶⁾, и въ „Печерскомъ патерикѣ“⁷⁾. То же повторялось и послѣ уже въ разныхъ монастырскихъ уставахъ, даже въ „Кормчихъ“⁸⁾ и многихъ другихъ памятникахъ. Появились повѣсти „о грѣшной матери“⁹⁾, „Видѣніе мукъ грѣшницы въ аду“¹⁰⁾, „о бѣсноватой женѣ Со-

1) П. С. Р. Л. I, 77.

2) „Повѣсть о бѣсноватой женѣ Соломонѣ“. Памятн. старин. рус. литер. 1860 г. Вып. I, 158—161.

3) *Примѣч.* къ „Повѣсти о Соломонѣ“. Памятники.. Стр. 168.

4) Митроп. Макарій, указан. соч. II, прим. 339—340.

5) П. С. Р. Л. I, 34—35; 77.

6) Памятн. Рус. Словесн. XII в., изд. Калайдовича, гл. XX, стр. 278—279.

7) Патерикъ Печерскій, 105.

8) Науринъ, въ „толкѣ Козмы Халкидонскаго“, „яко не подобаетъ жены госпожею звати“. Рукописн. Кормчая Румянц. муз. (См. у Востокова) и мног. др.

9) Памятники старинной рус. литерат. изд. гр. Куселевичъ-Безбородк. Вып. I, 99—101.

10) Тамъ же, вып. I, 105—106.

ломоніи“, „о танцующей дѣвицѣ“¹⁾, „о женщинѣ, вышедшей въ церковь въ нечистомъ видѣ“²⁾, „о женской злобѣ“, „о кровосмѣсителяхъ“³⁾ и друг.

Какъ же должно было относиться къ такой проповѣди русское общество? Намѣренія аскетическихъ нападокъ очень ясны. Очевидно, онѣ стремились поставить женскую личность въ самое невыгодное положеніе, по возможности совсѣмъ отдалить ее не только отъ участія въ какой бы то ни было общественной дѣятельности, но и вообще отъ общества мужчинъ, „какъ великую помѣху для нравственныхъ дѣлъ и дѣяній мужчины, какъ воплощенную человѣческую слабость и шатость права“⁴⁾. Не сразу, но со временемъ это и было достигнуто. Если на первыхъ порахъ умѣстно предполагать въ известной части общества смѣхотворное отношеніе къ полемическимъ повѣстямъ, то въ послѣдующее время вездѣ можно наблюдать только искреннее вниманіе къ тому, что писалось противъ женщинъ. Самымъ яркимъ доказательствомъ этого служить возможность появленія такой повѣсти, какъ „сказаніе о „Соломоніи“. Затѣмъ предъ нами цѣлый рядъ всевозможныхъ монастырскихъ правилъ, которыми запрещается даже смотрѣть на женщину⁵⁾. Явный признакъ, что византійская идея сдѣлала свое дѣло. Что можетъ быть убѣдительнѣе для насъ наивнаго, повидимому, вопроса черноризца Кирика еще въ XII в.: „а что, если попадетъ доскутъ изъ женскаго платья въ ризы священника, можно въ нихъ служить“? Владыка Новгородскій Нифонтъ отвѣтилъ ему: „а чѣмъ же погана жена“⁶⁾.

1) Тамъ-же, вып. I, 209.

2) Тамъ-же, вып. I, 210—212.

3) Тамъ-же, вып. II, 415—417.

4) Забѣлиаъ, Быть русскихъ царьцъ, стр. 86.

5) Сборникъ Новг. Соф. Вибл. № 1466, л. 383 обор. и друг.

6) „Впрашаніе Кюриково“. Памяти. XII в., стр. 196. Въ тотъ вѣкъ аскетизмъ еще не побѣдилъ русскихъ отношеній къ женщинѣ. Въ лѣтописи мы читаемъ, что даже Феодосій Печерскій бывалъ у князей и вельможъ и навѣщалъ благочестивую жену боярина Добрыни. Иоаннъ II жалуется въ своихъ правилахъ (до 1089 г.), что въ женскихъ и мужскихъ монастыряхъ составлялись црншества, гдѣ сначала пѣли тропари и отправляли священнослуженіе, а потомъ, захмѣлѣвъ, отшельники цѣловались съ монахинями и мѣрскими женщинами, которыя тогда имѣли свободный входъ въ монастырь. (Р. И. Вибл., VI. „Отвѣты Іоанна“, стр. 29 и 24).

Отвѣтъ не въ духѣ книжниковъ моралистовъ, но онъ былъ, вѣдь, въ XII вѣкѣ; но вопросъ былъ предложенъ, очевидно, не отъ простодушной наивности: онъ плодъ уже назрѣвшаго, хотя еще колеблющагося, убѣжденія, что женщина есть существо нечистое, „поганое“. Если уже мужчины такъ рано подчинились вліянію византійской идеи, то какъ же не подчиниться было ей нашей женщинѣ, такъ жадно искавшей въ новой религіи отвѣтовъ на ея духовныя стремленія?! Положимъ, аскеты неправильно прикрывались одеждою Христова ученія,—но имъ ли было не вѣрить Христовымъ воинамъ, постникамъ и народнымъ учителямъ? Слушая ихъ съ благоговѣніемъ, русская христіанка, дѣйствительно, сознавала, что она существо иногда бывающее нечистымъ. Въ этомъ ее и другихъ убѣждалъ тотъ фізіологическій фактъ, когда она бываетъ „скверна“. „Эти дни, говоритъ И. Е. Забѣлинъ, и послужили, быть можетъ, началомъ для всѣхъ „восточныхъ“ представленій о существѣ женской личности. Эти дни становятся для женщины днями изгнанія... Въ эти дни она является существомъ нечистымъ, поганымъ... Простая, неизхитренная различными ученіями, мысль не можетъ отойти отъ убѣжденія, что всетаки въ женскомъ существѣ есть *ничто поганое*, ибо святость, иначе свѣтлость, чистота всетаки воспрещаетъ ей многія дѣйствія, которыя открыты для мужскаго существа, воспрещаетъ ей, когда она бываетъ *скверна*, даже въ церковь „лѣзти“... Дѣло говоритъ ясно, что женское существо бываетъ погано и потому отвергается отъ общенія съ тѣмъ, что пребываетъ чистымъ и свѣтлымъ ¹⁾. Уже этого было достаточно, чтобы принизить въ сознаніи русскаго челоука женское существо. Греческіе обычаи подтверждали его убѣжденіе. Съ самаго начала наши предки замѣтили, что въ Царьградѣ, въ храмѣ св. Софіи, „женскій убо полъ стояху на полатяхъ за шидяными запонами и лицъ ихъ и украшенія прелестнаго и мертвеннаго никому (же отъ народа видѣти“ ²⁾. Святыхъ тайнъ женщина пріобщается не изъ царскихъ вратъ, а „изъ другихъ дверей, что противу жертвенника“ ³⁾. Будучи

¹⁾ Забѣлинъ, Вѣтъ русскыхъ царницъ, стр. 87.

²⁾ Тамъ-же, стр. 86.

³⁾ Акты историческіе, I, 18.

невѣстою, она получаетъ перстень желѣзный, а мужъ золотой ¹⁾. Матери, родившей дитя, 40 дней нельзя входить въ церковь „тѣльнаго ради женскаго“ ²⁾. Если это случится въ храмѣ, въ него нельзя даже „влезти“ три дня, потомъ же „помыють всюду и молитву створять, юже надъ сосудомъ творять осквернившимся... и тако влезти“ ³⁾. Такихъ обычаевъ, привившихся и у насъ съ первыхъ временъ, было не мало. Ими женщина не только въ сознаніи, но и на практикѣ ставилась въ особое положеніе существа несовершеннаго, нечистаго въ физическомъ и шаткаго въ нравственномъ отношеніяхъ. Это сознаніе передавалось изъ столѣтія въ столѣтіе, распространяясь все шире и шире, такъ что къ концу древне-русской исторіи не могло не привести общество къ принятію всевозможныхъ мѣръ для всесторонней опеки надъ женщиною.

Оно породило въ нашей исторіи совершенно восточное явленіе—*затворничество женщинъ*, если не исключительно, то въ большой степени. Этотъ фактъ иные считаютъ заимствованіемъ отъ татаръ или слѣдствіемъ неспокойной жизни во время монгольскаго владычества, когда слабая женщина особенно могла подвергаться грубымъ насиліямъ. Но женщины татаръ жили свободно и пользовались большимъ уваженіемъ; что же касается другой причины, то резонность ея въ извѣстной степени вполнѣ вѣроятна. Но она была во всякомъ случаѣ не главною. Если прислушаться къ тому, что твердили книжники о положеніи незамужней дѣвушки, то мы увидимъ, откуда идетъ починъ къ чрезвычайному присмотру за слабымъ поломъ. „Годно есть, разсуждаетъ книжникъ, имѣти малу козу во дворѣ, нежели дщерь велику: малая коза по селищу ходитъ, млеко принесетъ, а дщерь велика срамъ великъ принесетъ не токмо отцу и матери, но и всему роду“ ⁴⁾. „Если дочь имѣешь, говоритъ статья „о женской злобѣ“ въ „Изборникѣ Святослава“, утврди хранину, да не найдетъ она простора и не влѣзетъ въ прокуду, иначе сдѣлаешься ты посмѣшищемъ своихъ враговъ и посрамленіемъ для народа“ ⁵⁾. Чтобы

¹⁾ Забѣлявъ, Указан. сочин., стр. 88. ³⁾ Тамъ-же, стр. 186.

²⁾ „Впрашаніе Кюрикова“, стр. 181. ⁴⁾ У Аристова, указ. соч., стр. 190.

⁵⁾ „Изборникъ Святослава“. Въ извѣст. II отд. Акад. Наукъ X, 221.

привести этотъ совѣтъ къ исполненію, нужно, конечно, много условій, но у насъ уже слишкомъ много соединилось условій къ тому, чтобы онъ не прошелъ даромъ... И татарское иго, и увлеченіе монастырскими идеалами даже въ сферѣ домашней жизни, и привившіеся византійскіе взгляды на женщину, и постоянное владычество отеческой власти,—все вело къ совершенному отчужденію древне-русской женщины отъ участія въ общественной жизни. Въ XVI вѣкѣ самое неожиданное появленіе ея среди мужчинъ считалось уже „ззорнымъ“ какъ для нея, такъ и для ея домашнихъ.

У.

Общій выводъ.

Христіанство само по себѣ внесло самое благотворное начало въ жизнь женщины. Своимъ ученіемъ о царствѣ Божіемъ, обнимающемъ всѣхъ его членовъ безъ различія пола (Гал. 3, 28), гдѣ каждому члену указаны свои права и обязанности, оно, прежде всего, объявило женщинѣ, что и она, также, какъ и мужчина, можетъ послужить цѣлямъ Царства Божія (1 Петр. 3, 7). Далѣе, оно возстановило первоначальное чистое понятіе о семьѣ, какъ прототипѣ всякаго жизненнаго союза,—установило взглядъ на бракъ, какъ на нравственный союзъ, основанный на общеніи душъ. Въ язычествѣ рѣдко принималось въ расчетъ обоюдное соглашеніе лицъ вступающихъ въ бракъ, въ христіанствѣ же оно поставлено непремѣннымъ условіемъ, безъ котораго немислимо заключеніе брака. Въ христіанствѣ имѣло мѣсто многоженство и разводы между супругами были очень легки,—наоборотъ христіанство настаиваетъ на единоженствѣ и нерасторжимости брака и если допускаетъ разводы или вторые и третьи браки, то всегда смотритъ на нихъ, какъ на явленіе ненормальное, допускаетъ ихъ не по иной причинѣ, какъ только ради уступки человѣческой слабости и немощи. Права и значеніе женщины въ христіанскомъ бракѣ весьма возвышены: по идеѣ христіанства жена имѣетъ такое же право на совершенную вѣрность мужа, какое имѣетъ мужъ на безусловную вѣрность жены. Возвышая права женщины,

христіанство вмѣстѣ съ тѣмъ вызвало къ жизни силы ея, которыя въ условіяхъ языческаго быта глохли, спали въ ней и если пробуждались, то для того, чтобы нерѣдко быть не признанными и истратиться въ безплодной борьбѣ противъ мощныхъ силъ мужчины, или быть направленными въ ложную сторону. Христіанство, такимъ образомъ, признало и утвердило общечеловѣческое значеніе и правоспособность женщины,— другими словами, совершило радикальный переворотъ къ лучшему въ ея положеніи. Но благотѣтельность христіанскихъ реформъ въ древне-русскомъ обществѣ обнаружилась не сразу. Доброму и благотворному вліянію христіанства весьма много мѣшали посторонніе, приносимые, не относящіеся собственно къ духу христіанства, элементы и понятія. Эти то именно внѣшніе, приносимые элементы и понятія—о существѣ женской личности, о супружеской жизни и т. д., прикрываясь знаменемъ христіанскимъ, имѣли своимъ послѣдствіемъ то, что уровень положенія древне-русской женщины былъ невысокъ... Нужно было пройти нѣсколькимъ столѣтіямъ, чтобы произошло очищеніе понятій, склада жизни и порядковъ языческихъ христіанскими идеями... Только спустя много столѣтій со времени принятія Русскими христіанства, послѣднее во всей силѣ и полнотѣ воздѣйствовало на складъ и характеръ русскаго общества и поставило женщину на высшую степень достоинства.

Л. М. Барцецовъ.

НѢМЕЦКІЙ ПРОТЕСТАНТИЗМЪ

КЪ НАЧАЛУ 20-го СТОЛѢТІЯ¹⁾.

II. Церковная партійность.

(*Das kirchliche Parteiwesen*).

Церковная партійность принадлежитъ къ числу самыхъ тяжелыхъ бѣдствій протестантизма; впрочемъ, оно столь же старо, какъ самъ протестантизмъ. Со времени его возникновенія попеременно въ немъ господствовали самыя различныя „школы“; но особенно сильное движеніе проявилось въ 19 столѣтіи. Кратко и точно это *chassez—croisez* изображается въ № 48 Генгстенбергской евангелической *Kirchenzeitung*:

„*Рационализмъ* выступилъ отъ имени разума прежде всего противъ всего сверхъестественнаго въ христіанской религіи. Онъ былъ побѣжденъ тѣмъ научнымъ движеніемъ, во главѣ котораго стоялъ *Шлейермахеръ*. Затѣмъ явилась *Тюбингенская* школа, которая, руководясь идеями Гегеля, искусственною философіею исторіи подкапывала основы откровенія. Ея построенія не могли устоять предъ строгою научною критикою; и богословіе положительнаго направленія переживало новый цвѣтущій періодъ, который прерванъ былъ только въ послѣднія десятилѣтія благодаря возникновенію *ричманской школы*.“

1. Общая характеристика церковныхъ партій настоящаго времени.

Нынѣшнія церковныя партіи можно всего лучше охарактеризовать посредствомъ передачи квинтъ-эссенціи нѣкоторыхъ новогоднихъ разсужденій, какія находятся въ различныхъ

¹⁾ Профес. Гуллерта. Переводъ съ нѣмецкаго сочиненія подъ подобнымъ же заглавіемъ.

партийныхъ органахъ (всѣ въ 1-мъ № 1902 г.). Это—различные языки, но не духъ.

Модный теологъ *Римланской школы* (изъ „christliche Welt“) пишетъ такъ:

«Не плачевно-ли настоящее положеніе вещей? Если наше отечество пользуется внѣшнимъ миромъ, за то сколько имѣетъ оно *внутренней нужды*. Безработица, потери, пониженіе производительности, политическая неуверенность, недостатокъ въ цѣляхъ, задачахъ, идеяхъ, мало великаго, чѣмъ могъ бы возбуждаться и приподниматься особенно юный, прозирающій впередъ духъ!

Представитель протестантскаго союза („Protestantenblatt“) говоритъ:

«Когда Иисусъ Христосъ призывалъ къ Себѣ измученные классы Своего народа: „*приидите ко мнѣ вси труждающіися и обремененніи*“, чтобы вступиться за ихъ вѣчныя человѣческія права; когда Онъ въ храмѣ изрекалъ свое „горе на разбитую на кусочки нравственность фарисеевъ и саддукеевъ: что это была за величественная и могучая любовь! Такою должна оставаться также и наша любовь. Каждой нуждѣ—помогающая рука, каждому честно ищущему человѣческому сердцу—вѣрное соотнѣженіе, каждому искреннему убѣжденію—безусловное уваженіе! Но всякаго рода лицеизмъ и всякому не протестантскому поведенію въ протестантской церкви—безусловное противодѣйствіе, пылающей гнѣвомъ любви“!

Примирительное на основѣ символическихъ книгъ придворное богословіе (Berliner evangelische—kirchl. Anzeiger) высказывается слѣдующимъ образомъ:

„Много *враговъ* подымается противъ *чистаго* ученія и его блаженнотворной силы; много непониманія высказывается съ гордымъ самомнѣніемъ на улицахъ и площадяхъ, въ статьяхъ и книгахъ, которыя назначены служить науцѣ. Контрастъ обоихъ христіанскихъ исповѣданій обнаруживается непрерывно, какъ сила раздѣленія и враждебности, и горькія слова съ одной стороны вызываютъ отпоръ и возраженія съ другой. Всего хуже—то, что мысль о *банкротствѣ* (Umsturz) всѣхъ *существующихъ порядковъ* производитъ все больше впечатлѣнія. При этомъ, конечно, совершенно недопустимо—легкомысленно съ твердою увѣренностью глядѣть въ будущее. Но радость и надежду относительно его мы не можемъ отбросить совершенно“.

Всего интереснѣе разсужденія *ортодоксальнаго лютеранина* (Allg. evang. luter. Kirchenzeitung). Прежде всего онъ жа- луется на бѣдствія настоящаго времени.

„То—законъ грѣха, что онъ (грѣхъ) возстаетъ противъ всего святаго: что онъ терзаетъ иногда въ отношеніи къ грубой, вѣшной силѣ и преслѣдованію, то съ извѣстномъ возмѣщаетъ чрезъ лукавыя набѣды и борьбу умовъ. И если бы только такъ было съ вѣнными врагами! Но даже внутри стѣнъ Сіона подымаются мечи другъ противъ друга; его источники отравлены и его врагамъ отырываютъ двери и отдаютъ его святое: святыхъ. Сколь многіе сخورпли въ надежды и не могутъ болѣе вѣрить въ спасеніе для своей церкви и всего народа своего! Кто сталъ бы отрицать, что въ нашемъ народѣ—упадокъ религіознаго знанія, какого еще не было со времени реформаціи. Даже прошедшій годъ далъ нѣкоторое потрясающее свидѣтельство за это. Въ низшихъ и вышнихъ слояхъ общества религіозное невѣжество одинаково велико и здѣсь, какъ и тамъ въ этомъ болотѣ размножается суевѣріе, которое подежительно язвляетъ насъ. Среди христіанства, даже евангелическаго, живеть поколѣніе людей, для котораго самыя элементарныя истины вѣры и факты Библии уже болѣе не существуютъ,—живеть *язычество*, которому только недостаетъ еще имени.“

Конечно, еще больше, чѣмъ интеллектуальное ослабленіе, нравственное одичаніе, и оно является болѣе опаснымъ врагомъ креста, самымъ глубо- кимъ корнемъ антихристіанства нашего времени. Были времена ниже на- стоящаго—по свозму пренебреженію къ человѣческой жизни, по злоупо- требленію грубою силою, по поруганію надъ личною свободою и не- смотря на это *никогда еще не были подвергаемы сомнѣнію, какъ нынѣ, неотъемлемыя основы морали*. Характерно, что послѣдній годъ принесть повременное изданіе, которое уже въ своемъ титулѣ проповѣ- дуетъ язычество, и что нѣмецкій рейхстагъ не далъ защиты нашей моло- дежи и нашему народу отъ цинической развратности олузгащаго плота искусства, съ его порнографическими произведеніями“.

Далѣе изображается положеніе вещей внутри самого про- тестантизма.

„Въ изобиліи и быстро нараждающемся *екшанствѣ* своими одно- сторонностями и вѣрностями смущаетъ совѣсть, и *оміривленіе* хри- стіанства и приспособленіе его къ моднымъ теченіямъ современности ослабляютъ его живущую силу и убиваютъ его живущій нервъ. Чѣмъ болѣе на нашихъ кнедрахъ замалчивается старое евангеліе и въ прило- дахъ исчезаетъ надежда, что ихъ пастыри и учителя ведутъ ихъ на цвѣ-

будущую пажить божественной спасительной истины, тѣмъ соблазнительнѣе является призывъ сектъ. Модное богословіе ревностно заботилось о распространеніи и популяризаціи своей мудрости. Газеты золото ученыхъ разбивали на ходовую монету, профессора спускались на площадь и распространяли предъ изумленной толпою свои открытія. Хотятъ идти на встрѣчу современному чловѣку, и примиреніе христіанства съ современною мыслию выставляется какъ выдающаяся задача настоящаго времени. Но это примиреніе въ концѣ концовъ скорѣе есть ничто другое, какъ *сдача*. Реформа, какая въ нѣкоторомъ родѣ въ христіанскомъ мірѣ стремятся пропихнуть къ широкимъ кругамъ общества, сначала только робко подвергала сомнѣнію или отодвигала на задній планъ то или другое, все болѣе суживала авторитетъ писанія, все рѣшительнѣе отвергала цѣнность спасительныхъ фактовъ христіанскихъ и значеніе самого Христа дѣлала все сомнительнѣе, пока затѣмъ не пошла все быстрѣе впередъ и, наконецъ, не дошла до того, будто *Христосъ вообще не принадлежитъ къ Евангелію*.

Эти диаметрально противостоящія другъ другу партіи не допускаютъ даже мысли о какомъ-либо внутреннемъ единеніи. Императоръ и наслѣдный принцъ Гогенлоу по поводу празднованія трехсотлѣтія дня рожденія Герцога Эрста Благочестиваго (26 декабря 1901 г.), правда высказались о своемъ страстномъ желаніи объ *единеніи* всѣхъ *принадлежащихъ къ евангелической церкви*, но проектъ этотъ представляется безнадежнымъ. Во всей нѣмецкой прессѣ нѣтъ ни одного листка, который бы считалъ возможнымъ основаніе нѣмецко-протестантской государственной церкви. Напротивъ мысль о соединеніи нѣмецко-государственныхъ церквей прямо-таки оспаривается. Въ ортодоксальной газетѣ—„Старая вѣра“ („Der alte Glaube“) указывается на то, что Пруссія при этомъ стала бы имѣть первенствующее значеніе и въ церковномъ отношеніи, и задается вопросомъ, имѣеть ли Пруссія въ отношеніи къ нѣмецкому протестантизму въ прошедшемъ столь великія заслуги, чтобы она могла предъявить притязаніе на церковное руководство съ такимъ же внутреннимъ правомъ, какъ и на политическое.

„Пруссія во главѣ нѣмецкаго протестантизма—это означало бы распространеніе принципа церковной уніи на всѣ части нѣмецкаго еванге-

лическаго міра. А какія слѣдствія отсюда необходимо должны произойти, съ новою ясностію показали послѣдніе мѣсяцы. Профессоръ Гарнакъ вхожъ къ Берлинскому двору. Профессоръ Д. Даличъ предъ высшимъ придворнымъ обществомъ выставляетъ ветхозавѣтную откровенную религію, какъ слабую копию древнеавицлонскаго богопочитанія. Высшій придворный проповѣдникъ Д. Дриандеръ объявляетъ реформацію, какъ дѣло свободной науки. Министръ культовъ Др. фонъ Штудтъ провозглашаетъ равноправность всѣхъ богословскихъ направленій. Президентъ верховнаго церковнаго Совѣта, Д. фонъ Баркгаузенъ съ изъявленіемъ вѣрнопопданнической благодарности подтверждаетъ этотъ принципъ, какъ общее духовное приобрѣтеніе для всѣхъ церковныхъ круговъ Пруссіи. Это только отдѣльныя явленія изъ самаго послѣдняго времени. Но кто обстоятельнѣе знакомъ съ исторіею прусской государственной церкви, тотъ хорошо знаетъ, что эти явленія—не случайны, но вытекаютъ изъ ея подлиннаго существа. Какъ церковь уніи (Unionskirche), прусская государственная церковь стоитъ на сторонѣ утонченія противоположностей, опосредствования, выравниванія или отстраненія на задній планъ раздѣляющихъ церковные круги истинъ вѣры. Ея теологія—посредствующая теологія, ея руководящая партія—посредствующая партія (Mittelpartei). На этомъ покатомъ пути она необходимымъ ходомъ вещей все болѣе и болѣе отклоняется влево. Модная теологія съ ея разрушающимъ основы отсутствіемъ исповѣданія нигдѣ не представляется такою сплоченною силою, какъ на почвѣ прусской. Но прусская господствующая церковь есть также *государственная церковь* въ именно государственная церковь *въ самомъ рѣзкомъ смыслѣ слова*. Не божественный законъ жизни церковной, а временные интересы государства даютъ перевѣсъ, при обсужденіи церковныхъ дѣлъ. До извѣстной степени это понятно съ исторической точки зрѣнія. Уже тотъ фактъ, что домъ Гогенцоллерновъ создалъ прусское государство, а съ ними собственно также и прусскій народъ, объясняетъ многое. Это ярко выраженное самосознаніе монархіи, какъ въ ея двухъ орудій—бюрократіи и войска, не выноситъ *никакой церковной самостоятельности*. Церковь имѣетъ повиноваться государству, служить цѣлямъ государственнаго цѣлаго. Отсюда—не очень успокоительное зрѣлище, если господствующая церковь управляется нынѣ въ консервативномъ духѣ, завтра въ либеральномъ, вынѣ регрессивномъ, а завтра въ прогрессивномъ, въ совершенномъ соотвѣтствіи тому, какъ мѣняется вѣтеръ въ высшихъ сферахъ государства. Отсюда столь мучительная колебанія, каковы, напр., въ сужденіи о социальномъ вопросѣ или въ отношеніи къ Риму*.

Если мы допустимъ такой случай, что эта цѣль (объединеніе церковное) была бы достигнута, то что было бы приобретено такимъ чисто внѣшнимъ единеніемъ, когда *раздѣленіе умовъ* оставалось бы и не прекращалось бы волненіе партійныхъ страстей? Die lutherische Kirchenzeitung говоритъ, что мы дошли при этомъ до того, что не признаемъ вообще Христа принадлежностью евангелія. Это относится къ Гарнаку и его школѣ, которая принимаетъ во вниманіе почти только *ученіе* Христа, а его *Лице* разсматриваетъ, какъ нѣчто больше побочное и отъ вопроса о дѣлѣ спасенія постоянно уклоняется. Между ортодоксіей и моднымъ богословіемъ существуетъ непроходимая пропасть; однако же существуютъ церковныя кафедры, съ которыхъ одной и той же общинѣ около 8 часовъ проповѣдуется евангеліе Лютера, а въ десять часовъ—евангеліе Гарнака.

И, однако же, онѣ (партіи протестантства), какъ упоминаетъ Allg. evang. luther. Kirchenzeitung, „остаются довольными своими панцириками“. Да, конечно, онѣ надѣются нынѣ на великія побѣды. Въ Австріи и во Франціи оплоты Рима будто близки къ испроверженію, а также мы слышимъ шумныя рѣчи о „евангелизаціи“ Испаніи, Бельгіи и другихъ странъ, между тѣмъ какъ величайшій деликатесъ, именно имперскій нѣмецкій католицизмъ, повидимому, берегутъ себѣ на десертъ. Мы не хотимъ это наступательное движеніе ни переоцѣнивать, ни умалять. Мы переоцѣнили бы его, если бы увѣривали въ возможность того, что нынѣ могли бы быть проведены къ отпаденію путемъ протестантской пропаганды всѣ католическія страны; недостаточная оцѣнка состояла бы въ томъ, если бы отрицалась возможность нѣкотораго частичнаго успѣха. Но предъ нынѣшнимъ протестантизмомъ намъ нечего бояться; чѣмъ болѣе мы распознаемъ его, тѣмъ менѣе онъ можетъ импонировать. Только слишкомъ широко переоцѣниваютъ его агрессивную силу; кто видитъ близко эту пеструю фалангу, того она болѣе не испугаетъ. Протестантизмъ включаетъ въ себѣ различнаго рода направленія мысли, начиная съ чистаго пантеизма, которому пастырь Швалбъ въ Бременѣ училъ даже

съ кафедры, до самой строгой ортодоксии, которая еще защищаетъ вѣру въ демоновъ и ихъ изгнаніе изъ человѣческихъ тѣлъ.

2. Ортодоксалы.

Если новогоднія размышленія органовъ различныхъ партій обнаружили предъ нами многообразное *раздѣленіе* въ протестантскихъ церковныхъ кругахъ, то ближайшее разсмотрѣніе главнѣйшихъ партій сдѣлаетъ это еще болѣе яснымъ. Въ суть воззрѣній ортодоксаловъ вводитъ насъ (Генгстенберговская) „евангелическая церковная газета“ въ серіи статей: Въ какомъ внутреннемъ и внѣшнемъ расположеніи церковь должна принять своего паки грядущаго Господа? Въ № 33 (1901 г.) она твердо устанавливаетъ начало *великаго раздѣленія между міромъ и церковію*, о чемъ, между прочимъ, говорится слѣдующее:

„Тѣ члены церкви, которые къ ней принадлежатъ только внѣшне, а внутренно чуждаются христіанству, все болѣе и болѣе отдаются прямо таки противоположному христіанству мировоззрѣнію и соответствующему образу жизни! Для нихъ имѣетъ силу религія посясторонняго и такъ называемая эмансипація плоти. Въ противоположность имъ, тѣ члены церкви, которые проникнуты духомъ христіанства, болѣе и болѣе размышляютъ объ истинномъ существѣ церкви и начали разумѣть, что съ чуждающимися христіанства, Библии и церкви, они надолго не могутъ быть въ религіозномъ общеніи. Они повсюду собираются въ особенныя сообщества, которыя суть поистинѣ еще церковки въ церкви, но являютъ собою начало отдѣленія отъ общей церкви. Чѣмъ рѣшительнѣе совершается это внутреннее раздѣленіе, тѣмъ скорѣе и быстрѣе осуществится также и внѣшнее раздѣленіе. Если мы обратимъ вниманіе на наши евангельскія господствующія церкви, то мы не можемъ отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что онѣ *идутъ на встрѣчу своему распаденію*. Обѣ нынѣ еще живущія совместно среди нихъ партіи одинаково недовольны состояніемъ церкви и онѣ болѣе недалеко отъ мысли и выступленія изъ нея, хотя онѣ, прежде всего въ борьбѣ за преобладаніе въ господствующей церкви, еще соприкасаются другъ съ другомъ и, благодаря владѣнію церковнымъ имуществомъ обща, еще внѣшне держатся совместно. *Разрывъ неизбеженъ*, хотя мы не знаемъ съ какой стороны будетъ сдѣланъ поинъ. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что этотъ разрывъ прежде всего будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ еще большее церковное дроб-

лѣнія имѣть какое до сихъ поръ уже существовало. Но съ другой стороны несомнѣнно также и то, что предачныя библейской и евангелическо-церковной вѣрѣ члены церкви познають другъ друга и призываются другъ къ другу, словомъ объединятся на почвѣ церковнаго общенія. И это тѣмъ скорѣе осуществится, чѣмъ болѣе проявятся тѣ двѣ силы, которыя способны способствовать объединенію всѣхъ истинно вѣрующихъ и искренно обращенныхъ христіанъ изъ всѣхъ нынѣ существующихъ церковныхъ обществъ. Одна изъ этихъ единящихъ силъ есть возвращеніе чрезвычайнаго дѣйствованія Святаго Духа. Другая — библейскими предсказаніями предуказанное въ послѣдній періодъ жизни настоящаго міра преслѣдованіе, которое уготовитъ подпадшій антихристіанскому духу міръ для общенія въ вѣрѣ преданныхъ душъ Слассеаю.

Если католики возвѣщаютъ о распаденіи господствующей протестантской церкви, какъ дѣлѣ, близкаго будущаго, то газеты, какъ имперскій вѣстникъ и органъ берлинскаго придворнаго богословія—*Evangelisch kirchliche Anzeiger*, усердно начинаютъ говорить, что у „ультрамонтанъ“ только желаніе является отцемъ мысли. Можетъ быть сужденіе *Evangel. Kirchenzeitung* произведетъ большее впечатлѣніе на нихъ. По крайней мѣрѣ этому листку не могутъ повторять, что онъ позволяетъ себѣ руководиться „иезуитскими измышленіями“.

Болѣе проблематичнымъ представляется утвержденіе *Evangel. Kirchenzeitung* относительно возможнаго объединенія истинныхъ христіанъ. При этомъ сильно сказываются *хилиастическія* склонности. *Kirchenzeitung* говоритъ о преслѣдованіи вѣрующихъ, которое она во всякомъ случаѣ предполагаетъ еще въ будущемъ. Въ настоящее время ортодоксальные протестанты—ибо только о нихъ говоритъ листокъ—не преслѣдуются; мы видимъ только простой упадокъ ортодоксіи. Если же на богословскихъ факультетахъ она все болѣе уступаетъ ричліанству, то это основывается не на преслѣдованіи. Въ церковномъ управленіи, совершенно безспорно, ортодоксалы не отодвигаются назадъ.

Особенно трогательно указаніе на возвращеніе чрезвычайнаго дѣйствованія Духа святаго. *Evangel. Kirchenzeitung* имѣетъ въ виду въ этомъ случаѣ главнымъ образомъ исцѣленія при помощи молитвы умершаго пастора *Блюмгардта* въ Бадъ-Бол-

лѣ, отца нинѣшняго социаль-демократическаго члена вюртембергскаго ландтага; объ этихъ исцѣленіяхъ она, между прочимъ, рассказываетъ:

„Однажды утромъ неожиданно позвала его одна мать, которая на трехлѣтняго своего ребенка вылила кипяцій сущь. Все тѣло ребенка было обварено. Набѣжали люди и кричали, что тотъ или другой знаютъ слово и должны привести ихъ. Противъ этого воспротивился Блюмгардтъ, который хорошо научился распознавать грѣхъ волшебства. Онъ приказалъ народу успокоиться и молиться, взялъ ребенка на своя руки, молитвенно вздыхалъ, и ребенокъ успокоился. Хотя повсюду на его тѣлѣ появились пузыри, которые совершенно прошли только послѣ нѣсколькихъ дней, однако ребенокъ не чувствовалъ ни малѣйшей боли. Однажды сынишка Блюмгардта—Христофъ проглотилъ булавку и началъ неистово кричать. Отецъ вздохнулъ молитвенно. Тутъ же булавка выпадаетъ изъ боку, такъ что можно было видѣть маленькое отверстіе. Въ одно воскресенье пришла дѣвушка изъ сосѣдней мѣстности. Дѣвушка проглотила иглу и испытывала страшныя боли. Блюмгардтъ взялъ дѣвушку, съ ея отцемъ, въ свою комнату. Блюмгардтъ рассказывалъ потомъ: я сказалъ ей, чтобы она была увѣрена, что ей можетъ быть оказана помощь: иглка или выйдетъ гдѣ-нибудь изъ тѣла или она останется внутри, но безъ вреда; если же она останется неблагодарною за полученное благодѣяніе, то въ крайнемъ случаѣ можетъ быть то, что иглка снова станетъ двигаться въ тѣлѣ, причиняя боль. Затѣмъ, онъ виѣсть съ отцемъ и дочерью преклонилъ колѣна, немного помолился, возложилъ руки на ея голову, и та вскочила съ возгласомъ: „мои боли прошли!“ Дѣвушка болѣе не ощущала иглы до сегодня, такъ заключалъ Блюмгардтъ свое сообщеніе, хотя оно закончилось не совсѣмъ удачно.

Какъ духовный пастырь, Блюмгардтъ былъ прикосновенъ къ исторіи таинственной болѣзни, которая случилась въ его приходѣ—Моттлингенъ въ 1842 и 1843 году и несомнѣнно объявилась, какъ результатъ вліянія темныхъ силъ и какъ бѣснованіе. Одна дѣвушка изъ прихода подвергалась то страшнымъ судоргамъ, то жестокимъ кровотечениямъ. Въ этому производились мысли о самоубійствѣ и самыя попытки къ самоубійству. Самое же удивительное было то, что во всякомъ случаѣ были ясныя признаки одержимости бѣсами. При всѣхъ этихъ загадочныхъ явленіяхъ этотъ духовный пастырь былъ полонъ дѣтски-вѣрующей молитвы и ею являлъ удивительную помощь. Онъ прекращалъ судороги, останавливалъ кровотечения, онъ удалялъ изъ тѣлъ больныхъ чуждые предметы, какъ иглы, гвозди и другія жельзныя вещи, онъ изгонялъ демоновъ, кото-

рые овладевали больными. Какъ часто Блюмгардтъ ни думалъ, что онъ у цѣля, однако все снова слѣдовали рецидивы. Наконецъ, его настойчивость увѣнчалась прекраснымъ результатомъ. Онъ достигъ полной побѣды въ этой гигантской борьбѣ вѣры. Здоровье больной было совершенно восстановлено. Въ этой борьбѣ Блюмгардтъ пришелъ къ ясному сознанию, въ какой глубокой власти темныхъ силъ находится человечество. Въ особенности при этомъ ему ясно стало, что въ значительной долѣ это происходитъ отъ продолжающихся грѣховъ волшебства. Не желая и не вѣща того, онъ велъ эту борьбу съ темными силами, побѣдилъ и удержалъ поле. Онъ приобрѣлъ несомнѣнное убѣжденіе, что его борьба не только принесла освобожденіе отдѣльнымъ, связаннымъ темными силами, людямъ, но также и вообще нанесла сильнѣе мрака существенный уронъ и такимъ образомъ многимъ душамъ приобрѣла разрѣшеніе отъ тяготѣвшихъ на нихъ узъ закоснѣнія въ отношеніи къ вліяніямъ евангелія и Святаго Духа. Онъ приобрѣлъ наконецъ, убѣжденіе въ томъ, что для веденія такой борьбы и для достиженія побѣды въ ней требуется болѣе высокое дарованіе силъ Святаго Духа, чѣмъ она присуща въ *настоящей церкви*, что мы должны чувствовать побужденіе—молиться о возвращеніи чрезвычайнаго дѣйствования Святаго Духа, какое Спаситель даровалъ своей первой общинѣ и затѣмъ отнялъ по сокровеннымъ основаніямъ“.

Намъ, конечно, отвѣтятъ, что если отдѣльный проповѣдникъ, какъ умершій Блюмгардтъ, допускалъ такія вещи, то это ничего не значитъ. Но то уже нѣчто значитъ, если такой серьезный и уважаемый теологическій органъ, какъ *Evangelische Kirchenzeitung* пишетъ объ этомъ и ясно выставляетъ это какъ „особенное право на ожидаемое отъ Господа возвращеніе чрезвычайнаго новозавѣтнаго дѣйствования Утѣшителя (Paraclet)“. Это показываетъ какъ сильно заблуждаются представляемые ею ортодоксально-протестантскіе крики въ области официальной протестантской церковности. Это выдаетъ также слѣдующее изображеніе листкомъ видовъ на будущее.

„Для насъ—доселѣ тайна, какъ совершится восстановленіе объединенной церкви, такъ какъ оно будетъ вести за собою полное преобразованіе доселѣшнихъ церковныхъ отношеній. Ни римское папство, ни греко-русскій цезарепапизмъ, ни даже евангелическое епископство свѣтскихъ правителей не будутъ существовать“.

Это пророчествованіе довольно вѣрно характеризуетъ настроенія и желанія ортодоксаловъ. Оно позволяетъ признать,

что въ *протестантизмъ* идетъ сильное броженіе и что готовится нѣчто новое. Thiers былъ совершенно правъ, когда онъ въ свое время предсказывалъ для будущаго времени великія эволюціи въ религіозной области.—Какой видъ онѣ примутъ, этого, конечно, никто не можетъ предсказать. Но то несомнѣнно, что въ протестанствѣ находятся въ движеніи всѣ силы, которыя помогаютъ частію совершеннаго обезхристіаненію народа, частію новаго „возбужденія“, связаннаго съ освобожденіемъ отъ оковъ государства. И между этими движеніями стоитъ третье теченіе, которое проповѣдуетъ „борьбу противъ Рима“ всѣми средствами, частію изъ ненависти къ католикамъ, частію ради цѣли протестантской концентраціи или „собранности“.

S. N.

(Продолженіе будетъ).

НРАВСТВЕННЫЙ ЗАКОНЪ

(ЕГО СУЩНОСТЬ, СОДЕРЖАНІЕ И ОСНОВАНІЕ).

По закону, тяжотня яблоко падаетъ съ дерева; сужденіе это, утверждается, на законъ, достаточнаго оценванія; законъ имѣетъ, въ виду, охраненіе гражданъ; закономъ, мы всѣ обязуемся, помогать, своимъ, ближнимъ. Однакоже ли, значеніе имѣетъ, слово „законъ“ въ приведенныхъ примѣрахъ? Безъ сомнѣнія, не, одно и то же, такъ какъ указанные факты, въ, разнороднаго, порядка. На основаніи, этихъ, и, подобныхъ, фактовъ, можно, дать, такое, опредѣленіе, закона: законъ, есть, постоянное, правило, по, которому, дѣйствія, и, явленія, совершаются, или, должны, совершаться. Первый, случай, бываетъ, тогда, когда, дѣятель, не, свободенъ; второй, — когда, онъ, свободенъ, и, можетъ, следовательно, нарушить, законъ. Въ, первомъ, роду, относятся, законы, физическіе, и, естественные; ко, второму, — законъ, нравственный. Человѣкъ, какъ, физическое, существо, подчиненъ, многимъ, физическимъ, законамъ; далѣе, какъ, членъ, общества, онъ, подчиненъ, законамъ, гражданскимъ, и, политическимъ; какъ, интеллектуальное, существо, подчиненъ, законамъ, психологическимъ, и, логическимъ; наконецъ, какъ, свободный, дѣятель, онъ, подчиненъ, закону, нравственному. Физическіе, законы, выполняются, необходимо, и, физическій, дѣятель, относится, къ, своимъ, проявленіямъ, вполнѣ, безсознательно, и, произвольно. Если, тогда, падаютъ, то, вольно, потому, что, не, падать, они, не, могутъ; съ, стороны, ихъ, никакое, уваженіе, къ, своему, закону, немислимо. Человѣкъ, являясь, представителемъ, высшей, организованной, матеріи, не, изытть, отъ, этихъ, законовъ, и, принуждается, исполнять, ихъ. То, же, самое, слѣдуетъ, сказать, о, за-

конахъ психологическихъ, логическихъ, гражданскихъ и т. п. Отличительная черта въ исполненіи этихъ законовъ та, что человекъ исполняетъ ихъ произвольно, или сознательно, но только безъ всякаго уваженія къ этимъ законамъ. Напр., послѣ смерти своихъ родителей, я предаюсь неутѣшной печали; но при этомъ я сознаю, что мое поведеніе въ данномъ случаѣ нисколько не заслуживаетъ похвалы: я не могъ бы поступить никакъ иначе. Точно также, когда мы повинемся логическимъ законамъ, или правиламъ известнаго метода, то действуемъ совсѣмъ не изъ уваженія къ этимъ законамъ; мы вынуждаемся употреблять ихъ, чтобы достигнуть истины. Правда, намъ могутъ возразить, что мы должны повиноваться логическимъ законамъ независимо отъ того, достигнемъ-ли мы цѣли, или нѣтъ. Но здѣсь мы уже переходимъ отъ логической области къ нравственной, о которой у насъ рѣчь ниже. Если отъ психологическихъ и логическихъ законовъ перейдемъ къ гражданскимъ и социальнымъ, то въ исполнителяхъ ихъ мы найдемъ болѣе произвольности: они хотятъ исполнять, хотятъ нѣтъ. Но если и исполняютъ, то все-таки не изъ уваженія къ указаннымъ законамъ: одни повинуются имъ изъ боязни наказанія, другіе—изъ боязни стыда, третьи—изъ собственной своей безопасности и т. д. Но тотъ, кто видитъ въ гражданскихъ постановленіяхъ болѣе, нежели сборникъ правилъ, изданныхъ для благополучія его персоны, и не желаетъ быть только послушнымъ рабомъ закона, руководится уже инымъ закономъ, дѣйствующимъ на нравственную сторону человѣческаго существа. Что же это за законъ? Мы, напр., спасаемъ человека отъ гибели и въ то же время сознаемъ, что законъ, требующій этого, самъ по себѣ имѣетъ высокую цѣнность; такимъ образомъ, мы совершаемъ доброе дѣло по уваженію къ нравственному закону. Какое-нибудь правило благоразумія, или практическаго интереса мы не признаемъ за нравственный законъ, такъ какъ оно всегда имѣетъ въ виду постороннюю цѣль: богатство, благополучіе, довольство и т. д. Слѣдовательно, нравственный законъ повелѣваетъ самъ по себѣ, независимо отъ посторонней цѣли. Отсюда Кантъ называетъ повелѣнія этого закона категорическимъ императивомъ; въ противополо-

ложность тѣмъ правиламъ, которыя предписываются подъ условіемъ достиженія извѣстной цѣли: послѣднія (т. е. правила) онъ называетъ *императивомъ гипотетическимъ*, или *условнымъ*. Существованіе этого закона оправдывается всеобщимъ фактомъ одобренія, или неодобренія человѣческихъ поступковъ. При совершеніи ихъ, мы слышимъ внутренній голосъ, который одни изъ нихъ называетъ добрыми, другіе—злыми; первыхъ мы обязываемся искать и осуществлять въ своей жизни, а вторыхъ—всячески избѣгать. И этотъ неподкупный стражъ всегда опредѣляетъ намъ качественную цѣнность нашихъ дѣяній. Такимъ образомъ, нравственный законъ имѣетъ въ виду исключительно нравственную цѣнность человѣческой дѣятельности и ничего болѣе.

Кантъ, болѣе всѣхъ способствовавшій защитѣ нравственнаго закона отъ нападокъ его противниковъ, самъ впалъ въ крайность. По нему, не должно говорить такъ: „дѣлай это потому что это—благо“, но: „это—благо, ибо ты долженъ дѣлать это“. Слѣдовательно, по Канту, то дѣлаетъ дѣйствіе добрымъ, что оно есть обязательно; тогда какъ вѣроятнѣе думать, что оно обязательно именно вслѣдствіе своей благости. Такимъ образомъ, мы полагаемъ, что справедливость, чистосердечіе суть вещи благія сами въ себѣ и поэтому мы должны стремиться къ нимъ и усвоить ихъ нашему поведенію. Нѣтъ, говоритъ Кантъ; если эти вещи добры, то потому, что онѣ предписаны намъ нравственнымъ закономъ, или закономъ долга. Для чего же данъ такой законъ? Мы этого не знаемъ: это, по Канту, первичный фактъ практическаго разума. *Sic volo, sic jubeo*—вотъ, по словамъ Канта, формула нравственнаго закона. Такимъ образомъ, Кантъ является представителемъ чистаго формализма въ нравственности. Форма у него исключаетъ всякое содержаніе нравственнаго дѣйствія. Къ такому заключенію Кантъ приходитъ послѣ анализа нравственнаго закона. Абсолютно доброю, по нему, является одна только „добрая воля“. Всѣ остальное имѣетъ относительную цѣнность и становится добрымъ; или злымъ смотря по употребленію, какое изъ него дѣлаютъ. „Добрая воля“, напротивъ, добра сама по себѣ; и нѣтъ необходимости ожидать результатовъ, чтобы

считать ее такою. Въ чемъ же преимущество „доброй воли“, благодаря которому она возвышается „надъ прочими вещами“? А въ томъ, говоритъ намъ Кантъ, что она всегда дѣйствуетъ *сообразно съ нравственнымъ закономъ*; оттого она и сообщаетъ человѣческой дѣятельности нравственный характеръ.

Съ возвращеніями Канта на нравственный законъ нельзя вполне согласиться. Такъ невѣрно то, что „добрая воля“ всегда бываетъ абсолютно доброю. Напр., если я дѣлаю зло съ добрымъ намѣреніемъ, то это доброе намѣреніе, безъ сомнѣнія, можетъ считаться добрымъ (если только оно искренно и серьезно), однако не абсолютно добрымъ. Иначе было бы бесполезно просвѣщать людей: пусть люди имѣютъ добрыя намѣренія, а будутъ-ли они совершать добро, или зло — неважно. Недаромъ говорится, что весь адъ вымощенъ добрыми намѣреніями, но отъ этого онъ не становится добрымъ на самомъ дѣлѣ. Подводя благо къ идеѣ „доброй воли“, Кантъ не замѣтилъ, что онъ замѣнилъ объективную нравственность субъективною. Кроме того, этотъ формальный законъ не даетъ ответа въ своихъ требованіяхъ. Напр.: известное дѣйствіе, по которому, есть доброе, потому что оно для меня долгъ; а почему оно для меня долгъ? потому что этого требуетъ нравственный законъ. Итакъ, основаніе закона въ немъ же самомъ: *sit pro ratione voluntas*. Но законъ, налагаемый безъ всякаго основанія, есть ничто иное какъ тиранія; и, конечно, такой законъ не можетъ служить основаніемъ нравственности. По выраженію Фихте, онъ виситъ между небомъ и землей. Наконецъ, съ точки зрѣнія формальнаго закона, необъяснимо, почему онъ имѣетъ неодинаковую силу обязательности къ разнымъ вещамъ. Напр., если намъ предстоитъ выборъ между сохраненіемъ жизни ближняго и сохраненіемъ истины, мы обязаны предпочесть, конечно, первое. На какомъ основаніи? Формальный законъ на этотъ вопросъ не даетъ отвѣта. Между тѣмъ, еще въ древности было замѣчено, что существуютъ вещи, сами въ себѣ имѣющія цѣнность, какъ, напр.: чистосердечіе, справедливость, великодушіе и т. д. Это т. наз. *ἀρετή φυσική*,¹⁾ по Аристотелю. Другой философъ — Цицеронъ такъ опредѣляетъ это

1) *Metaphys.*, II.

естественное благо: *Omnia propter istud istud autem propter sese expetendum* ¹⁾. Итакъ, нравственный законъ не можетъ обходиться безъ содержанія. И самъ Кантъ невольно измѣнилъ своему принципу, когда выставлялъ *человѣчность*, *разсматриваемую какъ цѣль въ себѣ* ²⁾, въ качествѣ основанія нравственной дѣятельности.

Теперь возникаетъ вопросъ: откуда вывести содержаніе нравственнаго закона? Очевидно, изъ самой природы человѣческой личности, такъ какъ онъ данъ именно для того, чтобы нормировать, человѣческую дѣятельность. Разсматривая содержаніе и развитіе жизни нашего существа, мы, прежде всего, останавливаемся на глубокомъ противорѣчьи, возникающемъ изъ раздвоенности человѣческой природы. Съ одной стороны, человѣкъ по своей тѣлесной организаціи является вещію физическаго міра и, подобно другимъ физическимъ объектамъ, подчиненъ физическимъ законамъ своего существованія, какъ, напр., законамъ рожденія, формированія, питанія, самосохраненія и т. д. Съ другой стороны, въ противоположность пассивному подчиненію физическимъ законамъ, человѣкъ сознаетъ себя свободной причиной и цѣлью всѣхъ своихъ произвольныхъ дѣйствій. Онъ уже не довольствуется наличнымъ содержаніемъ своей физической жизни и старается построить свою жизнь по инымъ требованіямъ своей природы, не выводимымъ изъ видимой дѣйствительности. Эти требованія предъявляются со стороны природы сверхчувственной и составляютъ сущность идеальной природы, человѣческой личности. Если, напр., я стремлюсь установить *правильныя и истинныя* отношенія съ другими людьми, то значитъ этого требуетъ моя идеальная природа. Бытіе моей личности постоянно и неуклонно вызываетъ въ моемъ сознаніи представленіе такой дѣятельности, которая въ данныхъ условіяхъ является *наилучшею, идеальною*. А разъ дано такое представленіе, мы обявываемся осуществить её какъ нѣчто *должное*. Понятно, что показателемъ этого должнаго является въ насъ *нравственное чувство*, или *нравственное сознаніе*. Этотъ законъ имѣется въ сердцахъ у всѣхъ

¹⁾ De officiis, 1.

²⁾ Grundlegung zur Metaphysik der Sitten.

людей; даже непросвѣщенные язычники имѣютъ этотъ законъ, такъ какъ дѣлаютъ законное по природѣ¹⁾. Это „законное“ язычниковъ, очевидно, есть не только требованіе, но и самое содержаніе нравственнаго закона, именно потому, что здѣсь проявляется идеальное содержаніе человѣческой личности. Но здѣсь мы сталкиваемся съ слѣдующимъ вопросомъ: нравственный законъ, поскольку онъ отражается въ нашемъ нравственномъ сознаніи, безошибочно-ли говоритъ намъ о своемъ содержаніи? Извѣстный нѣмецкій моралистъ Фихте отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно. „Дѣйствуй всегда, говоритъ онъ, по убѣжденію своего долга, или сообразно съ своею совѣстью. Сначала изслѣдуй, составляетъ-ли это твой долгъ въ данномъ случаѣ и затѣмъ дѣйствуй на этомъ единственномъ основаніи. Совѣсть никогда не ошибается и не можетъ ошибаться. Она рѣшаетъ въ послѣдней инстанціи, и на неѣ не можетъ быть апелляціи. Желать возвыситься надъ своею совѣстью значитъ разойтись въ самомъ себѣ, раздѣлиться самъ съ собою“²⁾. Итакъ, по словамъ Фихте, всё, что я считаю и сознаю за долгъ, есть настоящее содержаніе моего долга, или нравственнаго закона. Но съ такимъ возрѣніемъ, конечно, невозможно согласиться. Иначе пришлось бы всё проявленія фанатизма, заблужденія нравственнаго чувства и т. п. признать чисто нравственной дѣятельностью. Брутъ, убивая Цезаря, конечно, могъ предполагать, что онъ совершаетъ преступленіе противъ общественныхъ законовъ; но онъ навѣрное зналъ, что это дѣйствіе сообразно съ вѣчнымъ закономъ: иначе онъ и не совершилъ бы его.

Что же считать выраженіемъ правильно функционирующей совѣсти? Опять обратимся къ изслѣдованію человѣческой личности: Если нравственный законъ повелѣваетъ намъ руководиться въ нашей дѣятельности не запросами физическаго бытія, а сверхчувственными побужденіями, то значитъ человѣкъ, въ своей жизни по идеалу, предназначенъ отображать бытіе Безусловной Сущности; слѣдовательно, по своей идеальной природѣ, человѣкъ есть образъ Безусловнаго Бытія. Поэтому,

¹⁾ Рим. 2, 14.

²⁾ Systeme der Sittenlehre, S. 142, 147.

когда мы слышимъ внутри себя голосъ нравственнаго закона, повелѣвающаго что-либо,—то значить мы слышимъ не безосновательное и формальное требованіе тирана, а призывъ къ истинному нашему назначенію. Но если цѣлью нашей жизни является богоподобіе, то, слѣдовательно, нравственный законъ имѣетъ своимъ назначеніемъ и содержаніемъ преобразование челоѵка, *совлеченіе ветхаго челоѵка, истлѣвающаго во обольстительныхъ похотяхъ, и облеченіе во новаго челоѵка, созданнаго по Богу, во праведности и святости истины* ¹⁾. Иначе сказать: поскольку Богъ есть Высочайшее Совершенство, нравственный законъ имѣетъ своимъ содержаніемъ *идеальное совершенство челоѵческой личности*. Нравственный дѣятель всегда образуетъ живой идеаль нравственнаго совершенства, выше котораго быть ничего не можетъ, и всегда стремится поступать по этому идеалу. Понятно, что въ нравственномъ сознаніи у разныхъ людей эти идеалы могутъ быть различны, смотря по различію ихъ религіозныхъ воззрѣній, образованія и воспитанія; но всѣ они выражаютъ одну и ту же идею—идею богоподобія, хотя и не всѣ имѣютъ одинаковую цѣнность въ устроеніи нравственной жизни. Такъ, какой-нибудь обитатель Полинезіи, или африканскій дикарь, безъ сомнѣнія, могутъ считать своимъ недостижимымъ идеаломъ скальпированіе 1000 головъ своихъ непріятелей; а японецъ—самурайя высшимъ идеаломъ для себя, напротивъ, будетъ полагать въ томъ, чтобы вспороть себѣ самому животъ и внутренности съ хладнокровіемъ выпустить наружу; между тѣмъ какъ христіанскому миссіонеру предносится свой идеаль—просвѣтитъ животворнымъ свѣтомъ Христова ученія заброшенныхъ и обдѣленныхъ природою—туземцевъ сибирскихъ тундръ и полярныхъ странъ. Вотъ предъ нами 3 различные идеала, опредѣляющіе жизнь и дѣятельность указанныхъ лицъ. Мы, конечно, должны отдать предпочтеніе послѣднему, такъ какъ въ немъ выразилась именно *идеальная личность* челоѵческаго существа, уподобленіе его Богу, Который есть и Безконечная Благость, и Истинная Жизнь; а въ идеалахъ австралійца и японца мы видимъ только культъ физической природы, или отрицаніе са-

¹⁾ Ефес. 4, 22, 24.

мой жизни. Слѣдовательно, не всякое требованіе нравственнаго чувства мы должны считать за истинное выраженіе нравственнаго закона, а только то, которое соотвѣтствуетъ идеальной природѣ и назначенію человѣческой личности. Такимъ образомъ, нравственнымъ закономъ человѣкъ обязывается дѣлать добро и избѣгать зла. А благо есть всё то, что способствуетъ идеальной природѣ нашего существа выдти изъ подчиненія его физической природѣ, получить преобладаніе надъ послѣдней и въ предѣлахъ нашего земнаго существованія достигнуть возможной степени богоподобія. Конечно, такимъ опредѣленіемъ блага мы совсѣмъ не хотимъ выразить той мысли, что человѣкъ идеей нравственнаго закона обязывается задерживать и подавлять всѣ естественныя функціи и развитіе своего тѣла, изнурять и ослаблять свой организмъ и даже совсѣмъ прекращать свое физическое существованіе чѣмъ нибудь въ родѣ вспарыванія себѣ живота на подобіе вышеприведеннаго самурая; нѣтъ: ибо идеальная природа человѣка связана съ физическимъ тѣлеснымъ организмомъ въ неразрывное единство цѣльной человѣческой природы и тѣмъ самымъ обязана съ нимъ вмѣстѣ проходить всю свою жизнь. Поэтому можно думать, что нравственный законъ данъ намъ именно для того, чтобы постоянно напоминать о нашей идеальной природѣ и высокомъ назначеніи человѣческой личности въ ряду другихъ существъ физическаго міра. Результатомъ этой раздвоенности человѣческаго существа является тотъ фактъ, что *плоть желаетъ противнаго духу, а духъ противнаго плоти* ¹⁾; слѣдовательно, человѣкъ, такъ какъ онъ все-равно подавить свою физическую сторону бытія не можетъ, да и не долженъ,—то, по крайней мѣрѣ, обязанъ не подчиняться всецѣло этой физической сторонѣ и по возможности осуществлять въ своей духовной сущности образъ Божій. Если человѣкъ въ голосѣ нравственнаго закона сумѣетъ различить и осуществить въ своей жизни слѣдующія идеи: отреченіе отъ грубаго эгоизма, развитіе нравственной свободы, помощь подобнымъ себѣ — ближнимъ и т. п., то значитъ онъ вѣрно понялъ содержаніе нравственнаго закона.

¹⁾ Галат. 5, 17.

Безъ сомнѣнія, человѣкъ и въ естественномъ состояніи имѣетъ свой особенный кодексъ нравственныхъ постановленій. При этомъ содержаніе нравственной жизни каждаго человѣка находится въ самой тѣсной связи съ его религіозными воззрѣніями, а также съ живымъ міровоззрѣніемъ его личности. Въ исторіи религіи и человѣческихъ обществъ можно замѣтить, что нравственный идеалъ людей зависитъ отъ ихъ религіозныхъ вѣрованій въ бытіе Высшаго Существа—Бога (одного, или многихъ), отношенія Его къ людямъ, Его нравственнаго заcodательства и т. д. Изъ такого, или иного представленія и понятія о Богѣ, цѣли нашего земного существованія и смыслѣ человеческой жизни устрояется и идеалъ лучшей человеческой личности и цѣлесообразной дѣятельности. Поэтому, евреи, греки, римляне, буддисты, магометане, христіане и т. д., сходясь другъ съ другомъ въ томъ, что всѣ они представляли за лучшую нравственную жизнь именно ту, которая приближается къ *богоподобной* жизни, различались однако въ томъ, что имѣли и имѣютъ неодинаковое понятіе о Богѣ и божественной жизни. Отсюда мы ясно можемъ видѣть въ понятіи: „содержаніе нравственнаго закона“ 2 элемента: объективный, или то общее, что сохраняется въ немъ во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, и 2) субъективный, или измѣняющійся соотвѣтственно съ тѣмъ, или другимъ религіознымъ міровоззрѣніемъ. Первое начало мы указали въ идеѣ богоподобія, или устроенія нравственной жизни по образцу Всесовершеннѣйшей личности. Второе начало представляетъ собою подробнѣйшее раскрытіе и разъясненіе нравственнаго закона; оно указывается религіознымъ откровеніемъ каждаго народа.

Такъ, христіанство открываетъ намъ основной законъ нашей нравственной жизни въ *любви къ Богу*, какъ нашему Первообразу, и *ближнему*, какъ отражающему этотъ Первообразъ ¹⁾; а въ реальной Личности Богочеловѣка оно даетъ намъ высочайшій идеалъ и образецъ нашей нравственной дѣятельности. И, дѣйствительно, рассматривая законъ любви, мы находимъ, что онъ обнимаетъ собою всѣ частныя проявленія нравственной дѣятельности, и всѣ такъ называемыя „добродѣ-

¹⁾ Лук. 10, 27.

тели“ имѣютъ свое основаніе и утвержденіе въ законѣ любви. Классическое опредѣленіе христіанской любви сдѣлано ап. Павломъ; и мы считаемъ самымъ лучшимъ привести подлинныя слова его: „*Любовь долготерпитъ, милосердствуетъ, любовь не завидуетъ, не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется неправдѣ, а сорадуется истинѣ; все покрываетъ, всему вѣритъ, всего надѣется, все переноситъ; любовь никогда не перестаетъ, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнутъ, и знаніе упразднится* ¹⁾). Такимъ образомъ, любовь всеобъемлюща. Она приводитъ къ согласію и порядку человѣческую жизнь и уподобляетъ ее жизни Божественной Троицы, гдѣ нѣтъ раздѣленія, но полное согласіе и единство ²⁾). Поэтому, каждое человѣческое дѣйствіе имѣтъ нравственную цѣнность постольку, поскольку оно сопровождается и характеризуется христіанскою любовью.

Теперь намъ остается объяснить, почему нравственный законъ не просто данъ въ нашемъ сознаніи, но требуетъ отъ насъ безусловнаго исполненія своихъ постановленій. Здѣсь намъ приходится имѣть дѣло съ особымъ воззрѣніемъ, объясняющимъ повелительную форму нравственнаго закона при помощи эволюціонной теоріи происхожденія долга ³⁾). По мнѣнію эволюціонистовъ, основаніемъ нравственности служитъ естественная симпатія между единокровными членами семьи и рода и выгода, извлекаемая отъ объединенія общества. Имѣя въ виду пользу многихъ, обыкновенно приносили въ жертву интересы какой-нибудь отдѣльной личности. Такимъ образомъ составились отвлеченныя правила дѣятельности въ руководство всѣмъ членамъ общества. Но въ этихъ правилахъ составители отчетливо изобразили свои личныя расположенія, явившіяся результатомъ ихъ соціального положенія. Извѣстно, что люди, равные между собою, даютъ другъ другу совѣты, а, въ случаѣ неравенства, даютъ повелѣнія. Поэтому, предки—родители, желая предохранить своихъ дѣтей отъ испытаній и не-

¹⁾ 1 Кор. 13, 4—8.

²⁾ Іоан. 17, 21, 23.

³⁾ Эту теорію мы находимъ у англійскихъ психологовъ: Милля, Бэна и др.; натуралистовъ: Дарвина, Леббока и т. д.

счастій, какія перенесли сами, заранее излагали имъ правила опытности и представляли оныя въ видѣ повелѣній, какъ выраженіе безусловной необходимости. Также главы народовъ, законодатели, жрецы и военачальники, имѣя въ виду сохранить общество, въ которомъ они господствовали, предписывали въ формѣ повелѣній всё то, чему они могли научиться изъ личнаго-ли опыта, или отъ своихъ отцовъ, относительно средствъ самосохраненія и счастливой жизни. Безъ сомнѣнія, большая часть этихъ правилъ трактовала объ общественной пользѣ и имѣла въ виду охраненіе цѣлой общины: это доказывается продолжительнымъ существованіемъ сформировавшихся такимъ способомъ обществъ. Наконецъ, въ то самое время, когда эти правила мудрости налагались въ семействѣ семейнымъ авторитетомъ, въ обществѣ — государственнымъ, они предписывались также религіознымъ авторитетомъ, который на первыхъ порахъ не отдѣлялся отъ общественной власти, такъ что всё, что было священнаго для человѣка — отецъ, князь, жрецъ и Богъ повелѣвали одно и то же. Такимъ образомъ, нравственныя правила представляются не только какъ общія и спекулятивныя истины, но и какъ повелѣнія. Известно, какое сильное воздѣйствіе оказываютъ впечатлѣнія и идеи на человѣческія вѣрованія. Эти правила, всегда сопутствуемыя повелѣніями, впоследствии были признаны за необходимые и обязательные законы. Теперь, когда уже позабыли лицъ, нѣкогда продиктовавшихъ эти правила, мы продолжаемъ по-прежнему смотрѣть на нихъ какъ на повелѣнія; а, такъ какъ они, дѣйствительно, весьма сообразны съ разумомъ, какъ результатъ долгаго и единодушнаго опыта, то совершенно естественно, что мы рассматриваемъ ихъ какъ а priori продиктованныя самимъ разумомъ, какъ произведеніе внутренняго законодательства безъ законодателя. Въ подтвержденіе этой теоріи эволюціонисты ссылаются на фактъ разнообразія, измѣнчивости и даже противорѣчія другъ другу нравственныхъ постановленій, подтверждаемый всеобщей исторіей.

Можно-ли согласиться съ этими учеными? Весьма трудно допустить, какимъ образомъ начала, имѣвшія первоначально видъ относительныхъ и условныхъ правилъ, со временемъ сдѣ-

лались общеобязательными и безусловными. По нашему мнѣнiю, такое превращенiе невозможно. Кромѣ того, коль скоро эмпирическое происхожденiе этихъ принциповъ раскрыто, то они должны потерять свой безусловный характеръ и стать въ рядъ прочихъ истинъ, по своей природѣ не обязательныхъ для человѣчества. Наслѣдственная передача правилъ въ формѣ приказанiй можетъ объяснить только привычку повиноваться имъ, а не дѣйствительную необходимость. Повелѣнiя нашихъ предшественниковъ не составляютъ для насъ мотива, безусловно опредѣляющаго наши дѣйствiя. Напротивъ, я имѣю право изслѣдовать и, послѣ изслѣдованiя, отбросить эти правила, основанныя только на преествѣ и привычкѣ. Я, слѣдовательно, могу освободиться отъ авторитета нравственнаго закона подобно тому, какъ въ философiи освободились отъ авторитета Аристотеля, а въ современной педагогикѣ—отъ системы Домостроя. Въ самомъ дѣлѣ, никто даже съ сильнѣйшей волей не въ состоянiи отрицать нравственную истину; никто не пожелалъ бы быть заподозрѣннымъ въ несправедливости, безчестiи, незаконныхъ дѣйствiяхъ и т. д. Можно, пожалуй, объяснить, почему мы не желаемъ, чтобы другiе были злыми,—именно, чтобы они не могли вредить намъ; но нельзя объяснить, почему мы сами не желаемъ быть и считаться злыми. Напр., я, конечно, долженъ имѣть отвращенiе къ разбойникамъ, потому что они могутъ мнѣ повредить; но почему я ужасаюсь при одной мысли самому стать такимъ же злодѣемъ. Если обязательность нравственнаго закона есть фикцiя и предразсудокъ моего ума, то я всегда въ состоянiи освободиться отъ него, и тогда я воленъ дѣлать, что мнѣ угодно. Такимъ образомъ, эволюцiонная теорiя не въ силахъ дать удовлетворительнаго отвѣта на предложенный вопросъ.

Изслѣдуя содержанiе нравственнаго закона, мы выше остановились на богоподобной природѣ человѣческой личности. Эта духовная природа своимъ безусловнымъ характеромъ неизмѣримо возвышается надъ физическимъ условнымъ содержанiемъ человѣческой жизни, и человѣкъ въ предѣлахъ своего пониманiя, усердiя и расположенiя всегда старается быть, какъ говорится, на высотѣ своего призванiя. А истиннымъ призва-

нiемъ челоуѣка считается не органическое его существованiе, на подобiе жизни животныхъ, а разумная, цѣлесообразная и *приведенная* жизнь. Поэтому, всё, что соотвѣтствуетъ этому идеалу челоуѣчности, является не просто благомъ, но и обязательнымъ постановленiемъ для челоуѣка; и, наоборотъ, все противорѣчащее этому идеалу становится не только зломъ, но челоуѣкъ всегда обязанъ избѣгать его. Только при такомъ пониманiи нравственнаго закона становится яснымъ фактъ предпочтенiя однихъ дѣйствiй предъ другими, фактъ одобренiя, или порицанiя совѣстию челоуѣческихъ поступковъ. Почему, напр., мы ставимъ милосердiе, великодушiе и т. д. выше эгоизма, самолюбiя и т. п.; почему, предпочитая послѣднiя первымъ, мы слышимъ въ себѣ укоры совѣсти? Безъ сомнѣнiя, потому, что указанныя качества—великодушiе, милосердiе и проч. входятъ въ наше представленiе высочайшей идеальной личности, такъ что идеалъ челоуѣка, безъ названныхъ свойствъ, уже не можетъ быть идеаломъ. Такимъ образомъ, обязательность нравственнаго закона вытекаетъ изъ самаго понятiя объ идеалѣ челоуѣческой личности, который привлекаетъ къ себѣ стремленiя и расположенiя людей. Идеалъ является для насъ образцомъ и послѣднею цѣлью нашихъ дѣйствiй и, поэтому, долженъ обладать качествомъ *постоянства* и *неизмѣнности*. Подобно тому какъ какое-нибудь оригинальное произведенiе поэзiи, или искусства вызываетъ множество подражанiй и копiй, считающихся тѣмъ болѣе совершенными, чѣмъ ближе онѣ подходятъ къ оригиналу, то же происходитъ и въ нравственной области въ дѣлѣ личнаго самоусовершенствованiя. Челоуѣкъ, созерцая предъ собой идеальный образецъ и всесовершенный типъ челоуѣчности, стремится осуществить его въ своей жизни, поскольку онъ есть свободная причина своей произвольной дѣятельности. Законъ, какъ выраженiе нормирующей дѣятельности, не долженъ преклоняться предъ личными расположенiями индивида; напротивъ, индивидъ пусть слѣдуетъ авторитету закона и подражаетъ указанному имъ высочайшему идеалу! Если бы нравственный законъ, въ дѣйствительности, измѣнился по субъективнымъ расположенiямъ дѣятеля, т. е. соотвѣтственно его страстямъ и капризамъ, то онъ не пред-

ставляемъ бы собою настоящихъ отношеній дѣятеля къ идеаль-
ному типу, высшему его: онъ былъ бы не болѣе какъ сред-
ствомъ подчинить идеаль разнымъ цѣлямъ индивида.

Но въ томъ, что нравственный законъ указываетъ человѣку
его истинное назначеніе, заключается только одна половина
отвѣта. Слѣдуетъ обратить вниманіе еще на то, что повелѣ-
нія нравственнаго закона приобрѣтаютъ для насъ тѣмъ боль-
шую силу и значеніе, что они стоятъ въ противорѣчій съ
требованіями нашей физической природы. Если бы люди, по
своей природѣ, представляли бы только образъ Безусловнаго
Бытія и ничего болѣе, то имъ было бы естественно и легко
слѣдовать своему идеалу, или, по крайней мѣрѣ, имъ не пред-
ставлялось бы такихъ затрудненій, какія выпадаютъ имъ те-
перь. Еще въ глубокой древности существовалъ взглядъ на
матерію какъ на особое начало, отъ котораго происходитъ все
зло въ мірѣ. Также и человѣческому тѣлу издавна усвоили
значеніе источника всего дурного, нечистаго и злого. Въ хри-
стіанствѣ данъ болѣе правильный взглядъ на тѣлесную при-
роду человѣка: наше тѣло можетъ быть и храмомъ Св. Духа,
и жилищемъ всякаго беззаконія. Но вслѣдствіе противополож-
ности нашей тѣлесной организаціи духовному началу, мы на-
ходимъ въ ней не мало препятствій и соблазновъ къ нару-
шенію божественнаго законодательства. *Ибо мы знаемъ, гово-
ритъ ап. Павелъ что законъ духовенъ, а я плотянъ, проданъ
грѣху. Ибо не понимаю, что дѣлаю: потому что не то дѣлаю
что хочу, а что ненавижу, то дѣлаю... Ибо по внутреннему
человѣку низкому удовольствіе въ законъ Божіемъ: но въ чле-
нахъ моихъ вижу иной законъ, противоборствующій закону
уми моего и дѣлющій меня плънникомъ закона грѣховнаго,
находящагося въ членахъ моихъ* ¹⁾. Такимъ образомъ, въ виду
преобладанія въ насъ чувственной природы, для насъ стано-
вится необходимой повелительная форма нравственнаго закона.

Интересно также замѣтить, что нравственный законъ *только
повѣлываетъ, а не принуждаетъ* нравственнаго дѣятеля. Въ
этомъ отношеніи онъ отличается отъ всѣхъ другихъ законовъ,
напр., физическихъ, естественныхъ и т. д. Главная причина

¹⁾ Рим 7, 14—15. 22—23.

этого состоитъ въ томъ, что нравственный законъ имѣетъ дѣлать свободнымъ дѣятелемъ, который при-этомъ имѣетъ двойственную природу и можетъ, слѣдовательно, избирать себѣ тотъ, или иной путь дѣятельности и жизни. Въ томъ именно и заключается загадка о человѣкѣ, что онъ является на землѣ не тѣмъ, что онъ есть на самомъ дѣлѣ и только отчасти можетъ выполнить свое истинное назначеніе. Фактъ свободы воли, указываемый философій, выдвигаетъ человѣка изъ ряда всѣхъ существъ физическаго міра и ставитъ его духовную природу далеко за предѣлы его настоящей земной жизни. Но объясненіе этого факта лежитъ внѣ вѣдѣнія философій и дается только христіанскимъ міровоззрѣніемъ, указывающимъ человѣку, какъ свободно-разумному существу, особое высокое назначеніе.

Итакъ, въ богоподобной природѣ человѣческой личности, въ стремленіи человѣка уподобиться своему Первообразу, Который по преимуществу есть Любовь, человѣкъ находитъ содержаніе нравственнаго закона. Въ той же самой идеѣ—приближенія человѣка къ Безусловной Сущности, какъ своему истинному Первоисточнику, нравственный законъ почерпаетъ свою силу и обязательность. Иначе сказать: нравственный законъ выражается въ законѣ любви. *А до чего мы достигли, такъ и должны мыслить и по тому правилу жить* ¹⁾.

Алексій Покровскій.

¹⁾ Филипп. 3, 16.

ПРАКТИЧЕСКАЯ НЕВОЗМОЖНОСТЬ СОЦИАЛИЗМА.

Соч. В. Катрейна.

Авторизованный переводъ съ 9-го нѣмецкаго изданія

свѣщенника *Н. ЛИЦЕНАГО*.

(Продолженіе *).

§ 3. Прогрессъ въ социалистическомъ государствѣ.

Если на настоящей ступени культуры въ социализмѣ невозможно производство продуктовъ въ достаточномъ количествѣ, то тѣмъ менѣе возможенъ прогрессъ производства. Что производство на основѣ частной собственности весьма сильно способствуетъ прогрессу, объ этомъ говорятъ слишкомъ очевидные факты. Какой огромный прогрессъ произошелъ въ теченіе одного только столѣтія! Пусть вспомнятъ о паровозахъ, пароходахъ, телеграфахъ, телефонахъ, фонографахъ, о новѣйшихъ открытіяхъ въ области электротехники! Почти каждый день приноситъ намъ сообщенія о новыхъ, неожиданныхъ открытіяхъ. Собственный интересъ побуждаетъ каждаго не только приносить пользу другимъ, но превосходить въ этомъ отношеніи своихъ сотрудниковъ. Поэтому-то каждый стремится къ изобрѣтенію самыхъ полезныхъ, самыхъ прочныхъ и самыхъ дешевыхъ предметовъ. Кому удается предложить обществу что-нибудь самое лучшее, самое полезное и вмѣстѣ самое дешевое, тотъ и получаетъ перевѣсъ надъ своими сотрудниками.

А въ социализмѣ что же осталось бы изъ этого прогресса? Бебель при обычной своей отважности не останавливается предъ утвержденіемъ слѣдующаго рода: въ социализмѣ всѣ „будутъ думать объ улучшеніи, упрощеніи и ускореніи произ-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 7 за 1908 г.

водства. Въ самой высокой степени будетъ возбуждено стремленіе удовлетворить собственное честолюбіе путемъ разнаго рода открытій и изобрѣтеній; каждый будетъ стараться пре-
взойти другихъ открытіемъ новыхъ идей, новыхъ проектовъ“¹⁾. Подобнаго рода рѣчи выдають въ авторѣ народнаго агитатора. Всѣ будутъ постоянно думать объ улучшеніяхъ въ дѣлѣ производства, объ открытіяхъ, изобрѣтеніяхъ. Но если бы мы и допустили, что *почти одинаковая для всѣхъ степенъ образованія въ социалистическомъ государствѣ*²⁾ всѣхъ рабочихъ сдѣлаеть способными къ разнаго рода открытіямъ, въ чемъ мы очень сомнѣваемся, то и въ этомъ случаѣ является вопросъ: гдѣ же, въ чемъ будетъ заключаться тотъ интересъ который будетъ побуждать къ этому дѣлу—къ открытіямъ и усовершенствованіямъ? Допустимъ, что и такой интересъ будетъ на лицо, тогда спрашивается: гдѣ рабочій найдетъ средства для того, чтобы примѣнить сдѣланное имъ открытіе къ производству?

Открытія и изобрѣтенія, по крайней мѣрѣ въ области сельскаго хозяйства, предполагають, что изобрѣтатель имѣеть въ своемъ распоряженіи матеріаль, надъ которымъ онъ можетъ производить эксперименты. Далѣе, необходимымъ является также предположеніе, что изобрѣтатель основательно знакомъ со своей отраслью производства, что онъ эту отрасль поставилъ задачей своей жизни, что его не переводили съ одной отрасли производства на другую по капризу какого-нибудь производственнаго совѣта, по рѣшенію большинства, или какой-бы то ни было распорядительной власти. такъ какъ въ такомъ случаѣ онъ оказался бы полужнайкой, а не специалистомъ. Шэффле говоритъ о будущихъ „ислѣдователяхъ, художникахъ, ученыхъ“, которые будутъ въ социализмѣ назначаемы на свои должности³⁾. Однако, Бебель, который раньше утверждалъ то же самое⁴⁾, теперь отрицаетъ существованіе такихъ должностей. Каждый обязанъ будетъ „физически“ участвовать въ производствѣ и только въ остающееся свободное время по собственному усмотрѣнію предаваться своимъ „лю-

1) Die Frau, 348.

2) Ibid. 365 и слѣд., 369 и слѣд.

3) Quintessenz, 5

4) Unsere Ziele, 32.

бимымъ занятіямъ“ ¹⁾. Мы сильно склонны сомнѣваться въ томъ, чтобы послѣ обязательной общественной работы оставалось еще достаточно охоты къ научнымъ и художественнымъ занятіямъ; а еще болѣе сомнѣваемся въ томъ, что „товарищи“ станутъ посвящать это свободное время серьезнымъ и болѣе или менѣе долговременнымъ занятіямъ той или другой наукой, а не станутъ это время тратить на наслажденія и удовольствія.

Но пусть будетъ такъ. Допустимъ, что социалистъ сдѣлалъ какое-либо новое и важное открытіе. Теперь остается примѣнить его къ дѣлу практически. При томъ предположеніи, что существуетъ частная собственность, это легко осуществить. Самъ ли изобрѣтатель имѣетъ нужный капиталъ, или же онъ находитъ капиталиста, который согласится употребить въ дѣло свой капиталъ, и вотъ изобрѣтенію, насколько оно докажетъ свою практичность и полезность, открывается дорога для вступленія въ жизнь. Иное дѣло въ социализмѣ. Здѣсь изобрѣтатель долженъ обратиться или къ лицамъ, завѣдывающимъ производствомъ, или непосредственно къ народу и получить большинство голосовъ въ пользу своего изобрѣтенія. Это сопряжено съ немалыми затрудненіями. Трудно заинтересовать все общество какою-либо новинкою именно потому, что члены его не имѣютъ въ этомъ личнаго интереса и принуждаются насильно къ новымъ работамъ. Пусть, напр., дѣло идетъ о какой-либо машинѣ, о какомъ-либо аппаратѣ для отопленія, или освѣщенія, о проведеніи канала, туннеля и т. п. Прежде всего нововведеніе въ этомъ случаѣ потребуетъ увеличенія количества труда націи. Если нововведеніе будетъ допущено, то оно должно быть введено въ цѣломъ социалистическомъ обществѣ: этого требуетъ равенство условій существованія и труда. Будетъ ли общество склонно къ такимъ нововведеніямъ? Мы боимся, что не будутъ допущены не только такія нововведенія, для удостовѣренія въ приходности которыхъ нужно производить еще опыты, но даже такія, выгоды и преимущества которыхъ доказаны съ полной очевидностью и несомнѣнностью ²⁾.

¹⁾ Die Frau, 364.

²⁾ По этому поводу справедливо говоритъ Клейнвехтеръ (Schönbergs Hand-

Не нужно упускать из вниманія и того обстоятельства, что въ настоящее время одновременно могутъ быть вводимы и практически испытываемы многія открытія и изобрѣтенія въ той или другой области, поэтому возможно бываетъ всестороннее ихъ испытаніе и оцѣнка и въ концѣ концовъ одержать верхъ то изобрѣтеніе, которое не только по мнѣнію теоретиковъ, но практически докажетъ свою пригодность. Въ этомъ ручательство, что побѣда останется за дѣйствительно лучшими изобрѣтеніями. Въ будущемъ государствѣ нельзя рассчитывать на такое одновременное испытаніе нѣсколькихъ изобрѣтеній, такъ какъ это потребовало бы значительнаго увеличенія количества національнаго труда, о которомъ нельзя съ увѣренностію сказать, что въ будущемъ онъ будетъ вознагражденъ, и въ пользѣ котораго убѣдить народъ можно лишь съ большимъ трудомъ.

§ 4. Искусство и наука въ социализмѣ.

Если вѣрить смѣлымъ заявленіямъ социалистовъ, то „социализмъ не только не врагъ искусствъ, а напротивъ въ высшей степени содѣйствуетъ ихъ развитію“¹⁾, онъ будетъ давать „безчисленное множество ученыхъ и художниковъ“²⁾. Но если въ экономической области социалистическое общественное устройство налагаетъ оковы на прогрессъ, то тѣмъ болѣе это нужно сказать о прогрессѣ въ области наукъ и искусствъ. По идеямъ Бебеля, въ социализмѣ всѣ безъ исключенія должны:

buch der politischen Ökonomie I, 260): „Въ социалистическомъ государствѣ, въ которомъ производство ведется обществомъ по одному опредѣленному плану, правительство должно ежегодно опредѣлять количество работы и распределять ее между гражданами. Это разумѣется само собою. И вотъ если бы правительство пожелало ввести какіе-либо новыя, болѣе совершенныя способы производства и увеличить ради этого общее количество національной работы, а народъ счелъ бы нововведеніе излишнимъ, такъ какъ не въ состояніи сразу оцѣнить выгоды и преимущества новыхъ плановъ, и отказался бы брать на себя излишнюю работу, то у правительства не было бы никакихъ средствъ бороться съ волей большинства и прогрессъ долженъ бы былъ затормозиться. Словомъ, въ социализмѣ прогрессъ въ области экономической былъ бы возможенъ лишь въ томъ случаѣ, если къ этому склоняется воля большинства населенія, а это, какъ извѣстно, путь очень медленный“.

1) Stern, Thesen über den Socialismus, 34

2) Bebel, Die Frau, 364.

непосредственно („физической силой“) участвовать въ производствѣ, и никакихъ ученыхъ и художниковъ по профессіи вовсе не будетъ существовать. Логически это вполнѣ послѣдовательно. Однако тутъ же и обнаруживается внутреннее противорѣчіе въ самой системѣ социализма, такъ какъ вѣдь совершенно очевидно, что при такомъ условіи ни о какомъ прогрессѣ не можетъ быть рѣчи.

Кто желаетъ совершить что-либо фундаментальное и великое въ области науки или искусства, тотъ не можетъ заниматься ими мимоходомъ, въ свободные часы, нѣтъ. Онъ долженъ всецѣло отдаться имъ съ ранней молодости. А между тѣмъ социализмъ хочетъ всѣхъ гражданъ еще съ дѣтства обучить всѣмъ отраслямъ производства, такъ какъ именно производство есть существенная, или лучше единственная задача социалистическаго государства; затѣмъ далѣе, всѣ непріятныя работы, на которыя не найдется добровольныхъ охотниковъ, социализмъ хочетъ выполнять принудительнымъ способомъ— всѣми гражданами по очереди; такимъ образомъ, въ концѣ концовъ всѣ будутъ всю жизнь прикованы къ производству. При такихъ условіяхъ развѣ можно говорить о занятіяхъ наукой или искусствомъ? Послѣ физическихъ трудовъ найдется ли еще у кого-нибудь истинная охота и стремленіе къ занятіямъ научнымъ? При современномъ общественномъ устройствѣ браться за серьезный трудъ еще въ ранней молодости побуждаетъ интересъ, или же нужда. Отъ этого зависитъ собственное существованіе, отъ этого же зависитъ возможность выдвинуться, занять извѣстное положеніе въ обществѣ. Въ социализмѣ не можетъ быть рѣчи о томъ, чтобы научная и художественная дѣятельность создавали такое или иное положеніе въ обществѣ. Вознагражденіе выдается за произведенную работу, а не за тѣ занятія, которымъ кто-нибудь отдается по собственной охотѣ въ часы досуга.

Разумѣется, и въ настоящее время могутъ быть случаи, когда люди помимо всякихъ внѣшнихъ выгодъ, просто движимые любознательностію, серьезно занимаются какой-либо наукой, или искусствомъ. Но это исключительные случаи, при томъ же и въ такихъ случаяхъ первоначальное побужденіе къ занятіямъ

такого рода дается или нуждой, или какимъ-либо интересомъ также внѣшнимъ. Только впоследствии человекъ занимается наукой ради науки, или искусствомъ ради искусства. Въ социализмѣ подобныхъ побужденій быть не можетъ, такъ какъ какія-бы то ни было профессіи въ социализмѣ пользуются одинаковыми условіями существованія.

Но предположимъ, что социалисты отвергнутъ безтолковое требованіе Бебеля, чтобы „физическое“ участіе въ производствѣ было для всѣхъ обязательно, и въ социалистическомъ обществѣ будутъ существовать настоящіе ученые, художники, изслѣдователи по профессіи. Тогда, миновавъ благополучно Сциллу, мы наталкиваемся на Харибду. Тогда вѣдь теряетъ смыслъ социалистическая теорія цѣнности, въ силу которой цѣнность всѣхъ предметовъ потребления измѣряется количествомъ труда, затрачиваемаго на производство этихъ предметовъ. Подъ трудомъ при этомъ разумѣется трудъ посредственно, или непосредственно *продуктивный*. Между тѣмъ существуютъ нѣкоторыя науки и искусства, которыя или никакого, или очень ничтожное значеніе имѣютъ собственно для производства полезныхъ предметовъ. Какое значеніе въ этомъ отношеніи могутъ имѣть музыкальное искусство, поэзія, астрономія, философія, словесная наука, исторія и т. д.? Если бы вздумали оплачивать и занятія такого рода науками, то чѣмъ стали бы опредѣлять размѣръ платы? А между тѣмъ при распредѣленіи продуктовъ мы тотчасъ должны бы были встрѣтиться съ этимъ вопросомъ. Далѣе, если бы въ обществѣ одни сдѣлались учеными, художниками, изслѣдователями, профессорами, а другіе принуждены бы были взяться за черныя и непріятныя работы въ рудникахъ и на фабрикахъ, то развѣ это обстоятельство не нарушило бы „равенства условій существованія“ и не дало бы повода къ зависти и жалобамъ? Если въ настоящее время социалисты мечутъ громы и молніи по поводу того, что теперь нѣкоторые могутъ „не участвовать въ продукціи“, то что же произойдетъ на первыхъ же порахъ въ будущемъ государствѣ, гдѣ всѣ будутъ чувствовать себя равноправными и въ то же время власть имѣющими постановить рѣшеніе по поводу какихъ бы то ни было общественныхъ явленій?

Мы уже раньше обращали вниманіе на то, что социализмъ долженъ устранить свободу въ выборѣ профессіи. И это обнаружилось бы сразу же въ томъ случаѣ, если бы вздумали установить профессіи ученыхъ, художниковъ, изслѣдователей. Потому что одно изъ двухъ: или съ этими профессіями будутъ связаны почетное положеніе въ обществѣ и нѣкоторыя матеріальныя выгоды и тогда всѣ устремятся къ нимъ; или профессіи эти ничѣмъ не будутъ отличаться отъ остальныхъ, и тогда немного найдется желающихъ посвятить себя имъ. Въ томъ и въ другомъ случаѣ верховное управленіе само должно будетъ рѣшать, кого слѣдуетъ и кого не слѣдуетъ допускать къ профессіи ученой и художественной.

§ 5. Свобода печати въ социализмъ.

Предметъ этотъ заслуживаетъ особаго вниманія. Неограниченную свободу печати, при которой оставались бы безнаказанными всякія нападенія на добрые нравы, религію, законное правительство, бракъ и собственность, мы считаемъ зломъ. Но столь же не допустима въ настоящее время, когда существуютъ рядомъ различныя религіозныя общества, государственная цензура, которая допускала бы къ печати лишь то, что понравится состоящимъ на должности цензоровъ. А между тѣмъ такая именно цензура и должна быть установлена въ социализмѣ.

Всякаго рода орудія производства составляютъ исключительную собственность общества; типографіи точно также являются учрежденіями общественными. Общество должно поставлять сюда и матеріаль и рабочую силу; отъ него же зависитъ рѣшеніе вопроса о томъ, что слѣдуетъ печатать и что бросить въ корзину. Такимъ образомъ судьба литературнаго произведенія, — все-равно, обширнаго, или маленькаго, — увидитъ оно свѣтъ, или не увидитъ, это всецѣло зависитъ отъ большинства или нарочито для этой цѣли установленнаго какого-либо совѣта, комитета и т. п., или же цѣлой націи, народа. Соціалисты даже хвастаются этимъ; такъ напр., Бебель думаетъ, что множество всякаго рода хлама, какой теперь наводняетъ книжный рынокъ, тогда, т. е., въ социализмѣ пе-

чатать не станут. Точно такимъ же образомъ могъ бы кто-либо, уничтожая молодые посѣвы, хвастаться тѣмъ, что теперь сорная трава тутъ не выростетъ. Во всякомъ случаѣ при такихъ условіяхъ не было бы допущено къ печати нѣкоторое количество дѣйствительнаго хлама, но въ то же время весьма вѣроятно, что и многое другое, что вовсе не заслуживаетъ этого имени, постигла бы та же участь.

Впрочемъ, нельзя ручаться и за то, что не будетъ напечатано иногда нѣчто такое, что этого имени вполне заслуживаетъ. Ибо что такое хламъ въ литературѣ? Объ этомъ могутъ быть различныя мнѣнія. То, что цѣнится одной партией, часто считается ничтожествомъ въ глазахъ другой; предъ чѣмъ одни преклоняются, то другіе презираютъ. И вотъ очень часто серьезнѣйшіе и ученѣйшіе труды признавались бы литературнымъ хламомъ въ социализмѣ, въ то же время легкомысленныя и пустыя произведенія считались бы достойными печати. Представимъ себѣ такой случай. Какой-нибудь гражданинъ будущаго государства пришелъ бы къ убѣжденію, что социалистическій порядокъ не только въ высшей степени несправедливъ, но и противенъ здравому смыслу, и эти свои мысли изложилъ бы въ научномъ сочиненіи, которое и пожелалъ бы напечатать въ общественной типографіи. Или допустимъ, что другой писатель въ летучемъ листкѣ сталъ бы доказывать, что въ социалистическомъ государствѣ находятъ себѣ мѣсто культъ личностей, что многіе изъ товарищей стремятся къ диктатурѣ. Что сказали бы по этому поводу социалистическіе цензоры? Точно то же слѣдуетъ сказать и о сочиненіяхъ по вопросамъ религіознымъ. Въ социализмѣ стоящая во главѣ народа партія была бы въ силѣ не допустить къ печати всякое произведеніе по религіознымъ вопросамъ, которое по своему содержанію и характеру было бы не благопріятно для нея. Быть можетъ, сошлутся на свободомысліе и терпимость народнаго большинства? Но массы народныя по большей части отличаются гораздо большей нетерпимостію, чѣмъ отдѣльныя личности; онѣ не страшатся общественнаго мнѣнія, съ которымъ считаются отдѣльныя личности ¹⁾.

¹⁾ Какой нетерпимостію отличаются современные социаль-демократы, объ-

Что сказано нами относительно прессы, то же нужно сказать относительно основанія и содержанія разнаго рода научныхъ и художественныхъ учреждений, народныхъ, среднихъ и высшихъ школъ, ремесленныхъ училищъ, клиникъ, библиотекъ, музеевъ и т. п., которые были бы поставлены въ зависимость отъ общества, такъ что открытіе вновь какого-либо изъ такихъ учреждений могло бы состояться только съ согласія большинства. Но нужно замѣтить, что для большинства въ этомъ случаѣ дѣло идетъ прежде всего объ увеличеніи національнаго труда, который или совершенно не будетъ приносить репты, или принесетъ ее только въ отдаленномъ будущемъ.

Быть можетъ, рабство въ социализмъ пойдетъ еще дальше. Всѣ зданія, и въ особенности болѣе обширныя общественныя помѣщенія, составляющія собственность общества, будутъ находиться въ завѣдываніи особыхъ чиновниковъ. И очень легко можетъ статься, что народное большинство, или его представители не пожелаютъ иногда дать разрѣшеніе воспользоваться тѣмъ или другимъ общественнымъ зданіемъ для устройства въ

этомъ достаточно краснорѣчиво говорятъ продолжительныя и жаркіе дебаты, происходившіе на Дрезденскомъ партейтагѣ по поводу „сотрудничества социалъ-демократовъ въ органахъ буржуазной прессы“. Многіе высказывали мнѣніе, что такое сотрудничество должно быть строго запрещено. Въ концѣ концовъ большинствомъ было принято внесенное представителями партіи предложеніе, которое запрещало социалъ-демократическимъ товарищамъ сотрудничать въ такихъ буржуазныхъ изданіяхъ, которыя подвергаютъ партію суровой и злобной критикѣ. Характерны также тотъ родъ и способъ, при помощи которыхъ Берпштейнъ и др. должны были спасаться отъ инцидентовъ за свои социалъ-демократическія ереси... Известно, наконецъ, какъ сурово обошлись съ Шипцелемъ за его аграрную политику. Если бы они своевременно не сдѣлали поворота и не дали доказательствъ своего правотѣрія, то вѣроятно, были бы изгнаны изъ партіи. Въ избирательномъ округѣ Гагенъ за ревизионистскіе взгляды былъ исключенъ „товарищъ“ Тимъ. (Köln. Volkszeitung 1908 г., № 897). По этому поводу Тимъ потомъ въ социалъ-демократической газетѣ „Freie Presse“ писалъ: „Итакъ я не достоинъ занимать выборную должность потому, что сдѣлалъ попытку воспользоваться *правомъ свободы мнѣнія*“. Еще свѣжи воспомнанія о томъ, какъ правительство партіи по настоянію партійнаго диктатора Бебеля выбросило изъ состава редакціи „Vorwärts“ шестерыхъ редакторовъ и только за то, что они терпѣли ревизионистскія мнѣнія и не обнаруживали достаточно революціоннаго направленія. Такого рода факты краснорѣчивѣе всякихъ словъ свидѣтельствуютъ о свободѣ мнѣній и терпимости социалъ-демократовъ.

немъ собранія, прочтенія какого-нибудь доклада, совершенія богослуженія и т. п.

Однако, довольно. Изъ всего, что нами сказано, до очевидности ясно, что въ социализмѣ большинство будетъ имѣть полную возможность угнетать и поработать меньшинство. Последнее могло бы пользоваться извѣстной долей свободы только при благосклонномъ согласіи на это большинства; или же добывать себѣ эту свободу путемъ революціи, какъ это дѣлаютъ въ настоящее время социалисты.

ЧЕТВЕРТЫЙ ОТДѢЛЪ.

Распредѣленіе продуктовъ труда.

Теперь мы приступаемъ къ тому пункту социалистической системы, о которомъ особенно громко кричатъ социалисты и который привлекаетъ къ нимъ симпатіи не-социалистовъ. Можно ли отвергать, слышимъ мы жалобы, что производство постоянно возрастаетъ и, не смотря на это, все-таки огромное количество людей находится въ крайней нищетѣ? Отчего это происходитъ? Отъ несправедливаго распредѣленія продуктовъ труда.

Мы охотно допускаемъ, что существующій способъ распредѣленія не чуждъ нѣкоторыхъ недостатковъ и нуждается въ улучшеніи. Не мало есть капиталистовъ, которые самымъ безжалостнымъ образомъ эксплуатируютъ рабочихъ; не мало такихъ, которые готовы завладѣть чужимъ имуществомъ при помощи недобросовѣстныхъ спекуляцій. Но мы рѣшительно отвергаемъ, что социализмъ въ состояніи ввести болѣе справедливые и болѣе совершенные способы распредѣленія продуктовъ труда.

Допускаемъ, что въ социалистическомъ государствѣ въ значительной степени поднимается количество выработки. Изъ предыдущихъ нашихъ разсужденій читатель могъ убѣдиться, что такое допущеніе слишкомъ сомнительно; тѣмъ не менѣе мы его допускаемъ, желая предоставить социализму наивыгоднѣйшую позицію. Ну, и вотъ прежде всего дѣло идетъ о томъ, чтобы опредѣлить, *какъ великъ результатъ работы общества.*

Прежде чѣмъ распредѣлять, нужно точно знать, сколько имѣется на лицо того, что подлежитъ распредѣленію. Если станутъ зря, или сколько кому захочется, выдавать вино, молоко, птицу, дичь и т. п., то возможно, что въ запасныхъ магазинахъ не достанетъ для всѣхъ и каждаго заготовленныхъ продуктовъ. А поэтому необходимо, чтобы точно было опредѣлено количество, по крайней мѣрѣ, тѣхъ продуктовъ, имѣющихся въ распоряженіи общества, которыхъ нельзя произвести въ любомъ количествѣ. Но это настолько трудная задача, даже если взять какой-нибудь одинъ отдѣлъ продуктовъ, что она потребуетъ огромной переписки и огромнаго штата чиновниковъ, завѣдывающихъ этимъ дѣломъ.

Можно, конечно, распорядиться, чтобы продукты того или другого рода сперва были свезены въ одно—два центральныхъ мѣста, а оттуда потомъ ихъ можно было бы распредѣлять. Этимъ существенно облегчился бы надзоръ, но въ то же время потребовалась бы исполинская затрата времени и труда. Потребовалось бы, напр., вино свезти сперва въ какое-нибудь центральное мѣсто, потомъ отсюда развозить его по другимъ мѣстамъ и въ томъ числѣ часть его доставить обратно туда, откуда оно было привезено. Чтобы пояснить дѣло примѣромъ, возьмемъ такой продуктъ, какъ молоко. Нужно будетъ точно опредѣлить, какое количество молока можно распредѣлять, сколько давать каждому, притомъ, чтобы для каждаго было достаточно того, что онъ получаетъ. Кто изъ людей былъ бы въ состояніи хотя бы приблизительно установить количество этого продукта, которое изо дня въ день мѣняется въ зависимости отъ временъ года, количества корма и другихъ случайныхъ обстоятельствъ; притомъ опредѣлить такое количество для цѣлаго государства? А вѣдь то же самое нужно было бы продѣлать и по отношенію ко всѣмъ другимъ естественнымъ и искусственнымъ продуктамъ, въ которыхъ нуждается государство и которыхъ тысячи сортовъ.

Весь ли продуктъ работы общества подлежитъ дѣлежу? Нѣтъ. Во первыхъ, часть этого продукта, какъ это проектировалъ самъ Марксъ, должна быть выдѣлена для продолженія производства, для улучшенія фабрикъ, машинъ, инструментовъ, для

устройства новых орудий производства или каких-нибудь зданий, для заготовления сырого материала и т. п. Затѣмъ, часть должна поступить въ резервный, или страховой фондъ на случай какихъ-либо несчастій, или потерь, могущихъ произойти отъ естественныхъ, физическихъ причинъ. Наконецъ изъ общественнаго продукта выдѣляется потребное количество: 1) „на расходы по управленію,... 2) на удовлетвореніе такихъ потребностей общества, какъ школы, больницы и т. п.... и 3) на фондъ для неспособныхъ къ труду,—то, что въ настоящее время составляетъ расходы по призрѣнію бѣдныхъ“¹⁾. При помощи этихъ вычетовъ социализмъ рассчитываетъ сдѣлать ненужными всякаго рода налоги и подати.

Послѣ всего этого общественный продуктъ, значительно растаявшій, подлежитъ распредѣленію между товарищами²⁾. При этомъ необходимо открыто указать опредѣленный, легко примѣнимый масштабъ для распредѣленія. Что это за масштабъ? Социализмъ не въ состояніи предложить такого масштаба. Въ этомъ пунктѣ, какъ и вообще во всѣхъ положительныхъ проектахъ, социалисты довольно осторожны. По мнѣнію Маркса, въ первой фазѣ коммунистическаго общества такимъ масштабомъ долженъ быть трудъ, такое или иное количество труда; на болѣе высокой фазѣ социалистическое общество напишетъ на своемъ знамени: „каждому по его потребностямъ“. Мы намѣрены изслѣдовать одинъ за другимъ всѣ возможные масштабы и посмотрѣть, насколько они практически примѣнимы. Основаніемъ для распредѣленія продуктовъ между членами общества могутъ быть: 1) простой подсчетъ головъ, 2) рабочее время, 3) продуктъ труда, 4) прилежаніе, или усердіе къ дѣлу и 5) потребность въ продуктахъ.

¹⁾ Marks, Zur Kritik des socialdem. Parteiprogramms, 565—6.

²⁾ Представлять себѣ дѣло такъ, что каждому социалисту будетъ позволено въ общественномъ запасномъ магазинѣ получать все въ любомъ количествѣ,—было бы безумно, что мы выше уже показали, говоря противъ Питерпа. Пусть покажи социализма будутъ настоящими волшебниками, все-таки они не любятъ того, чтобы земля всякаго рода продукты доставляла въ неистощимомъ изобиліи, особенно если принять во вниманіе, что рабочее время будетъ сокращено до минимума. Непростительно поэтому дурачить простой народъ подобными фантазіями.

§ 1. Подсчетъ головъ.

Простого подсчета головъ, какъ масштаба для распредѣленія продуктовъ, никто изъ социалистовъ, насколько намъ извѣстно, еще не предлагалъ. И это не безъ основанія. Предоставить каждому получать одинаковое количество продуктовъ, не принимая во вниманіе того, насколько онъ лѣнивъ или прилеженъ, искусенъ или неискусенъ въ работѣ, силенъ или слабъ, обширны или ограничены его потребности,—было бы въ высшей степени несправедливо. Это означало бы оплачивать лѣнь и глупость и отнимало бы всякую охоту къ труду.

Только что приведенныя строки написаны были нами прежде, чѣмъ намъ попался на глаза уже выше упомянутый нами романъ Бэллами. Американскій писатель проектируетъ въ своемъ будущемъ социалистическомъ государствѣ дѣлить продукты поровну на всѣхъ. Въ началѣ года каждый гражданинъ получаетъ одинаковое со всѣми количество кредитныхъ знаковъ, за которые онъ можетъ изъ общественныхъ магазиновъ получать продукты потребленія. Каждая община имѣетъ складъ товаровъ, базаръ, гдѣ каждый можетъ достать все, что ему угодно. Кредитные знаки выдаются каждому въ такомъ большомъ количествѣ, что, вѣроятно, очень многіе не будутъ въ состояніи израсходовать всего количества. Но если бы въ исключительныхъ случаяхъ кому-либо не хватило, то открывається кредитъ и онъ получаетъ потребное количество кредитныхъ знаковъ въ счетъ слѣдующаго года. „Нація достаточно богата и она не желаетъ, чтобы кто-нибудь изъ ея гражданъ отказывалъ себѣ въ чемъ-нибудь“. Бережливость уже не будутъ тогда называть добродѣтелью. „Никто болѣе не беспокоится о завтрашнемъ днѣ ни за себя, ни за своихъ дѣтей, такъ какъ нація обезпечиваетъ и воспитаніе, и образованіе, и пріятную жизнь каждому гражданину отъ колыбели до могилы“.

Легко вообразить себѣ, до какой степени разовьется тогда страсть къ наслажденіямъ и удовольствіямъ, особенно если принять во вниманіе, что бережливость тогда не будетъ считаться добродѣтелью. Что касается увѣренія въ томъ, что

социалистическое государство будет настолько богато, что никому не нужно будет быть бережливымъ и расчетливымъ и въ каждой общинѣ всего будетъ вдоволь, то нужно сильно злоупотреблять довѣріемъ читателя, чтобы говорить такимъ образомъ. Мы ссылаемся на то, что уже нами ранѣе было сказано по этому вопросу.

Мы спросимъ Бэллами, какъ согласится со справедливостію такое распредѣленіе продуктовъ, при которомъ не будутъ обращать вниманія ни на количество работы, ни на способности и опытность отдѣльнаго рабочаго; самаго глупаго, слабаго и неопытнаго работника будутъ вознаграждать наравнѣ съ сильнымъ, способнымъ и опытнымъ? Бэллами устами Др. Леега отвѣчаетъ на этотъ вопросъ такъ. Въ вопросѣ о распредѣленіи продуктовъ размѣръ выработки отдѣльнаго рабочаго не играетъ никакой роли, такъ какъ вопросъ этотъ — „вопросъ о заслугѣ. Заслуга—понятіе моральное, а количество выработаннаго продукта—понятіе матеріальное. Страшная была бы логика, если бы мы стали къ моральнымъ вопросамъ прилагать матеріальный масштабъ. При оцѣнкѣ заслуги принимается въ соображеніе степень напряженія, усилія... Вѣдь и вы въ XIX столѣтіи отличали заслуги лошадей и цѣнили ихъ выше, чѣмъ козъ, именно за то, что лошади таскали бѣльшія тяжести, чѣмъ козы“?

Ну, если Бэллами человѣка приравниваетъ къ лошади, то онъ долженъ быть послѣдователенъ и вмѣнять человѣку въ заслугу лишь степень его напряженія при исполненіи той или другой работы. А мы за лошадьми не признаемъ заслугъ въ настоящемъ значеніи этого слова, несмотря на какія бы то ни было напряженія; мы даемъ лошадямъ необходимый кормъ не ради заслугъ съ ихъ стороны, но чтобы пользоваться ихними силами и впредь. Точно также Бэллами долженъ бы былъ поступать и съ людьми, если бы онъ желалъ быть послѣдовательнымъ.

Однако, тѣмъ не менѣе заслуга есть понятіе моральное, а размѣръ выработаннаго продукта—вещь матеріальная! Отвѣчаемъ на это: прежде всего Бэллами самъ себѣ противорѣчитъ. Вѣдь и напряженіе рабочаго при исполненіи работы,

главнымъ образомъ, есть нѣчто матеріальное, или физическое, почему же Бѣллами видятъ въ этомъ напряженіи заслугу? Или, быть можетъ, онъ полагаетъ, что само напряженіе есть дѣятельность умственная, моральная, а продуктъ работы нѣтъ? Но когда работѣ, дѣлу мы приписываемъ заслугу, то въ этомъ случаѣ мы имѣемъ въ виду не сдѣланное, не самый продуктъ работы, а именно самое дѣло, работу, поскольку она есть дѣятельность, создающая полезныя вещи. Мы не награждаемъ чѣмъ-нибудь кушаній, которыя приготовилъ поваръ, но платимъ повару за работу, полезность которой мы измѣряемъ продуктомъ этой работы.

Если Бѣллами полагаетъ, что заслуга есть нѣчто моральное, то нужно различать между формальной заслугой, какъ таковой, поскольку она состоитъ въ *правѣ* на награду, и основаніемъ, т. е., самимъ дѣломъ, которое признается заслуживающимъ награды. Первое есть нѣчто чисто-моральное, второе нѣтъ. Второе всегда есть поступокъ, дѣло, произведеніе, полезное для другихъ, и здѣсь нѣтъ рѣчи о *нравственной* заслугѣ (предъ Богомъ), но только о заслугѣ физической, *внѣ-моральной* предъ людьми; степень, величина заслуги въ этомъ случаѣ опредѣляется мѣрой полезности совершеннаго дѣла для ближнихъ или для общества. Разумѣется, при этомъ предполагается, что человекъ совершаетъ тотъ или другой поступокъ, находясь въ состояніи вмѣняемости и будучи свободенъ.

§ 2. Рабочее время.

Продолжительность работы также не можетъ служить масштабомъ для распредѣленія продуктовъ ¹⁾.

Прежде всего, такой масштабъ *несправедливъ*. Болѣе искусный, болѣе опытный, сильный и прилежный рабочій въ одинъ и тотъ же промежутокъ времени сдѣлаетъ больше того, кто этими свойствами не обладаетъ. Представьте себѣ двухъ столяровъ, работающихъ по десяти часовъ въ день каждый. Одинъ изъ

¹⁾ Вебель (Die Frau 367) пишетъ: „Какое-нибудь удостовѣреніе, напечатанное на клочкѣ бумаги, золота, или жести свидѣтельствуетъ о проведенномъ на работѣ времени и вотъ владѣлецъ такого удостовѣренія въ обменъ на это удостовѣреніе можетъ получать предметы потребленія разнаго рода“.

нихъ—физически крѣпокъ, опытенъ, свѣдущъ и прилеженъ, другой—лѣнивъ, тупоуменъ, неискусенъ. Слѣдуетъ ли къ вечеру выдать имъ обѣимъ одинаковыя удостовѣренія о томъ, что они работали столько-то часовъ? Должны ли они оба пользоваться равнымъ правомъ на полученіе общественнаго продукта? Это было бы и несправедливо, и оказывало бы деморализующее вліяніе.

Этого затрудненія нельзя избѣжать и въ томъ случаѣ, если вмѣсто „рабочаго времени“ станутъ засчитывать „общественно-необходимое рабочее время“; т. е. время, какое бываетъ необходимо для того, „чтобы произвести тотъ или иной предметъ потребленія, при существующихъ нормальныхъ общественныхъ условіяхъ работы, при средней степени ловкости и интенсивности труда“. Такой масштаб распределенія можно было бы признать справедливымъ, принимая за истинную Марксову теорію цѣнности. Если же мѣновая цѣнность предметовъ потребленія состоитъ не только въ „трудѣ, какой въ немъ кристаллизованъ“, но зависитъ отъ различія самого потребительнаго достоинства вещи, тогда будетъ несправедливо не обращать вниманія на *различіе въ силахъ и способностяхъ рабочаго*, а ко всѣмъ рабочимъ примѣнять одинаковый шаблонъ. На фабрикѣ, предположимъ, работаютъ пять рабочихъ. На основаніи чего мы будемъ опредѣлять количество общественнаго продукта, какое долженъ получить каждый изъ нихъ? На основаніи „средней степени ловкости и интенсивности труда“? Но эта средняя степень есть не болѣе, какъ абстракція. Фактически только очень немногіе приближаются къ этой средней степени, большинство же людей то выше, то ниже этой средней степени. Допустить, что всѣ имѣютъ одинаковую ловкость въ работѣ и трудятся съ одинаковой интенсивностью, было бы безразсудно. Люди далеко не равны между собою. На какомъ же основаніи тѣхъ рабочихъ, которые по своей ловкости далеко превосходятъ среднюю норму, вознаграждать за трудъ по этой средней нормѣ одинаково съ тѣми, кто ниже этой средней нормы?

Нѣмецкіе социаль-демократы давно уже высказали положеніе, что общественно-полезный трудъ, или точнѣе, трудъ, со-

здающій мѣновья цѣнности, возможенъ только въ обществѣ. Но если и допустить такое положеніе, но отсюда вовсе не слѣдуетъ, будто всякій производитъ совершенно одинаковое количество продуктовъ и имѣетъ одинаковое со всѣми другими право на вознагражденіе. Но положеніе это совершенно неправильно и выставляется съ тою лишь цѣлю, чтобы привлеченіе всѣхъ и cadaго къ общественному труду имѣло хотя бы видъ справедливости. Предметы потребленія могутъ имѣть мѣновую цѣнность только въ томъ случаѣ, если люди живутъ обществомъ и одни владѣютъ чѣмъ-нибудь такимъ, чего нѣтъ у другихъ. Но это условіе уже предполагаетъ, что мѣновая цѣнность вещей, главнымъ образомъ, зависитъ отъ ея потребительной цѣнности, а чтобы создать эту потребительную цѣнность, для этого нужно личное умѣнье. Развѣ Робинзонъ не могъ создать для себя кое-какихъ предметовъ потребленія? Или пожелаютъ сослаться на то, что работоспособность отдѣльнаго лица часто обусловливается обществомъ? Хорошо, но тогда нужно уже быть послѣдовательнымъ и разсматривать эту работоспособность не какъ частную собственность, а какъ собственность общества, и признать за обществомъ право распоряжаться этою собственностью, какъ ему угодно, ничѣмъ за это не обязывая общество въ пользу рабочаго.

Итакъ рабочее время, какъ масштабъ распредѣленія продуктовъ, несправедливъ. Но кромѣ того, онъ *практически не примѣнимъ*. Бебель, какъ обыкновенно, нисколько объ этомъ не беспокоится и просто декретируетъ: „Рабочее время, какое въ среднемъ необходимо для того, чтобы изготовить какой-либо предметъ потребленія, есть единственная мѣрка, по какой онъ оцѣнивается для общественнаго потребленія. Десять минутъ общественнаго рабочаго времени въ одномъ какомъ-либо предметѣ равны также десяти минутамъ во всякомъ другомъ предметѣ, не болѣе и не менѣе“ ¹⁾).

Разсмотримъ же это. Вотъ мы желаемъ знать, какое количество рабочаго времени заключаетъ въ себѣ четверикъ пшеницы. Чтобы опредѣлить это, недостаточно сосчитать, сколько времени крестьянинъ употребилъ на удобреніе поля, на его

¹⁾ Die Frau, 366.

вспашку, боронованіе, на снятіе урожая и т. п. и потомъ полученное число часовъ работы раздѣлить на число четвертей полученнаго урожая. Одинъ крестьянинъ прилеженъ и искусенъ и онъ скорѣе и лучше обработалъ свое поле, чѣмъ другой. Кромѣ того, могутъ быть не одинаковы и разстояніе поля отъ дома, и дороги, и инструменты. Но что еще важнѣе, количество урожая зависитъ отъ свойствъ почвы, количества и качества удобрения, состоянія погоды и т. п. Одна и та же почва въ этомъ году даетъ одинъ урожай, въ слѣдующемъ — другой. Кто при такихъ условіяхъ возьмется опредѣлить, сколько часовъ работы заключаетъ въ себѣ четверикъ пшеницы? При одномъ и томъ же количествѣ труда одинъ акръ земли въ плодотворной долипѣ Рейна вознаградитъ земледѣльца вдвое или втрое щедрѣе, чѣмъ тотъ же акръ на Гарцѣ или въ песчаныхъ равнинахъ Голландіи. Достаточно правильно оцѣнить только эти затрудненія, чтобы понять, что исчисленіе общественно-необходимаго рабочаго времени при производствѣ одного лишь какого-либо товара—вещь невозможная.

Однако, это только начало затрудненій. То, что сказано относительно пшеницы, одинаково примѣнимо ко всѣмъ вообще видамъ хлѣбовъ и овощей, а также ко всѣмъ другимъ продуктамъ сельскаго хозяйства (мясо, масло, сыръ, яйца и др.); столько же примѣнимо это къ продуктамъ каменноугольнаго и вообще горнаго дѣла, къ охотѣ, рыболовству и т. п. Кто въ состояніи вычислить рабочее время, необходимое для добыванія всѣхъ этихъ продуктовъ,—время, которое постоянно мѣняется, которое далеко не одинаково изъ года въ годъ? Сколько, напр., часовъ работы заключается въ одномъ фунтѣ трески, сельдей, или рыбьяго жира? Мы уже не говоримъ о томъ, какъ это несправедливо опредѣлять мѣнову цѣнность всякаго предмета только количествомъ рабочаго времени, необходимаго для производства этого предмета.

Затруднительность положенія еще болѣе возрастетъ, когда мы допустимъ, что въ будущемъ обществѣ будутъ существовать оплачиваемыя должности судей, врачей, хирурговъ, художниковъ, ученыхъ и т. д. Шерле пишетъ: „Тѣ, кто будетъ оказывать обществу полезныя услуги въ качествѣ судей, должно-

стныхъ лицъ администраціи, учителей, художниковъ, изслѣдователей и т. д., вмѣсто того, чтобы участвовать въ производствѣ предметовъ потребленія, тѣ для своихъ потребностей будутъ получать извѣстную долю національнаго продукта по расчету общественно-необходимаго рабочаго времени, какое они посвящаютъ обществу“¹⁾).

По расчету общественно-необходимаго рабочаго времени, посвященнаго обществу? Представляетъ ли себѣ Шёффле всю ту огромную трудность, какая непременно встрѣтится, когда станутъ производить такой расчетъ? Какъ, напр., опредѣлить общественно-необходимое рабочее время въ трудѣ ученаго, художника и проч? Должны ли всѣ врачи получать одинаковое вознагражденіе за свой трудъ, не смотря на возможное различіе между ними въ ловкости, опытности и проч? Слѣдуетъ ли врачамъ давать болѣе высокое вознагражденіе, чѣмъ ученымъ, художникамъ и учителямъ? Далѣе, учитель низшей школы такое ли жалованье долженъ получать, какъ преподаватель средней школы, или профессоръ высшей? Одинаково всѣхъ вознаграждать—было бы несправедливо и обидно для людей болѣе одаренныхъ и болѣе старательныхъ; а неравенство вознагражденія стоитъ въ противорѣчій съ принципами социализма и служило бы обильнымъ источникомъ и причиной зависти, жалобъ разнаго рода.

Нельзя также удержать для будущаго общества и современную систему оплаты труда. Эта система была бы отвергнута въ первый же день жизни новаго общества, какъ замѣчаетъ Шёффле. И онъ правъ съ принципиальной точки зрѣнія. Эта система стоитъ въ противорѣчій съ принципомъ равенства и съ неизбежностію привела бы къ возникновенію аристократіи, почему ее и называютъ этимъ именемъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Quintessenz des Socialismus, 5.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

п о

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

30 Апрѣля № 8 1908 года.

Содержаніе. I. Приемъ должностныхъ лицъ, просителей и другихъ посѣтителей у Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго.—Правила для производства испытаній лицамъ, желающимъ получить должность псаломщика, санъ діакона или священника въ Харьковской епархіи, но по своему образовательному цензу не имѣющимъ правъ для этого.—Программы для производства испытаній лицамъ, желающимъ получить должность псаломщика, санъ діакона или священника.—Программа по Литургикѣ для лицъ, держащихъ экзаменъ на право полученія сана священника.—Горжество въ Рясинскомъ монастырѣ, Харьковской епархіи.—Отъ экзаменаціонной комиссіи при Харьковскомъ Духовномъ учил.—Епархіальныя извѣщенія.

I.

П Р І Е М Ъ

должностныхъ лицъ, просителей и другихъ посѣтителей у Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго.

Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященный Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій въ продолженіе наступившаго лѣта (1908 г.) принимаетъ должностныхъ лицъ духовнаго вѣдомства, просителей и другихъ лицъ, имѣющихъ къ нему надобность, по *Средамъ въ городскомъ домѣ* отъ 11 ч. утра до 1 ч. по полудни. Въ загородномъ домѣ приѣма не будетъ.

П Р А В И Л А

для производства испытаній лицамъ, желающимъ получить должность псаломщика, санъ діакона или священника въ Харьковской епархіи, но по своему образовательному цензу не имѣющимъ правъ для этого.

§ 1. Испытанія для полученія сана священника производятся при духовной семинаріи комиссіею, подъ предѣдательствомъ ректора семинаріи, изъ преподавателей тѣхъ предметовъ, по которымъ производятся испытанія.

§ 2. Для полученія сана діакона или должности псаломщика испытанія производятся при духовномъ училищѣ экзаменаціонною комиссією, подъ предѣдательствомъ смотрителя училища, изъ его помощника, члена Правленія отъ духовенства, преподавателя русскаго съ церковно-славянскимъ языкомъ и учителя пѣнія *).

Примѣчаніе. Если ректоръ или смотритель поему либо не могутъ присутствовать при производствѣ испытаній, то предѣдательствуютъ въ комиссіяхъ инспекторъ семинаріи или помощникъ смотрителя.

§ 3. Къ испытаніямъ допускаются: а) для полученія права на занятіе должности псаломщика лица православнаго исповѣданія, имѣющія не менѣе 16 лѣтъ; для полученія сана діакона псаломщика и учителя церковныхъ школъ, прослужившіе въ этихъ должностяхъ не менѣе 3-хъ лѣтъ и имѣющіе отъ роду не менѣе 24 лѣтъ, и б) для полученія сана священника—діаконы не моложе 28 лѣтъ, прослужившіе въ должности псаломщика, или учителя церковныхъ школъ, или въ санѣ діакона всего не менѣе 8 лѣтъ; при чемъ въ санѣ діакона не менѣе 3-хъ лѣтъ.

Примѣчаніе. Допущеніе къ испытаніямъ лицъ, окончившихъ курсъ въ среднихъ и высшихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, дѣлается каждый разъ по особому усмотрѣнію Епархіальнаго Преосвященнаго.

§ 4. Лица, желающія подвергнуться испытаніямъ для полученія сана діакона или священника и удовлетворяющія требованіямъ § 3 сихъ правилъ, подаютъ прошенія на имя Епархіальнаго Преосвященнаго, а лица, желающія получить должность псаломщика, подаютъ прошенія на имя Преосвященнаго Викарія.

§ 5. Къ прошеніямъ прилагаются: 1) лицами, ищущими должности псаломщика или сана діакона, свидѣтельства о рожденіи и крещеніи, о званіи, о бытіи у исповѣди и св. причастія, и, если имѣются, свидѣтельства о прохожденіи курса въ учебныхъ заведеніяхъ, а ищущими сана діакона—сверхъ сего и свидѣтельства на званіи учителя церковно-приходской школы и 2) діаконами, ищущими сана священника,—формуляръ о службѣ, засвидѣствованный иѣотнымъ благочиннымъ. Прошенія съ документами передаются Преосвященными въ Духовную Консисторію для

*) На учительскою производятся экзамены при оныхъ училищахъ: такъ должно быть и при производствѣ экзамена на должность псаломщика. А на священный санъ, т. е., и на санъ діакона—при Семинаріи. Но объ этомъ я сдѣлаю перемѣну послѣ. *А. Арсеній.*

надлежащихъ справокъ, и затѣмъ отъ усмотрѣнія Преосвященнаго зависеть, допустить или нѣтъ просителей до экзамена.

§ 6. По наложеніи на справкѣ резолюціи Преосвященнымъ, прошенія съ документами вторично поступаютъ въ Консисторію, которая, въ случаѣ разрѣшенія держать экзаменъ, препровождаетъ ихъ въ экзаменаціонную комиссію, а въ случаѣ отказа, преобразуетъ дѣло, увѣдомляя о семъ лишь просителя.

§ 7. Испытанія экзаменаціонными комиссіями производятся въ слѣдующіе сроки: съ 1 по 30 сентября, съ 10 по 30 января и съ 10 мая по 10 іюня.

§ 8. Для полученія должности псаломщика испытанія бываютъ а) полныя и б) сокращенныя. а) Полному испытанію, т. е. по всеѣмъ предметамъ въ объемѣ приложенныхъ при семъ программъ, подвергаются всѣ лица съ домашнимъ образованіемъ, а также не окончившіе полного курса въ народныхъ школахъ (церковно-приходскихъ, земскихъ, министерскихъ и др.), уволенные изъ 1 класса духовныхъ училищъ, или другихъ учебныхъ заведеній, равныхъ имъ по программамъ. б) Сокращенному экзамену подвергаются лица, имѣющія свидѣтельства объ окончаніи полного курса въ одномъ изъ народныхъ училищъ, или выбывшія изъ второго и третьяго класса духовныхъ училищъ и не окончившія 4-го класса тѣхъ же училищъ, равно и выбывшія изъ другихъ равныхъ имъ по программамъ учебныхъ заведеній. Сокращенный экзаменъ состоитъ въ томъ, что указанные лица совершенно освобождаются отъ экзаменовъ по русскому языку и арифметикѣ, но держатъ полный экзаменъ по Закону Божию, церковно-славянскому языку, церковному уставу и церковному пѣнію; кромѣ того они испытываются въ умѣньи писать, которое должно быть таково, чтобы давало возможность вести церковные документы четкимъ почеркомъ и безъ грубыхъ грамматическихъ ошибокъ. Лица же, окончившія полный курсъ въ духовныхъ училищахъ, второклассныхъ церковныхъ школахъ, или выбывшія изъ духовныхъ семинарій до окончанія IV класса, если послѣ выхода изъ учебнаго заведенія прошло не болѣе двухъ лѣтъ, подвергаются испытанію только по церковному уставу, церковно-славянскому языку и церковному пѣнію; если же по выходѣ изъ учебныхъ заведеній прошло болѣе двухъ лѣтъ, то они освобождаются только отъ испытаній по русскому языку и арифметикѣ.

Примѣчаніе. На лицъ окончившихъ полный курсъ въ одномъ изъ учебныхъ заведеній не духовнаго вѣдомства, двухгодичный льготный срокъ не распространяется, но они подвергаются во всякое время полному испытанію по всеѣмъ предметамъ, кромѣ русскаго языка и арифметики.

§ 9. Степень познаній подвергающихся испытаніямъ опредѣляется установленными баллами, при чемъ 5 означаетъ познанія отличныя, 4 очень хорошія, 3 хорошія, 2 посредственныя и 1 — слабыя; отмѣтки въ протоколахъ должны обозначаться и цифрами и словами, при чемъ никакихъ другихъ знаковъ при балахъ, т. е. ни плюсовъ и минусовъ не должно быть.

§ 10. Лица, получившія на экзаменѣ по каждому предмету отдѣльно не менѣе балла 3, признаются выдержавшими испытаніе удовлетворительно.

§ 11. Лица, получившія на полномъ экзаменѣ неудовлетворительный баллъ по одному или по двумъ предметамъ, допускаются ко вторичному экзамену по этимъ только предметамъ не ранѣе какъ черезъ полгода, получившія же неудовлетворительныя отмѣтки болѣе чѣмъ по двумъ предметамъ допускаются ко вторичному (полному) экзамену не ранѣе, какъ черезъ годъ. Въ третій разъ къ испытаніямъ допускаются не ранѣе, какъ черезъ годъ послѣ вторичнаго экзамена. Испытаніе въ 4-й разъ совсѣмъ не допускается.

Примѣчаніе I. Испытанія по чтенію и пѣнію должны производиться въ началѣ экзаменовъ, и если по одному изъ этихъ предметовъ будетъ получена неудовлетворительная отмѣтка, то экзамены отлагаются на годъ.

Примѣчаніе II. Лица, подвергающіяся сокращенному испытанію, не пользуются правомъ переэкзаменовокъ, но должны держать вторично полное испытаніе по назначеннымъ для сокращеннаго испытанія предметамъ.

§ 12. Послѣ испытаній составляется о каждомъ подвергнутомъ экзамену отдѣльный протоколъ, въ которомъ означается составъ комиссіи, перечисляются документы, представленные въ комиссію, указываются предметы, по которымъ производился экзаменъ, съ обозначеніемъ вопросовъ, которые предлагались по каждому предмету, и балловъ, какими комиссія обозначала познанія экзаменовавшагося, и наконецъ — заключеніе комиссіи о результатѣ испытаній. Протоколъ со всѣми документами представляется предсѣдателемъ комиссіи Епархіальному или Викарному Преосвященному.

§ 13. Документы и протоколы объ испытаніи лицъ, не выдержавшихъ экзамена, но имѣющихъ право на переэкзаменовку или желающихъ воспользоваться этимъ правомъ, остаются у предсѣдателя комиссіи до переэкзаменовки, о результатѣ которой дѣлается въ протоколъ дополнительная надпись, а потомъ протоколъ съ документами препровождается, согласно § 12, Епархіальному или Викарному Преосвященному.

§ 14. Комиссія ведетъ хронологическій и алфавитный реестръ лицамъ, державшимъ испытанія съ отмѣткою о результатѣ этихъ испытаній.

П Р О Г Р А М М Ы

для производства испытаній лицамъ, желающимъ получить должность псаломщика, санъ діакона или священника въ Харьковской епархіи, но по своему образовательному цензу не имѣющихъ правъ для этого.

Г. Для лицъ, ищущихъ должности псаломщика.

По Закону Божию.

а) Знаніе наизусть съ объясненіемъ общеупотребительныхъ молитвъ и пѣснопѣній православной церкви, а именно: молитвы Господней, Св. Духу, утренней и вечерней, предъ обѣдомъ и послѣ обѣда, за Царя; тропарей воскресныхъ, двенадесятыхъ и мѣсячныхъ праздниковъ, пѣснопѣній литургій, пасхальныхъ часовъ и символа вѣры.

б) Священная исторія Ветхаго и Новаго Завѣта въ объемѣ программы для двухклассныхъ церковно-приходскихъ школъ.

в) Краткій катихизисъ съ болѣе подробнымъ знаніемъ ученія о совершеніи нашего спасенія Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ (3 и 4 члены Символа вѣры), ученія о церкви (9 членъ Символа вѣры), таинствахъ (членъ 10), воскресеніи мертвыхъ и жизни будущаго вѣка (членъ 11 и 12) и объ истинности иконопочитанія въ Православной Церкви (2 заповѣдь Закона Божія).

г) По церковному уставу—въ объемѣ учебника по изъясненію Богослуженія Николаевскаго, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на практическое знакомство съ Богослужбными книгами, съ порядкомъ службъ всодневныхъ, съ степенями праздниковъ годового круга и круга подвижныхъ дней, а также съ отличительными чертами службъ Великопостныхъ.

По русскому языку.

Знаніе этого предмета въ объемѣ программы для одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ. Умѣніе четко и безъ грубыхъ грамматическихъ ошибокъ писать, каковое умѣнье давало бы возможность правильно вести церковные документы.

По церковно-славянскому языку.

Умѣніе четко, бѣгло и правильно читать богослужбныя книги. Знаніе этого предмета въ объемѣ программы для одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ.

По ариѳметикѣ.

Знаніе этого предмета въ объемѣ программы одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ.

По церковному пѣнію.

Изъ всеобщаго бдѣнія „Благослови душе моя Господа“, „Блаженъ мужъ“, „Господи возвахъ“ обычнаго распѣва на 8 гласовъ, съ чотырьмя главными запѣвами: Изведи изъ темницы душу мою... Изъ глубины возвахъ къ Тебѣ Господи... Аще беззаконія назрѣши Господи... Отъ стражи утренія до ноці... На „и ѡнь“ воскресныя богородичныя догматики на 8 гласовъ знаменнаго напѣва по квадратнымъ погамъ церковнаго обихода. „Свѣте тихій“. „Богородице Дѣво“. На „Богъ Господь“ тропари воскресныя 8 гласовъ и на всѣ двенадцатые праздники. „Хвалите имя Господне“. Величанія на всѣ случаи, не исключая и общаго Богородицѣ: „Достойно есть величати Ти“. Воскресныя irmosы 8 гласовъ. Ирмосы Богородичныя „Отверзу уста моя“, на Св. Пасху и, по возможности, на двенадцатые праздники. „Величатъ душа моя Господа“. Великое славословіе. „Взбранной воеводѣ“. Изъ литургія: „Единородный Сыне“. Прокимныя продъ апостоломъ 8 гласовъ. Херувимская пѣснь „Да молчатъ всякая плоть челоувѣка“ (въ Великую Субботу); „Вечери Твоѣ тайныя“ (въ Великій Четвертокъ). „Милость мира“ обычнаго напѣва и на литургіи Василія Великаго (последнее по квадратнымъ погамъ изъ церковнаго обихода). Задостойники, положенныя на различные праздники, съ ихъ запѣвами. Пѣнопѣнія Великопостныя: „Да исправится молитва моя“. „Чертогъ твой“. „Со земли грядеть въ полунощи“. „Где славиши ученицы“. „Благообразный Іосифъ“. Пѣніе случайныхъ службъ — молебновъ съ припѣвами. „Тебѣ Бога хвалимъ“ (на мотивъ воскреснаго тропаря 3 гласъ). Панихиды. Отпѣваніе: „Благословенъ еси Господи“... „Святыхъ ликъ обрѣте источникъ жизни“... „Со духи праведныхъ скончавшихся“. „Со святыми упокой“. „Вѣчная память“.

Примѣчаніе. 1) Пѣнопѣнія, не обозначающія какого распѣва, поются обычнымъ напѣвомъ, придворнымъ. 2) Невзмѣняемая пѣнопѣнія слѣдуетъ умѣть пѣть наизусть, напр., запѣвы на Господи возвахъ, тропари на 8 гласовъ, на Богъ Господь и двенадцатыхъ праздниковъ, Свѣте тихій, Богородице Дѣво, Взбранной воеводѣ, Хвалите имя Господне, Великое славословіе, Херувимскую пѣснь, Вѣрую, Отче нашъ, Да исполнятся уста наши. Вилѣломъ свѣтъ истинный; остальные же по книгамъ.

Знакомство съ осмоглаголемъ (Господи возвахъ, Богъ Господь, ирмосы и литургійныя прокимны) по обиходамъ, указаннымъ по церковному пѣнію для церковно-приходскихъ школъ (Синодальнаго изданія или же, для желающихъ, по Московскому обиходу).

2. Для лицъ, ищущихъ сана діакона.

Лица, ищущія сана діакона, должны предварительно получать званіе учителя церковно-приходской школы. Затѣмъ они подвергаются испытанію къ комиссіи по церковно-славянскому чтенію и пѣнію, по церковному уставу, въ объемъ программъ для духовныхъ училищъ, при чемъ обращается особенное вниманіе на практическое знакомство съ Типикономъ и богослужебными книгами. Кромѣ того отъ нихъ требуется: а) свѣдѣнія о мѣстномъ расколѣ и сектанствѣ (Вопросы: происхожденіе раскола, раздѣленіе его на толки—поповцевъ и беспоповцевъ, и отличительныя черты каждаго толка; происхожденіе и существенныя черты ученія штундистовъ, хлыстовъ, пашковцевъ, толстовцевъ и молоканъ). Пособіемъ при изученіи раскола и сектъ можетъ служить книга Булгакова: „Настольная книга для священно-церковно-служителей“.

б) Умѣніе сознательно и выразительно читать поученія по книгѣ.

в) Практическое знакомство съ обязаностями діакона по уборкѣ алтаря, умѣніе вести церковные документы: метрическія книги, приходо-расходныя вѣдомости и исповѣдныя росписи.

Лица же, хотя получившія званіе учителя церковно-приходской школы, но затѣмъ въ теченіе двухъ лѣтъ не занимавшія должности учителя церковной школы или псаломщика, подвергаются повѣрочному испытанію по предметамъ Закона Божія.

3. Для діаконствъ, ищущихъ сана священника.

По священному Писанію Новаго Завѣта, по Догматическому Богословію и Практическому руководству для пастырей требуются знанія въ объемъ программъ для духовныхъ семинарій. По Священному Писанію Ветхаго Завѣта знаніе содержанія и объясненія слѣдующихъ Мессіанскихъ мѣстъ:

Изъ книги Бытія: 3, 15; 12, 1—3; 14; 17; 22; 28, 12—19; 49, 8—12.

Изъ книги Исходъ: 12; 14.

Изъ книги Числа: 21, 5—9; 24, 16—19.

Изъ книги Второзаконія: 18, 15—20.

Изъ книги Судей: 6, 36—40.

Псалмы: 2; 8; 21; 39 (7—9); 44; 68 (5, 10, 22 и д.); 71; 109.

Примѣчаніе. При изложеніи этого отдѣла требуется основательное практическое знакомство со всѣми Богоолаужбными книгами, и въ особенности съ Типикономъ.

О Богослуженіи повседневноиъ: Вечернее Богослуженіе, послѣдованіе девятаго часа, вечерни и повечерія. (§ 3—7).

Объ утреннемъ Богослуженіи. Послѣдованіе полунощницы, утрени и часовъ перваго, третьяго и шестаго. (§§ 9, 10, 12, 13).

Понятіе о литургіи. Дѣйствія приготовительныя предъ совершеніемъ литургіи. Понятіе о проскомидіи. Приготовление Св. Агнца. Назначеніе прочахъ четырехъ просфоръ. Заключительныя дѣйствія проскомидіи. Понятіе о литургіи оглашенныхъ, содержаніе ея. Литургія вѣрныхъ и главныя части ея. Послѣдованіе литургіи вѣрныхъ (§§ 14—17—13).

Особенности Литургіи св. Василія Великаго. Литургія Преждеосвященныхъ Даровъ. (§ 76).

О воскресномъ Богослуженіи. Вечерня, утренняя и литургія въ день воскресный. (§ 37).

Богослуженіе въ великіе праздники (§§ 43—46).

Особенности въ двенадцатые праздники Господскіе и Богородичныя (§§ 48—57, 60, 61).

Богослуженіе въ недѣли подготовительныя въ Великому Посту. (§§ 68).

Богослуженіе въ Великій Постъ и Страстную Седмицу (§ 73—68).

О пасхальноиъ Богослуженіи. (§ 59).

О таинствахъ. Таинство крещенія. Оглашенія при крещеніи. Послѣдованіе св. крещенія (§ 89—92).

Миропомазаніе. Совершеніе миропомазанія. Начало таинства миропомазанія и образъ совершенія его въ древности. (§ 94—95).

О таинствѣ покаянія и зпатымійхъ (§ 99—100).

Послѣдованіе причащенія больныхъ (§ 104).

Производство въ церковно-служительскія должности. Рукоположеніе во діакона и священника (§ 107—109).

О таинствѣ брака. Предварительныя дѣйствія предъ совершеніемъ брака. Послѣдованіе обученія и вѣчанія. Послѣдованіе о двообрачныхъ (§§ 11—112).

Елеосвященіе. Число совершителей таинства. Послѣдованіе таинства. (§ 114—115).

О молебныхъ пѣніяхъ. (§ 118).

Чинъ освященія храмовъ. (§ 123—125).

Водоосвященіе малое и великое (§§ 128—129).

Погребеніе усопшихъ мірянъ, монаховъ, священниковъ и младенцевъ. Чинъ погребенія на Пасху (§ 135).

Поминовение усопшихъ. Литія и панихида (§ 139).

Предсѣдатель Комиссіи *Евгеній, Епископъ Сумскій.*

Резолюція Его Высокопреосвященства послѣдовала таковая: 1) на программахъ, 2) на правилахъ и 3) на программѣ 1908. Апрѣля 5. Утверждается. *А. Арсеній.*

ТОРЖЕСТВО ВЪ РЯСНЯНСКОМЪ МОНАСТЫРѢ.

Въ Ряснянскомъ Свято-Димитріевскомъ монастырѣ, Харьковской епархіи, находятся двѣ гробницы съ частицами мощей святыхъ угодниковъ Божіихъ, принесенныя въ даръ монастырю пребывающимъ нынѣ на покой Іеросхимонахомъ Товіею. Въ настоящее время гробницы съ частицами святыхъ мощей поставлены въ соборномъ храмѣ монастыря, для всеобщаго благоговѣйнаго поклоненія. Определеніемъ Харьковского Епархіальнаго Начальства отъ 9/15 октября 1907 года, монастырю разрѣшено ежегодное торжественное чествованіе частицъ мощей святыхъ угодниковъ Божіихъ. Чествованія назначены въ слѣдующіе дни: въ понедѣльникъ по недѣли Всѣхъ Святыхъ и 13 сентября. Начало торжественнаго чествованія будетъ положено въ текущемъ 1908 году, а потому желающихъ принять участіе въ торжествѣ настоятель и братія монастыря, покорнѣйше просятъ пожаловать въ монастырь въ назначенные для торжествъ дни.

Настоятель Изуменъ Тихонъ, съ Братіею.

ОТЪ ЭКЗАМЕНАЦІОННОЙ КОММИССІИ ПРИ ХАРЬКОВСКОМЪ ДУХОВНОМЪ УЧИЛИЩѢ.

По распоряженію Его Высокопреосвященства, Экзаменаціонная Коммиссія при Харьковскомъ Духовномъ Училищѣ объявляетъ, что экзамены на права полученія сана діакона и должности псаломщика имѣютъ производиться ею въ слѣдующіе три срока: съ 10 мая по 10 іюня, съ 1 по 30 сентября и съ 10 января по 1 февраля, причемъ объявленные въ № 24 Извѣстій по Харьковской епархіи за 1907 г. сроки отмѣняются.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

1. Обь опредѣленіи на священно-церковно-служительскія мѣста.

а) Заштатный діакомъ Георгій *Петровъ* опредѣленъ 3 апрѣля на псаломщическое мѣсто при церкви слоб. Козники, Волчанскаго уѣзда.

2. О перемѣщеніи священно-церковно-служителей на другія мѣста.

а) И. д. псаломщика Вознесенской церкви слободы Ново Ольшаной, Купянскаго уѣзда, Діодисій *Аксениковъ* в псаломщикъ Крестовоздвиженской церкви села Нового, Валковскаго уѣзда, Осодоръ *Николаевскій* перемѣщены 25 апрѣля одинъ на мѣсто другаго.

3. О смерти среди духовенства.

а) Священникъ Троицкой церкви, слоб. Охочей, Зміевскаго уѣзда, Василій Степурскій умеръ 21 апрѣля.

4. Обь утвержденіи въ должности церковныхъ старостъ.

а) Къ Николаевской церкви, слоб. Николаевки I-й Волчанскаго уѣзда, утвержденъ 2 апрѣля старостою почетный гражданинъ Василій *Козаковъ*.

б) Къ Николаевской церкви слободы Мѣловой, Зміевскаго уѣзда, утвержденъ 4 апрѣля старостою крестьянинъ Трофимъ *Катышинъ*.

в) Къ Троицкой церкви, села Припяба, Зміевскаго уѣзда, утвержденъ 4 апрѣля старостою крестьянинъ Ромапъ *Трегубовъ*.

г) Къ Рождество-Богородичной церкви, слоб. Мартовой, Волчанскаго уѣзда, утвержденъ 4 апрѣля старостою крестьянинъ Сергѣй *Моргуно*.

д) Къ Введенской церкви, села Артемовки, Харьковскаго уѣзда, утвержденъ 4 апрѣля старостою крестьянинъ Константинъ *Пугачъ*.

е) Къ Соборной Покровской церкви, города Купянска, утвержденъ 5 апрѣля старостою купецъ Георгій *Конюховъ*.

ж) Къ Троицкой церкви, слободы Качаловки, Богодуховскаго уѣзда, утвержденъ 11 апрѣля старостою крестьянинъ Александръ *Солонецкій*.

з) Къ Константино-Еленинской церкви, слоб. Караячтой, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ 19 апрѣля старостою крестьянинъ Феофанъ *Транухинъ*.

і) Къ Рождество-Богородичной церкви, слободы Михайликовки, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ 24 апрѣля старостою крестьянинъ Семень *Савельевъ*.

5. Объ утвержденіи и увольненіи должностныхъ лицъ.

а) Священникъ Покровской церкви, слоб. Алены, Лебединскаго уѣзда Николай *Грековъ* назначенъ 27 марта духовникомъ 1 округа того же уѣзда, вмѣсто состоявшаго въ сей должности священника Петра *Важина*.

б) Священникъ Рождество-Богородичной церкви, города Сумъ Платонъ *Осоринскій* назначенъ 27 марта духовникомъ 1 округа того же уѣзда, вмѣсто состоявшаго въ сей должности заштатнаго протоіерея Николая *Фесенкова*.

в) Священникъ церкви слоб. Голубовки, Лебединскаго уѣзда, Іосифъ *Крохатскій* утвержденъ 27 марта духовникомъ 3 округа того же уѣзда

г) Священникъ Мирносицкой церкви, города Волчанска, Василій *Настѣкинъ* назначенъ 1 апрѣля депутатомъ 1 округа того же уѣзда, вмѣсто состоявшаго въ сей должности священника Іоанна *Яковлева*.

д) Монахиня Богодуховскаго Троицкаго женскаго монастыря *Викторія* назначена 1 апрѣля на должность благочинной монастыря, вмѣсто освобожденной отъ сей должности монахини *Теодилы*.

е) Священникъ Богодуховской Троицкой церкви Евгенийъ *Пономаревъ* назначенъ въ составъ членовъ Богодуховскаго Уѣзднаго Училищнаго Совѣта.

8. Вакантныя мѣста.

а) Священническія.

При Покровской церкви, слободы Минковки, Валковскаго уѣзда.

— Митрофаніевской церкви слободы Демьяновки, Старобѣльскаго уѣзда.

— Іоанно-Предтечевской церкви слоб. Рябушкѣ, Лебединскаго уѣзда.

— Троицкой церкви слоб. Охочей, Зміевскаго уѣзда.

б) Цсаломщичкія:

При Вознесенской церкви, села Лизина, Старобѣльскаго уѣзда.

При Троицкой церкви, села Протопоповки, Харьковскаго уѣзда.

II.

Содержаніе. II. Современный малороссійскій приходъ.—*Священника К. Пантелеимонова*.—Темный воирость. (Библиографическая замѣтка). *Н. К.*—Миссіонерскій листокъ. Периодическая сектантская печать. *Помощника Харьковскаго Епархіальнаго Миссіонера Священника Василія Черкесова*.—Епархіальная хроника.—Архіерейскія богослуженія.—Памяти незабвеннаго товарища—сослуживца Петра Алексѣевича Горанскаго, къ годовщинѣ его кончины (Продолженіе).—Иноепархіальный отдѣлъ.—Исполнительная коммиссія уѣздныхъ пастырскихъ собраній Малоархангельскаго уѣзда, Орловской епархіи.—Вразумительная архипастырская резолюція.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Высочайшая кара.—Православный приходъ.—Въ учебныхъ заведеніяхъ.—Образецъ походной церкви.—Объявленія.

СОВРЕМЕННЫЙ МАЛОРОССИЙСКИЙ ПРИХОДЪ.

(По поводу 300 лѣтней годовщины со дня смерти князя Острожскаго.
† 13-го февраля 1608 года).

Благовѣрный князь Константинъ Острожскій, трехсотлѣтняя память котораго недавно воспоминалась въ малороссійскихъ церквахъ, въ свое время былъ ревнителемъ вѣры православной и защитникомъ народности своихъ соотечественниковъ. И свѣтлый образъ князя навсегда остался въ благодарной памяти народа. Народъ воодушевлялся его энергіею и видѣлъ въ лицѣ его идеаль культурно-общественной жизни. Малоросы всегда были преданы православной Церкви.

Сравнительно не такъ еще давно,—пять шесть лѣтъ тому назадъ, и наша церковно-приходская жизнь среди потомковъ той же народности текла тихимъ ручьемъ по пробитому вѣковымъ опытомъ и усиленнымъ трудомъ определенному руслу. Какъ въ лѣтній зной утомленный путникъ, томимый жаждой, съ высохшимъ ртомъ спѣшитъ къ живительному ручью, такъ православный народъ стремился къ церкви Христовой: тутъ онъ черпалъ живой воды, которой укрѣплялся въ житейской борьбѣ; Евангельскимъ ученіемъ церковь Христова—какъ любящая мать—воспитывала своихъ дѣтей въ любви къ Богу, въ любви къ ближнему и въ любви къ своей дорогой родинѣ. Спѣшу оговориться, что я буду говорить о сравнительно небольшомъ уголкѣ нашей Епархіи, хорошо мнѣ извѣстномъ.

Конечно, дефекты приходской жизни наблюдались и раньше, но это были какъ исключенія. Уклоненія въ жизни отъ евангельскаго ученія народъ признавалъ—какъ грѣхъ, глубоко скорбѣлъ о нихъ, чѣмъ подавалъ надежду и увѣренность на

его исправленіе, на его стремленіе къ нравственному совершенствованію.

Но вотъ надъ нашей родиной со страшной всесокрушающей силой пронесся ураганъ „освободительнаго движенія“, уничтожая и сокрушая на своемъ пути не только то, что было, дѣйствительно ветхо и гнило, но и то, что было цѣнно и дорого, что создавалось вѣковымъ усиленнымъ трудомъ. То время представляется намъ, какъ тяжелый—нездоровый сонъ, какъ время нравственной болѣзни—близкой къ нравственному умопомѣшательству.

Говорятъ, гроза и буря очищаютъ воздухъ, а буря „освободительнаго движенія“ заразила жизнь такими нравственными недугами, послѣдствія которыхъ, вѣроятно, мы еще долго будемъ на себѣ испытывать. Каковы послѣдствія въ приходской жизни „пресловутаго освободительнаго движенія“ мы объ этомъ говорить не будемъ, много объ этомъ горькихъ истинъ высказано, достаточно объ этомъ писалось и пишуть. Позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ о религіозно-нравственной жизни приходовъ въ настоящій моментъ. Въ теченіе многихъ вѣковъ русскій народъ росъ и мужалъ исключительно въ „наказаніи и ученіи Господнемъ“: свѣтскаго обученія у насъ, какъ извѣстно, до Петра Великаго не было. Подъ вліяніемъ такого обученія въ нашемъ русскомъ народѣ образовался складъ основныхъ понятій, нравовъ и обычаевъ, общенародныхъ привязанностей и стремленій, которыя лежатъ въ основѣ приходской жизни. Наружно приходская жизнь какъ-бы и теперь идетъ по вѣрной дорогѣ, освященной ученіемъ Св. Церкви и вѣковымъ обычаемъ. Но, всмотрѣвшись ближе, мы видимъ грозные признаки зарождающейся духовной болѣзни приходской жизни. Событія послѣднихъ годовъ влили въ народную душу ядъ сомнѣнія въ правдивости того, чѣмъ онъ жилъ и питался духовно; поколебали въ народѣ довѣрія къ своимъ руководителямъ...

И съ внѣшней стороны грозныя тучи надвигаются надъ церковно-приходскою жизнью. Въ миссіонерскомъ листкѣ бывшій нашъ миссіонеръ, г. Айвазовъ говоритъ: „пользуясь вѣроисповѣдною свободою и общею сумятицею, а такъ-же сравнительно безоружностью православной церкви и разстройствомъ во многихъ приходахъ церковной жизни, штундисты съ успѣхомъ расхи-

щаютъ православное стадо“ (см. „Вѣра и Разумъ“ Января кн. 2-я). Какъ видно изъ того-же отчета, сектанты раскинули сѣти и окружили плотнымъ кольцомъ и тѣ приходы, гдѣ ранѣе—годъ-два тому назадъ о нихъ (сектантахъ) ничего не было и слышно. Не менѣе опаснымъ врагомъ православной церкви являются иногда и тѣ, которые оффициально числятся православными христіанами. За немногими исключеніями деревенская полуинтеллигенція: учителя, фельдшера, писаря, іудей-доктора въ послѣдніе годы попутно съ политиканствомъ занимаются и вопросами церковно-приходской жизни. Сколько подобными недоучками изливается грязи, клеветы на духовенство, съ какимъ ожесточеніемъ критикуются устои церковно-приходской жизни.. Не забывайте, что подобныя словесныя залпы сыпятся въ темную довѣрчивую среду, которая нерѣдко не можетъ разобратся въ томъ, гдѣ ложь, гдѣ—правда.

Каковы же ближайшія задачи духовенства, какія предъявляются къ нему требованія современными событіями нашей приходской жизни? Г. Айвазовъ справедливо замѣчаетъ: „пользуясь беззоружностью православной церкви и разстройствомъ во многихъ приходахъ церковной жизни, сектанты расхищаютъ православное стадо“. Не виновно-ли во многомъ тутъ и само духовенство? Не будемъ растревлять старыя раны, да тутъ словами уже и не поможешь. Мы хотѣли сказать о тѣхъ средствахъ, какими духовенство располагаетъ въ борьбѣ съ ненормальностями приходской жизни. Авторъ психологіи народовъ и массъ г. Лебонъ говоритъ: „только въ головѣ темныхъ массъ и въ узкой мысли нѣкоторыхъ фанатиковъ способна еще держаться идея, что важныя общественныя перемѣны могутъ совершаться путемъ декретовъ. Не учрежденіями измѣняются характеръ и мысль людей. Вѣрить, что формы правленія имѣютъ опредѣляющее значеніе въ судьбѣ народа,—значить предаваться дѣтскимъ мечтамъ. Народъ не можетъ избавиться отъ того, что вытекаетъ изъ его душевнаго склада. Только въ немъ самомъ находится его судьба, но не во внѣшнихъ обстоятельствахъ“. Слѣдовательно, только сердце человѣка есть источникъ всей его дѣятельности, только нравственно-совершенные люди могутъ создавать совершенную форму общественнаго быта.

Если же религія служитъ прочнымъ основаніемъ доброй

нравственности, если вѣра Христова была доселѣ душою Россіи, ея твердымъ „стояніемъ“ —устоемъ, если для всѣхъ насъ вѣра—и свѣточъ, и якорь и щитъ, то посему не представляется ли намъ настоятельно необходимымъ обратить особое вниманіе на религіозно-нравственное воспитаніе дѣтей—этихъ будущихъ членовъ царства Христова на небѣ и на землѣ, будущихъ представителей силы и могущества семьи, рода и націй. Великій вселенскій учитель св. Іоаннъ Златоустъ объ этомъ говоритъ слѣдующее: „все у насъ должно бытъ второстепеннымъ въ сравненіи съ заботой о дѣтяхъ и съ тѣмъ, чтобы воспитывать ихъ по завѣту блаженнаго Павла—въ наказаніи и ученіи Господнемъ“. И такъ, религіозно-нравственное воспитаніе дѣтей, по нашему мнѣнію,—первая неотложная забота пастыря въ приходѣ. На помощь пастырю въ этомъ дѣлѣ является церковная школа, вполне доступная для благихъ христіанскихъ начинаній. Откройте доступъ для пастыря и въ школу свѣтскую. Какое тутъ широкое поле дѣятельности и какая благодарная почва! Здѣсь вы имѣете дѣло съ дѣтскою душою чистою и мягкою какъ воскъ. Для религіозно-нравственнаго воздѣйствія на дѣтскую душу не нужны вамъ программы, инструкціи,—здѣсь нужна любовь къ своимъ духовнымъ чадамъ, нужно сознаніе громадной отвѣтственности пастыря предъ Богомъ и людьми за своихъ пасомыхъ. Вѣра и любовь тотъ фундаментъ, на которомъ строится зданіе доброй нравственной жизни: научите же дитя такой вѣрѣ и любви. Раскройте передъ нимъ величіе и милосердіе Божіе въ природѣ. Восходитъ солнце, освѣщаетъ и согрѣваетъ Божіе созданіе, животворитъ теплыми лучами растеніе—здѣсь милосердіе Божіе къ своему творенію. Заходитъ солнце, наступаетъ успокаивающая почъ, природа какъ-бы отдыхаетъ—и тутъ мудрость и милосердіе Творца. Ниспосылаетъ намъ Господь радость, довольство или же и несчастіе и бѣды—и тутъ мы должны указать дѣтямъ любовь Божію: счастье бодритъ человѣка, несчастіе укрѣпляетъ его въ борьбѣ съ житейскими невзгодами.

Приучайте дѣтей къ храму Божію, какъ мѣсту величайшей святыни—гдѣ приносится безкровная жертва. Пусть дѣти не только сознательно участвуютъ въ совершеніи службъ церков-

ныхъ, но и принимаютъ непосредственное участіе въ Бого-служеніи чтеніемъ и пѣніемъ. Въ посты для дѣтей;—во время говѣнія,—должны быть назначены особые дни, въ которые надлежитъ имъ выяснитъ сущность говѣнія и исповѣди и подготовить ихъ ко св. таинству Причащенія...

Для дѣтей не обучающихся въ школахъ должны быть устраиваемы собесѣдованія, насколько, конечно, позволяютъ мѣстные условія. На такихъ собесѣдованіяхъ обучать дѣтей молитвамъ, выяснять имъ истины христіанскаго ученія. Вѣдь не рѣдкость, что женихъ съ невѣстой, являясь предъ вѣнцомъ къ священнику, не знаютъ ни одной заповѣди, правильно не прочитаютъ ни одной молитвы. О знаніи основныхъ истинъ христіанскаго ученія тутъ не можетъ быть и рѣчи. Можетъ ли быть тутъ вѣра сознательная! такія лица—ненадежныя чада церкви, таковыхъ скорѣе всего враги св. Церкви похищаютъ изъ православнаго стада.

Скажутъ, быть можетъ, что все это не ново, иля, можетъ быть, и есть. Но мы скажемъ, гдѣ же результаты и самихъ дѣлъ? Отчего же въ средѣ прихожанъ наблюдается очень нерѣдко такое религіозное невѣжество, нравственная неустойчивость; откуда расшатанность приходской жизни. Нельзя же все это объяснить исключительно внѣшними неблагоприятными обстоятельствами, несовершенствомъ приходскаго строя. Нѣтъ: есть тутъ и внутреннія причины, которыя не зависятъ отъ тѣхъ или другихъ положеній и узаконеній.

Скажутъ, быть можетъ, и то, что духовенство обременено многими неотложными дѣлами: пастырь руководитель прихода, хозяинъ по церкви и школахъ. На его обязанности законоучительство; довольно обильная канцелярщина, наконецъ, священникъ отецъ семьи и воспитатель дѣтей. Все это правда. Но и на дѣятельность пастыря: въ переживаемое нами время нужно смотрѣть какъ на подвигъ тяжелый, за который Одинъ Господь воздастъ по заслугамъ. Далѣе, трудно всякое дѣло въ началѣ,—пока наладится; а затѣмъ и въ средѣ причтовъ и прихожанъ немало найдется помощниковъ пастырю въ добромъ дѣлѣ. Если тяжелъ удѣлъ пастырства, то какова же нравственная пытка смотрѣть на то, какъ уходятъ отъ насъ

наши духовныя чада,—члены церкви Христовой, а гдѣ же и когда этому конецъ?

Въ заключеніе скажемъ, что церковная школа сильнѣйшій факторъ въ дѣлѣ воспитанія дѣтей въ приходѣ. Лишить приходъ церковной школы—значить отнять главное оружіе изъ рукъ духовенства—обезкрылить его. Не потому ли и католическое духовенство такъ упорно настойчиво силится удержать въ своихъ рукахъ дѣло школьнаго воспитанія? Потому то и враги церкви такъ вопіютъ объ отобраніи школьнаго дѣла изъ рукъ духовенства: они прекрасно сознаютъ, что церковь и школа взаимно помогаютъ другъ—другу, даютъ округленность религіозно-нравственному воспитанію прихода. И среди духовенства раздается не мало упрековъ по адресу церковной школы. Не будемъ мы подробно останавливаться на тѣхъ недочетахъ, которые указываютъ, остановимся на одномъ пунктѣ: важный тормазъ церковно-школьнаго дѣла находятъ въ матеріальной ея необезпеченности. Намъ, кажется, что это основаніе не главное; рядомъ съ церковной школой мы видимъ и школы земскія; неужели послѣднія въ матеріальномъ отношеніи поставлены такъ уже завидно. Не мало дефектовъ найдется и въ земской школѣ: учебно-воспитательное дѣло, хозяйственное, гигиеническое требованія въ нихъ оставляютъ желать много лучшаго. Матеріальная необезпеченность въ данное время удѣлъ не одной церковной школы

Другимъ важнымъ факторомъ въ дѣлѣ созиданія нормальной приходской жизни въ наши дни, намъ кажется, нужно признать печатное слово. Событія послѣднихъ годовъ: Русско-Японская война, созывъ Государственной думы, острый въ крестьянствѣ земельный вопросъ возбудили въ народѣ громадный интересъ къ печатному слову. Въ не такъ давнее прошлое время спросъ былъ среди крестьянъ, да и то въ незначительной степени, на книги религіозно нравственнаго содержанія: читались главнымъ образомъ житія святыхъ. Въ послѣднее время наблюдается большой интересъ къ такому печатному слову, которое бы освѣщало и выдвинутые жизнью современные вопросы по общегосударственному устройству.

Крайнія (лѣвыя) партіи, поставившія своей задачей революціонизировать нашъ простой народъ, прекрасно поняли

значеніе печатнаго слова для воздѣйствія на народъ: тѣмъ болѣе, что послѣдній, воспитанный на книгахъ религіозно нравственнаго содержанія, глубоко вѣритъ и уважаетъ всякое печатное слово. И нужно, сознаться, что многія изъ прокламацій и брошюръ, распространяемыхъ въ народѣ крайними партіями, написаны просто, доступно, а подчасъ и увлекательно; отъ мало-грамотнаго чтеца они не требуютъ сильнаго умственнаго напряженія, къ чему онъ и не привыкъ и не отнимаютъ при краткости и доступности въ изложеніи много времени, котораго за работой у народа остается свободнымъ очень немного. Впечатлѣніе на народъ чтеніе упомянутыхъ листовъ и брошюръ производитъ громадное. Кажется, мы не ошибемся, если скажемъ, что дѣло изданія народной литературы революціонными комитетами поставлено очень широко. Мнимые друзья народа за время „пресловутаго освободительнаго движенія“ наводнили русскій непросвѣщенный народъ миліонами всякаго рода воззваній и прокламацій. Революціонные листки, какъ мы сказали, написаны не только доступнымъ и понятнымъ языкомъ, но къ тому же нерѣдко подтверждаются ссылками на слово Божіе и приправлены лицемѣрною скорбью и сожалѣніемъ объ угнетеніи простого народа.

Борьба съ крамольной литературой, какъ врагомъ тайнымъ сильнымъ, не брезгающимъ никакими средствами въ достиженіи намѣченной цѣли, для пастыря очень затруднительна. Тутъ возможна борьба только тѣмъ-же оружіемъ—народной литературой: нужны умѣло подобранныя и широко поставленныя церковно-приходскія бібліотеки, въ которыхъ бы были книги не только религіозно-нравственнаго содержанія, но и листы и брошюры, которые бы отвѣчали народу на современные вопросы, которые бы освѣщали ихъ съ православно-христіанской точки зрѣнія. При бібліотекахъ должны быть читальни. Организовать бібліотеки и читальни, подобрать книги и газеты дѣло приходскаго пастыря и дѣло не легкое. Позволимъ себѣ сказать, что изданіе чтенія для народа въ духѣ православно-христіанскомъ оставляетъ желать многаго. Книжки и листы, изданные для народа, доступные его пониманію, освѣщаютъ современные вопросы или же слишкомъ односторонне, или же отвѣчаютъ на злободневныя темы поздно, ког-

да уже интересъ къ нимъ утерянъ. Сравнительнымъ вниманіемъ народа, какъ мнѣ кажется, пользуются изданія священника П. А. Миртова: „Отдыхъ Христіанина“, „Воскресный Благовѣсть“ и особенно „Трезвая Жизнь“, затѣмъ „Русскій Паломникъ“—; изъ газетъ— „Русское чтеніе.“

Таковы мысли, возникшія у меня при воспоминаніи о ревнителѣ православія, благовѣрномъ князѣ Константинѣ Острожскомъ. Энергія его должна воодушевлять и всѣхъ нашихъ пастырей.

Великъ подвигъ пастырства въ данное время. Какія чаянія нынѣ духовенства и какъ оно отозвалось на современные событія, мы подѣлимся своими мыслями съ читателемъ въ недалекомъ будущемъ. Скажемъ только, что въ наши дни,—дни ожидаемого реформированія церковно-приходской жизни, въ виду предстоящихъ великихъ событій въ Русской Церкви, связанныхъ съ ожидаемымъ созывомъ Всероссийскаго Церковнаго собора, въ дѣлѣ оздоровленія церковно-приходской жизни, намъ кажется, многое зависитъ отъ энергіи и сплоченности духовенства.

Благовѣрный князь Константинъ Острожскій своею христіанскою жизнью, своею стойкостью въ православіи да послужить намъ примѣромъ живой преданности родной странѣ, народности и вѣрѣ.

Священникъ К. Пантелеимоновъ.

Т Е М Н Ы Й В О П Р О С Ъ .

(Библиографическая замѣтка).

Н. Оловьевъ. Къ вопросу о происхожденіи православно-русскаго церковнаго пѣнія. Богословскій Вѣстникъ. Сентябрь 1906 г.

Поистинѣ, „вопросъ о введеніи у насъ на Руси церковнаго пѣнія до сихъ поръ остается весьма темнымъ“¹⁾. „Но причина этого“ не только „въ скудости и неясности лѣтописныхъ сказаній“²⁾, а скорѣе въ отношеніи къ нимъ. Исслѣдователь судебъ русскаго ц. п., приступая къ изученію лѣтописей, содержащихъ упоминаніе о ц. п., долженъ прежде всего напомнить себѣ, что терминологія той или иной отрасли искусства вырабатывается лишь вѣками. И у людей, посвятившихъ себя искусству, у специалистовъ его, сплошь и рядомъ видимъ разногласія въ толко-

¹⁾ Богословскій Вѣстн. Сент. 1906 г., стр. 82.

²⁾ Ibid.

ваніи того или другого термина. Церковное же пѣніе — искусство въ высокой степени демократическое. Далекое не всякій возьмется судить, напр., объ архитектурѣ, живописи, скульптурѣ. Выказываться же о церковномъ пѣніи, судить о немъ, считать себя въ немъ — если не знатоками, то, по крайней мѣрѣ, людьми свѣдущими — находилось и находится немало охотниковъ. И судятъ часто вкривь и вкось, и изобрѣтаютъ свои опредѣленія, термины, содержаніе которыхъ извѣстно только имъ однимъ. Особенно часто такое явленіе. думается, можетъ наблюдаться тогда, когда и въ самомъ искусствѣ церковнаго пѣнія, и въ наукѣ его не установилась твердо своя терминологія. Среди лѣтописцевъ, на свидѣтельство которыхъ опираются, дѣлая тотъ или иной выводъ въ исторіи церковнаго пѣнія, врядъли было много исключеній. Оттого-то неясны и сбивчивы лѣтописи въ той части, гдѣ упоминается п. п. и гдѣ характеризуется оно. Напр., какое содержаніе скрыто въ свидѣтельствѣ Степенной книги, которое гласитъ, что отъ греческихъ пѣвцовъ, приглашенныхъ Ярославомъ Мудрымъ, „начать быти на Русской землѣ *интеллоподобное тѣніе, изрядное осмогласіе, наипаче-же и трисоставное сладкогласованіе* и самое *красное демественное тѣніе?*“ Что понималось подъ этимъ опредѣленіемъ въ эпоху, въ которую жилъ лѣтописецъ и что самъ онъ разумѣлъ подъ ними? Вопросы, отвѣтъ на которые можетъ быть данъ только послѣ тщательнаго и всесторонняго изученія эпохи и памятниковъ ея въ видѣ пѣвчихъ рукописей. Съ такой субъективностью лѣтописцевъ и ихъ опредѣленій должно считаться. И я счелъ необходимымъ предпослать это маленькое введеніе, чтобы напомнить читателю, какъ шатки выводы, основывающіеся на излишней довѣрчивости къ буквѣ лѣтописей, на недостаточно критическомъ отношеніи къ свидѣтельствамъ ихъ.

Перейдемъ теперь къ статьѣ г. Соловьева. Сперва нѣсколько словъ о его общемъ выводѣ. Онъ гласитъ: „наше первоначальное церковное пѣніе *не было* русскимъ изобрѣтеніемъ. Корень его въ Греціи, откуда оно перенесено къ намъ вмѣстѣ съ вѣрою и церковнымъ уставомъ. Но греческое пѣніе и его теорія подверглись у насъ сильному обрусѣнію. Музыкальная даровитость русскаго народа *тотчасъ-же* по принятіи христіанства стала проявляться въ созданіи своихъ *вполнѣ самостоятельныхъ* напѣвовъ и нотаций“¹⁾.

¹⁾ В. В. стр. 89. Курсивъ вездѣ нашъ. Н. К.

Не буду—пока—говорить о внутренней цѣнности этого вывода. Наше вниманіе останавливаетъ одно чисто внѣшнее недомѣніе. Именно, авторъ указываетъ на то, *тотчасъ-же* по принятіи христіанства стали появляться на Руси *вполнѣ самостоятельныя* напѣвы и нотации. Исторія культуры у всѣхъ народовъ не даетъ примѣровъ такой внезапной переработки чужого искусства. Японцы могли быстро, въ теченіи 30 лѣтъ, усвоить западно-европейскую технику, внести въ нее много нового. Въ сущности же, въ направленіи эта техника осталась западно-европейскою. Исторія знаетъ другіе примѣры быстрого (но все-же не внезапнаго) усвоенія чужихъ внѣшнихъ формъ. Но техника и формы—нѣчто внѣшнее, дѣло разума, сознанія. Они не затрагиваютъ глубинъ народнаго духа такъ, какъ это дѣлаетъ искусство, ибо область искусства—чувство, а „чувство—главная составная часть души ¹⁾. . . Такъ что *остовъ* нашего даже мыслительнаго сознанія состоитъ изъ чувствъ, и только *форма* составляетъ то, что мы отличаемъ, какъ мыслительность“ ²⁾. *Научить*—скорѣе и легче, чѣмъ *воспитать*. Поэтому усвоеніе чужихъ формъ и переработка ихъ на свой ладъ могутъ быть совершены чрезвычайно быстро, чего нельзя сказать про полное усвоеніе продуктовъ чужого искусства. Усвоить и переработать греческое иѣніе *тотчасъ-же* по принятіи христіанства (и—по автору—греческаго пѣнія) до такой степени, чтобы это усвоенное и переработанное появилось въ формѣ *вполнѣ самостоятельными* напѣвовъ и нотаций—очевидно нельзя. Одно изъ двухъ: либо греческое вліяніе началось задолго до принятія христіанства, либо оно не было такъ непосредственно и значительно, какъ думаетъ авторъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи я надѣюсь показать, что было и то, и другое.

Перейдемъ къ существу вывода г. Соловьева.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что выводъ этотъ нѣсколько несожиданъ. Указывая, что „корень русскаго п. п. въ Греціи“, г. Соловьевъ подкрѣпляетъ свои доказательства ссылками на лѣтописи и житія святыхъ. Въ нихъ-де ясно говорится, что не только въ X в., но принятіи христіанства, но и позднѣе, въ XI, XII и даже XIII вв. у насъ были и греческіе хоры, и учителя—греки, и что при совершеніи богослуженія у насъ даже пѣли по гречески. Все это по мнѣнію автора, подтверждаетъ его выводъ:

¹⁾ Г. Спенсеръ. Факты и мысли, стр. 29.

²⁾ Ibid., стр. 30. Курсивъ подлинника.

„корень нашего ц. п. въ Греціи“. Между тѣмъ авторъ не могъ не отмѣтить того чрезвычайно важнаго обстоятельства, что уже въ XI в. въ Россіи существовало „вполнѣ систематизированное русское церковно-пѣвческое искусство“ 1). Это обстоятельство, говоритъ дальше г. Соловьевъ, „заставляетъ искать начала нашего церковнаго пѣнія еще до крещенія Руси при св. Владимирѣ“ 2).

Выходитъ, что всѣ ссылки автора на лѣпотописныя сказанія говорятъ очень мало. Всѣ онѣ приведены для доказательства мысли, что безъ грековъ у насъ не было бы церковнаго пѣнія. А выходитъ, что во время наибольшей (по лѣтописи) дѣятельности учителей—грековъ на русскомъ клиросѣ (XII—XIII в.) у насъ уже существовало „вполнѣ систематизированное русское церковно-пѣвческое искусство“.

Авторъ очень слабо поясняетъ это противорѣчіе. Когда-то, говоритъ онъ, еще при Рюрикѣ русскіе христіане должны были принять и греческое пѣніе. Но „при слабой пѣвческой подготовкѣ русскіе пѣвцы того времени не могли, конечно, усвоить скоро греческихъ мелодій... и заимствованное у грековъ церковное пѣніе съ самыхъ первыхъ шаговъ его существованія на русской почвѣ стало подвергаться... постепенной (!) переработкѣ“ 3). Вотъ фактъ: русскіе *не могли*—по неподготовкѣ—усвоить во всей полнотѣ греческій расп. и *съ самыхъ первыхъ шаговъ* должны были взяться *за переработку* его. Можно-ли говорить здѣсь *о постепенной переработкѣ*? Вѣдь для того, чтобы переработать что-либо *постепенно*, нужно во 1) все время пока идетъ эта постепенная переработка пользоваться перерабатываемымъ, что, конечно, подразумеваетъ усвоеніе его, чего—по автору—не было; 2) для постепенной *переработки* перерабатываемое должно быть усвоено хорошо, чего тоже не было.

Очевидно, не одно греческое вліяніе создало у насъ ц. п., и „рѣшительность“, съ которою авторъ присоединяется „къ тѣмъ изслѣдователямъ, которые настаиваютъ на происхожденіи нашего ц. п. непосредственно изъ Византіи“ 4), не имѣетъ достаточныхъ основаній въ приводимыхъ имъ общихъ доказательствахъ.

Обратимся къ нѣкоторымъ подробностямъ, которыми, по мнѣнію г. Соловьева, подтверждается его выводъ. Однимъ изъ таковыхъ авторъ считаетъ „тождественность названій нѣкоторыхъ

1) Б. В. стр. 85.

2) Ibid.

3) Б. В., стр. 86.

4) Б. В., стр. 85.

изъ нашихъ знаменъ съ греческими (напр., параклитъ, кулизма, хамила, фотиза¹⁾), которая—де „указываетъ на греческое построение знаменной системы и на генетическую связь ея съ греческой нотацией“¹⁾.

Прежде всего спѣшимъ отмѣтить, что „изъ 86 древнѣйшихъ русскихъ знаменъ... тождественность названій нѣкоторыхъ нотъ (а не ихъ начертаній) сохранилась только въ 6 названіяхъ. Столь малая доля сходныхъ названій, при разныхъ начертаніяхъ этихъ знаковъ у насъ и у грековъ, при вполнѣ русскихъ остальныхъ 80 названій, конечно, указываетъ лишь на самую отдаленную связь греческой нотации съ нотациею русскою“²⁾.

Къ этому слѣдуетъ добавить, что нѣкоторыя „названія, напр., кулизма, хамила встрѣчаются въ наидревнѣйшемъ коптскомъ пѣвческомъ письмѣ, а начертанія наидревнѣйшія греческія въ нѣкоторыхъ случаяхъ сходны, напр., съ грузинскими, армянскими пѣвческими знаками“³⁾.

Не будемъ разбирать, поскольку слабое сходство нотаций можетъ говорить о близкомъ родствѣ системъ знаменной и греческой. Если даже говорить только о генетической связи знаменной и греческой нотации, то почему бы не упомянуть о латинскихъ невмахъ, о сирійской, коптской, арабской нотацияхъ? И тамъ могутъ найтись знаки, по начертанію схожія съ русскими знаменами. Не вѣрнѣй-ли было бы указать на еще болѣе широкую связь, связь со всей письменностью, принципъ которой не обозначеніе отдельныхъ звуковъ мелодіи или языка, а записаніемъ однимъ знакомъ цѣлыхъ комбинацій звуковъ, цѣлыхъ словъ? Вѣдь, греческая нотация не есть самостоятельное изобрѣтеніе грековъ; она „появилась въ III в. подъ вліяніемъ развившагося на Востокѣ искусства тахиграфіи—скорописи“⁴⁾. „Греція въ этомъ случаѣ... выражаетъ свою связь съ Востокомъ, свое заимствование отсюда... законовъ для искусства, подобно тому, какъ заимствовала съ того-же Востока другіе законы для своей жизни и искусства“⁵⁾.

А была-ли Греція единственнымъ культурнымъ пунктомъ съ которымъ Русь имѣла сношенія. Только-ли Греція могла вліять

¹⁾ Ibid., стр. 84.

²⁾ Смоленскій С. В. „О древне-русскихъ пѣвческихъ нотацияхъ“, стр. 19.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ Прот. Д. Разумовскій. Исторія русск. п. пѣнія, стр. 23.

⁵⁾ В. Стасовъ. Соч. т. III, статья „О демежественномъ и троестрочномъ пѣніи“.

на русскую культуру? Исторія отвѣчаетъ отрицательно на этотъ вопросъ. Устанавливалъ же, напр., Ор. Миллеръ и позднѣйшіе ученые связь русскаго былиннаго эпоса съ эпосомъ восточныхъ народовъ. Русскія и арабскія лѣтописи говорятъ, что кромѣ пути „изъ Варягъ въ Греки“ русскіе купцы знали и другой: „по Дону и Волгѣ они спускаются до хозарской столицы (Итиль въ низовьяхъ Волги), ..выходятъ въ Каспійское море, проникаютъ на юго-восточные берега его и даже провозятъ свои товары на верблюдахъ до Багдада... Въ области Днѣпра найдено множество кладовъ съ древними арабскими монетами IX—X, и даже VII и VIII в.в.“¹⁾

„Между греческою музыкаю и народною русскою пѣснью есть общія черты, которыя дѣлаютъ ихъ близкими, почти родственными, но далеко не тождественными“²⁾. Можно-ли отсюда вывести, что русская народная пѣсня „имѣетъ свой корень въ Греціи“? Конечно, нѣтъ. Все объясненіе этого родства въ томъ, что и греческая музыка; и русская народная пѣсня, и пѣсни другихъ народовъ (а, слѣд., и церковное пѣніе ихъ) „принадлежитъ къ одному и тому-же историческому фазису развитія музыки“³⁾.

Историками русскаго церковнаго пѣнія⁴⁾ потрачено немало труда и остроумія для сближенія теоретическихъ основаній знаменнаго распѣва (слѣд., и всего русскаго ц. п.) съ теоретическими же основаніями греческой музыки. И все-таки до сихъ поръ связи эта весьма сомнительна и съ полной убѣдительностью ни однимъ изъ нихъ не доказана. Вся ошибка ихъ заключалась въ томъ, что этой связи искали не тамъ, гдѣ нужно. Тотъ общій всѣмъ народамъ историческій фазисъ развитія музыки, о которомъ говоритъ Сокальскій, былъ пережитъ *каждымъ народомъ по своему*, у каждаго народа отлился въ свою форму. А эта общность, между прочимъ, и направила вниманіе историковъ *только* на греческую музыку, тогда какъ съ одинаковымъ,—а подчасъ, быть можетъ, и большимъ—основаніемъ оно могло бы быть направлено и въ сторону музыки арабской, индійской, китайской, персидской и т. д. Ту же ошибку дѣлаетъ и г. Соловьевъ, авторъ разбираемой статьи. Частное проявленіе общаго

¹⁾ В. Ключевскій. Курсъ русской исторіи, ч. I, стр. 146, 147. ³⁾ Ibid

²⁾ П. Сокальскій. Русская народная музыка, стр. 8.

⁴⁾ Прот. Разумовскій, Арнольдъ, кн. Одоевскій, прот. Вознесенскій, свящ. Металловъ и др.

фазиса развитія музыки—церковное пѣніе грековъ—онъ считаетъ за исходный пунктъ развитія русскаго церковнаго пѣнія. Принимая его выводъ, можно предположить, что у славянъ, у русскихъ до грековъ вмѣсто искусства было пустое мѣсто, которое великодушно и заполнено греками. Объ основательности такого предположенія, необходимо вытекающаго изъ вывода г. Соловьева говорить, конечно, не приходится.

Никто, вѣроятно, не станетъ отрицать, что у русскихъ славянъ существовала своя національная музыка; въ видѣ народной пѣсни. При принятіи христіанства (во времена, для Руси, доисторическія, и до Владимира Св.) у грековъ могли быть взяты лишь *формы*, которыя незамедлительно были наполнены *своимъ* содержаніемъ, измѣнившимъ до неузнаваемости и самыя формы. За такое предположеніе говорятъ и позднѣйшія изысканія въ области исторіи русскаго ц. п., которыми несомнѣнно утверждается, что художественное содержаніе русскаго ц. п. и русской народной пѣсни „покоится на *совершенно одинаковыхъ основаніяхъ*, т. е. на одинаковыхъ элементахъ мелодій, изъ которыхъ составляется напѣвъ, на одинаковыхъ ритмахъ и на одинаковыхъ же малыхъ формахъ художественнаго мышленія, изъ которыхъ развились свободные сложные ритмы, какъ и сложныя большія формы“¹⁾.

Этимъ же предположеніемъ вполне объясняется и та быстрота, съ которою уже въ XI в. появилось „вполнѣ систематизированное русское духовно пѣвческое искусство“.

Послѣ сказаннаго, думается, не можетъ быть рѣчи о простомъ *заимствованіи* церковнаго пѣнія у грековъ. Можно говорить лишь о *вліяніи* ихъ на его устройство у насъ. Но лѣтописи и историческіе факты указываютъ, что кромѣ учителей—доместиковъ, грековъ въ устройствѣ церкви на Руси принимали участіе и 1) пѣвцы „отъ славянъ“, и 2) члены русской христіанской церкви, неофициально существовавшей еще до Владимира Св. Постараемся—на основаніи лѣтописей, историческихъ фактовъ и предположеній, съ большею или меньшею достовѣрностью вытекающихъ изъ тѣхъ и другихъ,—опредѣлить степень cadaго изъ этихъ вліяній.

¹⁾ С. В. Смоленскій. О ближайшихъ практическихъ задачахъ и научныхъ изысканіяхъ въ области русской церковно-пѣвческой археологіи, стр. 15.

См. также ст. Н. Компанейскаго „Вліяніе сочиненій Глинка на русск. ц. музыку“. Русск. Муз. Газета, 1904 г. №№ 19—20.

Г. Соловьевъ игнорируетъ а) сказаніе Іоакимовой лѣтописи, по которому царь и константинопольскій патріархъ прислали къ Владимиру Св. „митрополита Михаила, болгарина суща, и съ нимъ 4 епископа и многи іереи и *демественники отъ славянъ*“ и б) фактъ, что богослужебныя книги заимствованы нами отъ болгаръ¹⁾. Іоакимову лѣтопись г. Соловьевъ считаетъ недоброкачественной въ историческомъ отношеніи, ибо говоритъ онъ, „митр. Михаилъ... былъ посланъ патріархомъ Фотіемъ для крещенія не кіевлянъ, а таврическихъ россовъ, слѣд., не при Владимирѣ Св., а гораздо ранѣе“²⁾ Согласимся съ авторомъ. И все-таки его указаніе отнюдь не устраняетъ возможности болгарскаго вліянія. Важно установить, что константинопольская церковь пользовалась болгарами, какъ *посредниками* при крещеніи славянъ. Этимъ устанавливался извѣстнаго рода прецедентъ. Затѣмъ, богослужебныя книги заимствованы нами у болгаръ. Это и понятно. У русскихъ къ тому времени не могло быть и не было достаточнаго количества культурныхъ силъ, чтобы перевести греческія богослужебныя книги на русскій языкъ. Да въ этомъ и не было нужды, разъ такія книги уже были на болгарскомъ языкѣ, *тождественномъ* съ языкомъ русскихъ славянъ. Болѣе чѣмъ вѣроятно предположеніе, что и часть напѣвовъ для этихъ книгъ взята была у болгаръ же, хотя бы по одному тому, что у болгаръ эти напѣвы были уже *ростпты*, т. е. напѣвы были прилажены къ текстамъ. И то обстоятельство, что болгары приняли христіанство только въ IX в. (861 г.) (на что ссылается авторъ, какъ на доказательство мысли, что у болгаръ ко времени крещенія Руси не могло быть самостоятельно развитаго богослужебнаго пѣнія) говоритъ скорѣе въ пользу предположенія, что и напѣвы были усвоены русскими не безъ посредства болгаръ. Ихъ пѣніе носило, по всей вѣроятности, болѣе или менѣе сильныя слѣды греческаго вліянія. Слѣд., возможность болгарскаго посредничества могла быть признана греками.

„Съ другой стороны, за столѣтіе существованія болгарской церкви греческое пѣніе въ интерпретаціи болгарскихъ пѣвцовъ не могло не принять специфически болгарскихъ чертъ. И это-то болгарское пѣніе, т. е. болгаризованные греческіе напѣвы и принесли болгары къ своимъ соплеменникамъ. Слѣд., черезъ болгаръ русскіе познакомились съ тѣмъ-же греческимъ пѣніемъ,

1) Богословскій Вѣстн., стр. 82.

2) Ibid., стр. 84.

но не въ чистомъ—греческомъ—его видѣ, чѣмъ открывается для нихъ путь къ дальнѣйшей его переработкѣ на свой русскій ладъ.

Исторія, пока, ничего не говоритъ—отъ кого и когда приняли христіанство (а съ нимъ и церковное пѣніе) русскіе въ концѣ IX и началѣ X в.в., до св. Владимира. Но несомнѣнно, что къ концу X в. и у нихъ церковное пѣніе не могло не измѣниться въ самобытномъ русскомъ духѣ. Естественно, что когда съ официальнымъ принятіемъ христіанства при св. Владимирѣ въ составъ русской церкви вошли и эти первые русскіе христіане, они принесли съ собою и все то, что выработала ихъ церковь за столѣтіе своего существованія, т. е. церковное пѣніе болѣе или менѣе самостоятельнаго русскаго характера.

Теперь подробнѣе о грекахъ. Цѣлый рядъ свидѣтельствъ опредѣленно утверждаетъ, что на Руси были митрополиты, епископы, іереи и пѣвцы изъ грековъ. Но единенія грековъ—пастырей съ пасомыми и—какъ результата его—сильнаго вліянія греческаго клира на славянскую паству быть не могло «при самомъ искреннемъ желаніи—однихъ—просвѣщать, другихъ просвѣщаться» ¹⁾. Причина—незнаніе греками русскаго языка, затруднявшее сношенія съ паствою. Этимъ достаточно выясняется роль грековъ въ дѣлѣ насажденія у насъ христіанства. Имъ принадлежало внѣшнее руководство въ насажденіи *формъ* церковной жизни, административное управленіе церковью. А на *содержаніе*, заполнявшее эти формы, греки сильнаго вліянія оказывать не могли.

Приглашались греческіе хоры, греческіе пѣвцы, на клиросѣ слышалось греческое пѣніе. Несомнѣнно, все это извѣстнымъ образомъ вліяло на русскихъ пѣвцовъ. Но это вліяніе во 1-хъ) ослаблялось вліяніемъ болгарскаго и русскаго (первыхъ русскихъ христіанъ пѣнія; во 2-хъ) встрѣчало противодѣйствіе въ двухъ особенностяхъ русскаго народа: „творческой—въ области мелодіи и ихъ сочетаній между собою ²⁾ и критической—т. е. какъ бы особой и строгой разборчивости въ воспринимаемомъ изъ чужеземнаго искусства“ ³⁾; и въ 3-хъ не могло быть особенно полнымъ въ силу отмѣченной выше нѣкоторой разобщенности пастырей съ пасомыми, учителей съ учениками. Слѣд., греческое

¹⁾ П. Милюковъ. Очерки по исторіи русской культуры; ч 2, стр. 16—17.

²⁾ Лучшее доказательство чему—народная пѣсня. Н. К.

³⁾ С. В. Смоленскій. О древне-русскихъ пѣвческихъ нотацияхъ, стр. 2.

вліяніе имѣло дѣло съ весьма сильнымъ сопротивленіемъ, и о простомъ заимствованіи у грековъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи.

Затѣмъ, гдѣ развивалась дѣятельность греческихъ пѣвцовъ? При княжескихъ дворахъ, въ центрахъ. Позднѣйшая исторія Россіи знаетъ примѣры такихъ чужеземныхъ вліяній. Въ XVIII в. Петербургъ приглашалъ цѣлыя итальянскія оперныя труппы, итальянскихъ композиторовъ—дирижеровъ. Русскіе пѣвцы и музыканты были отпрямляемы за-границу учиться. Можно-ли, однако, утверждать, что и вся русская музыка и позднѣйшее церковное пѣніе „имѣютъ свой корень“ въ Италіи, за-границей?

Сводя все сказанное, мы должны установить, что на развитіе церковнаго пѣнія въ Россіи вліяли 4 фактора: 1) особенность русскаго народа, уже имѣвшаго свою національную музыку (народную пѣсню), критически относиться ко всему чуждому и брать изъ него только то, что отвѣчало складу народа, не находило себѣ въ немъ противорѣчій¹⁾; 2) вліяніе славянское, вытекающее а) изъ факта заимствованія у болгаръ богослужебныхъ книгъ и б) изъ подтверждаемаго лѣтописями участія въ насажденіи на Руси христіанства славянскихъ пѣвцовъ и клириковъ; 3) вліяніе русскихъ христіанскихъ общинъ, существовавшихъ до оффиціального принятія христіанства при св. Владимірѣ; и 4) вліяніе греческаго клира.

Всѣ эти теченія слились въ „одномъ мощномъ—въ самостоятельной разработкѣ русскаго ц. п. русскими пѣснотворцами, самостоятельнымъ до того, что слѣды иноземныхъ вліяній совершенно изгладились чуть-ли не при первыхъ шагахъ русскаго ц. пѣнія. Этимъ, повторяю, совершенно уясняется фактъ появленія уже въ XI в. *русской* нотации, *русскихъ* напѣвовъ, *несходныхъ* ни съ однимъ изъ тѣхъ, вліянію которыхъ они подвергались.

Въ частности отъ грековъ остались лишь уставныя формы ц. пѣнія: наименованіе пѣснопѣній, чинъ ихъ, раздѣленіе ихъ на 8 гласовъ. Но *гласъ* въ русскомъ ц. пѣніи не имѣетъ *ничего* общаго съ гласомъ греческимъ. Теоретическія основанія русскаго ц. пѣнія не имѣютъ *ничего* общаго съ теоретическими же основаніями пѣнія греческаго. Гдѣ же данныя для утвержденія, что „греческое ц. п. и его исторія подверглись у насъ сильному обрусѣнію“²⁾. Такое утвержденіе предполагаетъ, что сохрани-

¹⁾ Такъ, напр., греческій *исонъ* совершенно не привился въ русскомъ церковномъ пѣніи.

²⁾ В. В.; стр. 89,

лись хоть *основы* того, что подверглось обрусѣнiю. Этого, какъ видимъ, нѣтъ, а предыдущее, надѣюсь, показываетъ, что и искать ихъ *только* у грековъ—безполезно. Были толчки, были примѣры, между прочимъ и отъ грековъ, но дальнѣйшiй путь, дальнѣйшее развитiе были *совершенно* самостоятельны. Было *вмнiе* грековъ, но не было *заимствованiя* у нихъ, не было *подражанiя*, не было точнаго, неуклоннаго слѣдованiя указанiямъ учителей.

Категорическое утвержденiе г. Соловьева („корень русскаго цѣвнiя въ Греци“) тѣмъ болѣе непонятно, что, говоря нѣсколько дальше о свойствахъ и характерѣ первоначальнаго цѣвнiя русской церкви до XIV в., онъ замѣчаетъ, что о томъ и другомъ нельзя сказать *ничего положительнаго*, „такъ какъ знамена рукописей XI—XIII в.в. не могутъ быть съ увѣренностью прочитаны“. „Точно также... мы лишены возможности сказать что либо определенное *о внутреннемъ содержанiи а) кондакарнаго знамени, б)*... которое остается до сихъ поръ загадкой для ученыхъ археологовъ и историковъ церковнаго цѣвнiя“¹⁾.

Это, впрочемъ, нисколько не мѣшаетъ ему заявить на слѣдующей же строкѣ, что „цѣвнiе заключающееся въ кондакаряхъ отличается искусственностью мелодiй“. Какъ можно сдѣлать заключенiе объ искусственности кондакарныхъ мелодiй, когда кондакарное знамя *загадка*, когда до сихъ поръ его еще не прочли—это, вѣроятно, секретъ автора.

И дальше съ этимъ кондакарнымъ знаменемъ г. Соловьевъ оперируетъ какъ съ извѣстнымъ ему, имъ прочитаннымъ. Онъ, напр., предполагаетъ, что „обученiе церковному цѣвнiю у насъ на Руси на первыхъ порахъ совершалось, вѣроятно, по слуху, а не по нотамъ. А такъ какъ безъ нотъ невозможно сколько-нибудь вѣрное сохраненiе напѣва, то искусственные (?) греческiе распѣвы, перенесенную на русскую почву, при передачѣ ихъ отъ одного поколѣнiя къ другому, постепенно сокращались и упрощались, при чемъ русскiе цѣвны, не осиливши кондакарнаго знамени, стали переводить греческiе напѣвы на болѣе понятныя имъ ноты *знаменнаго письма*. Такъ (?) образовался знаменный распѣвъ, который, намъ кажется, имѣетъ корень въ *неразгаданномъ* еще кондакарномъ цѣвнiи и есть его *сокращенiе*“²⁾.

Остановимся на замѣчанiи, которое гласитъ, что русскiе цѣвны стали переводить греческiе напѣвы съ кондакарнаго знамени на болѣе понятныя имъ ноты знаменнаго письма. Я думаю, что не

¹⁾ Богословскiй Вѣстникъ, стр. 87; а) курсивъ мой. Н. К. б)—курсивъ автора.

²⁾ Б. В., стр. 87.

нуждается въ особыхъ разъясненіяхъ такое, всѣмъ извѣстно, положеніе: *сперва* появляется языкъ, а *потомъ* и письменность; слѣд., *сперва*—пѣніе, напѣвы, а *потомъ*—ноты, знамена. Съ этимъ соглашается и авторъ (см. стр. 85—86). Но желая подчеркнуть греческое происхожденіе нашего церковнаго пѣнія, онъ смѣло предполагаетъ, что русскіе пѣвцы стали записывать греческіе напѣвы своими знаменами. Да откуда и зачѣмъ появились у русскихъ эти знамена, если у нихъ никакихъ своихъ напѣвовъ до грековъ не было?

„Такъ образовался знаменный распѣвъ“, имѣющій „корень въ *неразгаданномъ* еще кондакарномъ знамени“ и представляющій собою его сокращеніе“.

Нужно замѣтить, что нѣсколько выше (стр. 86) авторъ описываетъ предположительно процессъ образованія „каждаго русскаго распѣва и каждой русской нотации“. Цитируя г. Смоленскаго ¹⁾ г. Соловьевъ заявляетъ, что „*сначала* появляется гдѣнибудь, благодаря талантливому пѣвцу, новый напѣвъ;.. *затѣмъ*, когда напѣвъ этотъ получалъ права гражданства въ своемъ околоткѣ, дѣлался любимымъ и распространялся устно. сама собой являлась надобность отгѣнить самостоятельность значенія его мелодіи и самостоятельность формы его строенія, т. е. являлась надобность самостоятельной записи“ ²⁾... Цитированнаго довольно, чтобы отмѣтить несогласіе автора съ самимъ собою. То напѣвъ и нотация появились вполнѣ самостоятельно, то знаменный распѣвъ есть лишь сокращеніе кондакарнаго знамени, вдобавокъ еще неразгаданнаго. То сперва (что вполнѣ естественно) появляется напѣвъ, а потомъ запись его, то наоборотъ..

Не буду утомлять читателя дальнѣйшими выписками и разборомъ ихъ, хотя поводовъ къ этому больше чѣмъ достаточно. Думаю, что изъ приведеннаго вполнѣ ясно, въ какія лебри противорѣчій, произвольныхъ утвержденій, ни на чемъ не основанныхъ выводовъ и т. п. заводитъ автора разбираемой статьи предвзятая мысль, невыполнимое желаніе воспользоваться позднѣйшими выводами и изысканіями исторіи ц. пѣнія (повидимому, небезъизвѣстными автору), оставаясь въ то же время всецѣло на почвѣ старыхъ положеній ея, нынѣ уже не представляющихъ безспорными.

Н. К.

¹⁾ Цитата изъ соч. г. Смоленскаго приведена авторомъ съ нѣкоторыми сокращеніями (имъ не указанными), отчего мысль г. Смоленскаго выражена недостаточно полно и опредѣленно. ²⁾ Б. В., стр. 86. Курсивъ вездѣ мой. Н. К.

МИССИОНЕРСКІЙ ЛИСТОКЪ.

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ СЕКТАНТСКАЯ ПЕЧАТЬ.

(„Христіанинъ“ №№ 1 и 2, 1908 года).

Въ послѣднее время—время свободы вѣры и печати—сектанты стали издавать много своихъ собственныхъ журналовъ и газетъ, дѣятельно распространяя ихъ по всѣмъ уголкамъ Руси православной, наводняя между прочимъ и нашу Харьковскую епархію. Такъ, намъ извѣстны слѣдующія сектантскія періодическія изданія: 1) „Радостная вѣсть“ (ежемѣс., въ Баку, подъ редакціей Тараянца); 2) „Духъ и свобода“ (Армавирь, подъ редакціей Капустянского); 3) „Баптистъ“ (Ростовъ н.-д. подъ редакціей Д. И. Мазаева); 4) „Христіанинъ“ и „Братскій листокъ“ (СПБ., подъ редакціей И. С. Проханова); 5) „Духовный христіанинъ“ (молокан. журналъ, подъ редакціей А. С. Проханова); 6) „Свободное слово“ (еженед. газета подъ редакціей Бодянского, теперь впрочемъ прикрытая); 7) „Маслина“ (органъ адвентистовъ, заграничное изданіе) и др. Иадо ли говорить о томъ, какое ужасное, разрушительное дѣйствіе производитъ эта сектантская, періодическая печать, проникая не только въ дома сектантовъ, религіозный фанатизмъ коихъ она укрѣпляетъ и увеличиваетъ, но и въ дома православныхъ христіанъ, нерѣдко колеблющихся въ вѣрѣ, которую она окончательно убиваетъ? Не даромъ сект. журналъ „Христіанинъ“ открывая подписку на настоящій годъ, заявляетъ, что „истекшіе два года существованія журнала сопровождались *необычайнымъ* (!) правственнымъ (?) успѣхомъ“. Въ виду этого, мы считаемъ своимъ священнымъ долгомъ,—съ благословенія нашего глубокочтимого Архипастыря—время отъ времени на страницахъ „Вѣры и Разума“ знакомить нашихъ читателей, главнымъ образомъ духовенство и ревнителей православія, съ текущей періодической сектантской печатью. Въ настоящей замѣткѣ скажемъ вѣскольکو словъ о сектантскомъ журналѣ „Христіанинъ“, издаваемомъ Иваномъ Степановичемъ Прохановымъ (СПБ., Чернышевъ пер., д. № 12, кв. 33). Передъ нами два первыхъ номера этого журнала за текущій годъ. На обложкѣ каждаго номера подѣ

названіемъ журнала стоятъ, напечатанныя киноварью, слова, означающія очевидно девизъ журнала: „въ главномъ единство, во второстепенномъ—свобода, а во всемъ—любовь“. Правда, редакція объясняетъ эти слова такъ, что она „среди вѣрующихъ въ евангеліе стремится укоренить мысль о единствѣ, о свободѣ и любви“, „не касаясь партійныхъ различій отдѣльныхъ церквей“. Но, всматриваясь въ содержаніе помѣщаемого въ номерахъ журнала матеріала, нельзя не видѣть, что онъ тонко и ловко проводитъ идею *единства* или единенія между собою, не всѣхъ вѣрующихъ во евангеліе (вѣдь и православная церковь вѣруетъ во евангеліе), а только т. н. „духовныхъ“ (или вѣриже: мнимо—духовныхъ) христіанъ; онъ проповѣдуетъ полную *свободу* отъ православнаго пастырства, отъ св. таинствъ, установленныхъ Господомъ Христомъ и апостолами, и вообще отъ всего, что именуется православнымъ христіанскимъ обрядомъ. Далѣе, слѣва выше приведеннаго девиза приведена цитата изъ посланія ап. къ Коринѳянамъ: „Иудеи требуютъ чудесъ и Елліны ищутъ мудрости, а мы проповѣдуемъ Христа распятаго“ (1 Кор. 1 гл. 22—23 ст.). Но вѣдь Христа распятаго нельзя мыслить безъ креста, на которомъ Христосъ былъ распятъ и который мнимо-духовные христіане отвергаютъ; по той же причинѣ и причащаются въ евхаристіи, должно распятаго Христа, иначе мы стали бы причащаться не того Тѣла Христова, которое было прободено на крестѣ. Сектанты же въ своемъ обрядѣ „преломленія“ приемяютъ хлѣбъ и вино только, какъ *знаки* истиннаго Тѣла и Крови Христовыхъ. Поэтому тотъ-же Апостоль въ другомъ мѣстѣ говоритъ: „Многіе, о которыхъ я часто говорилъ вамъ, а теперь даже со слезами говорю, поступаютъ какъ *враги креста Христова*. Ихъ конецъ погибель, ихъ богъ чрево, и слава ихъ въ срамѣ; они мыслятъ о земномъ“ (Филип. 3, 18—19). Умѣстно ли поэтому цитируетъ „Христіанинъ“ приведенныя слова апостола? Того ли онъ Христа проповѣдуетъ, какого проповѣдывалъ апостоль? Съ правой стороны того же девиза приведены другія слова ап. Павла изъ посланія его къ Филиппійцамъ: „стойте въ одномъ духѣ, подвизаясь единомудушно за вѣру евангельскую“ (Филип. 1 гл. 27 ст.). На словахъ „за вѣру

евангельскую“ сдѣлано удареніе; поѣтому, они напечатаны киноварью. Правда, единодушно подвизаться христіанамъ за вѣру евангельскую, по заповѣди апостола, весьма необходимо: это святой долгъ ихъ. Но ту ли дѣйствительно „евангельскую вѣру“ проповѣдуетъ журналъ „христіанинъ“, какую проповѣдывали Христосъ и апостолы? Спаситель говорилъ апостоламъ, а въ лицѣ ихъ преемникамъ ихъ: „какъ послалъ Мена Отець, такъ и Я посылаю васъ... примите Духа Святаго. Кому простите грѣхи, тому простятся; на комъ оставите, на томъ останутся“ (Іоан. 20 гл. 21—23). Найдемъ ли мы въ „христіанинѣ“ хотя бы намекъ на существованіе въ церкви папства, обладающаго такими полномочіями отъ Христа Спасителя? О храмѣ съ священными изображеніями Онъ училъ: „домъ Мой домомъ молитвы наречется для *всѣхъ* народовъ“ (Мрк. гл. 11, ст. 17). Найдемъ ли въ „христіанинѣ“ подтвержденіе этого ученія?

Но раскроемъ журналъ и прослѣдимъ за направленіемъ содержимаго въ немъ. На первой (послѣ крышки) страницѣ каждаго номера журнала напечатано слѣдующее: „Христіанинъ. Ежемѣсячное изданіе для всѣхъ ищущихъ истину и любящихъ Господа“. Затѣмъ послѣ оглавленія, содержащагося въ номерѣ, крупно напечатано слѣдующее объявленіе: „перепечатывать что-либо частью или цѣликомъ изъ этого номера, изъ предыдущихъ и будущихъ номеровъ или изъ какихъ-либо приложений безъ разрѣшенія редактора—издателя не разрѣшается“. Но позвольте, г. Прохановъ, вѣдь это же крайне не послѣдовательно съ Вашей стороны! Въ напечатанномъ на крышкѣ вашего журнала девизъ значитъ: „въ главномъ единство, во второстепенномъ—свобода, а во всемъ любовь“. О какой же свободѣ толкуете Вы, когда стѣсняете свободу „ищущихъ истину и любящихъ Господа“, которые ради „истины и изъ „любви къ Господу“ быть можетъ пожелали бы перепечатать изъ Вашего журнала тотъ или иной трактатъ? Обѣщаете проповѣдывать „во всемъ любовь“, а обнаруживаете крайній эгоизмъ?!... Запрещая же перепечатывать что-либо изъ „будущихъ“ номеровъ своего журнала, забываете, что будущее въ рукахъ Божіихъ. Не мѣшало бы Вамъ чаще прочитывать слѣдующія на-

ставленія изъ посланія апостола Іакова: „послушайте вы, говорящіе: сегодня, или завтра отправимся въ такой-то городъ, и проживемъ тамъ одинъ годъ, и будемъ торговать и получать прибыль; вы, которые не знаете, что случится завтра; ибо что такое жизнь ваша? паръ, являющійся на малое время, а потомъ исчезающій. Въмѣсто того, чтобы вамъ говорить: если угодно будетъ Господу, и живы будемъ, то сдѣлаемъ то или другое“. (Іак. 4 гл. 13—15 ст.).

Передъ первою страницей 1-го номера журнала помѣщенъ рисунокъ „безплодная смоковница“ и подписаны изъ евангелія слова: „и сказалъ сію притчу: нѣкто имѣлъ въ виноградникѣ своемъ посаженную смоковницу, и пришелъ искать плода на ней, и не нашель; и сказалъ виноградарю: вотъ, я третій годъ прихожу искать плода на этой смоковницѣ и не нахожу; сруби ее; на что она и землю занимаетъ? Но онъ сказалъ ему въ отвѣтъ: „господинъ! оставь ее и на этотъ годъ, пока я окопаю ее и обложу навозомъ: не принесетъ ли плода; если же нѣтъ, то въ слѣдующій годъ срубишь ее“ (Лк. XIII, 6—9). Вотъ и слѣдовало бы сектантамъ почаще приводить себѣ на память эти евангельскія слова, изъ коихъ ясно видно, что Господь терпитъ грѣшниковъ въ церкви потому, что ожидаетъ ихъ исправленія; (Ср. 142 псал. 2 ст.; Притч. 20 гл. 9 ст.; Екклес. 7 гл. 20 ст.; Исаія 64 гл. 6 ст.; Іак. 3 гл. 2 ст.; 1 Іоан. 1 гл. 8 ст.; Рим. 7 гл. 18 и 19 ст.; Филип. 3 гл. 13 ст.; Мѡ. 13 гл. 29 и 47 ст.; 22 гл. 10 ст., 25 гл. 2 и 33 ст.; 2 Тим. 2 гл. 20 ст.; 1 Кор. 12 гл. 23 ст.; Рим. 9 гл. 22 и 23 ст.; 11 гл. 17 и 18 ст.). Значить, церковь Христова свята не по безгрѣшности людей, ее составляющихъ, которые всегда способны согрѣшять. А почему же? быть можетъ спросятъ сектанты, которые такъ любятъ именовать себя „святыми“. Да потому, что а) святъ Глава ея—Іисусъ Христосъ (Іоан. 8 гл. 46 ст.; 2 Кор. 5 гл. 21 ст.; Евр. 4 гл. 10 ст.; 1 Петр. 2 гл. 22 ст.; Дан. 9 гл. 24 ст.); б) свято ученіе Его (Іов. 7 гл. 18 ст.; 1 Тим. 6 гл. 13 ст.; Рим. 1 гл. 2 ст.; 2 Тим. 3 гл. 15 ст.; 118 псал. 138 и 140 ст.); в) въ ней пребываетъ Духъ Святой (Іоанн. 14 гл. 16 ст.; 16 гл. 13 ст.); г) свята благодать Божія, живущая въ церкви и врачующая

людей (2 Кор. 12 гл. 9 ст.; 1 Кор. 15 гл. 10 ст.; Рим. 5 гл. 17 и 21 ст.; Тит. 2 гл. 11 и 12 ст.); и д) святы таинства, чрезъ которыя благодать Божія преподается вѣрующимъ (1 Кор. 4 гл. 1 ст.; Мо. 3 гл. 11 ст.; Дѣян. 1 гл. 8 ст.; Мо. 26 гл. 26 и 28 ст.; 1 Кор. 10 гл. 16 ст.; 11 гл. 28, 30—32 ст.; Евр. 10 гл. 29 ст.).

Затѣмъ, въ 1-мъ номерѣ „Христіанина“ помѣщены слѣдующія статьи и рассказы: 1) вѣсть съ престола; 2) тихій часъ; 3) широка какъ море; 4) св. жизнь и какъ ее прожить; 5) уроки христіанскаго усердія; 6) смиреніе; 7) школа изученія библіи; 8) дух. пробужденіе въ Индіи; 9) стихотворенія: „блудный сынъ“ и „у колыбели“; 10) рассказъ „маленькій дровосѣкъ“; 11) нѣсколько полезныхъ правилъ для дѣтей, 12) руководство для учителей воскресныхъ школъ; 13) бесѣды съ дѣтьми объ алчности; 14) сила молитвы вѣрующаго. Во 2-мъ номерѣ 1) свѣтлая религія; 2) миръ глубокой, какъ потокъ; 3) оправданъ; 4) забытая гостиница; 5) послѣ пятидесятиницы; 6) свидѣтельства Христа о Себѣ Самомъ; 7) стихотвореніе „сбрось ярмо“; 8) чудесное спасеніе; 9) упадокъ нравственности; 10) солнечный лучъ и др. Всѣ эти статьи и рассказы написаны водянисто: то, что можно сказать болѣе ясно и убѣдительно въ нѣсколькихъ строкахъ, размазывается на нѣсколькихъ страницахъ. Но не въ этомъ еще дѣло, а въ томъ, что здѣсь можно встрѣтить разныя нравственныя назиданія и наставленія, и... ни одной догматической, религіозной истины, исповѣдуемой, на основаніи того же Слова Божія, православною церковью.

Слово Божіе, напр., о таинствѣ покаянія учитъ, что каждый человѣкъ грѣшникъ для того, чтобы получить прощеніе своихъ грѣховъ, долженъ исповѣдать ихъ священнику, или посреднику между имъ и Богомъ, коему Самимъ Богомъ дана власть вязать и рѣшить грѣхи человѣческіе (чит.: Лев. 5 гл. 6 ст.; Мо. 16 гл. 19 ст.; 18 гл. 18 ст.; Дѣян. 19 гл. 18 ст.; Иоан. 20 гл. 21—23 ст.; и др.). Между тѣмъ „христіанинъ“ проповѣдуетъ непосредственное покаяніе прямо Богу; покайся Богу, и Богъ тебя проститъ: какіе-нибудь, посредники тутъ совершенно излишни. „Первое дѣло грѣшника—читаемъ мы

на 3-й стр. 1-го номера,—*повѣритъ* въ совершенное дѣло Иисуса Христа“... „Вы должны не только просить, но и вѣрить, что получаете, а потомъ ждать, чтобъ Богъ закрѣпилъ фактомъ то, что вы приняли вѣрно“ (стр. 4). „Что же дѣлать съ грѣхомъ?—читаемъ въ другомъ мѣстѣ. „Честно откройте его передъ Богомъ. Затѣмъ отвергните его, изгоните прочь, удалите отъ себя... Когда вы съ мольбой преклоните колѣни, то услышите милостивыя слова: окроплю васъ чистою водою, и вы очиститесь отъ всѣхъ сквернъ вашихъ, и отъ всѣхъ идоловъ вашихъ, очищу васъ“ (Іер. 36 гл. 25 ст.; 17 и 18 стр. 1-го номера „Христіанина“) „Исповѣдуйся Ему въ твоихъ проступкахъ... Если ты становишься на мѣсто грѣшника и искренно взываешь: Боже! милостивъ буди мнѣ грѣшному, то ты получишь полное прощеніе твоихъ грѣховъ, какъ бы велики и многочисленны они ни были. Самъ Богъ оправдаетъ тебя отъ всякой вины, ради Иисуса Христа, заплатившаго за грѣшниковъ и Его кровь очиститъ тебя отъ всякаго грѣха“ (№ 2, стр. 10 и 11). Такое же убѣжденіе влагается и въ уста дровосѣка въ рассказѣ „маленькій дровосѣкъ“. „Утромъ, въ день своей смерти, онъ сказалъ своему мальчугану, что молитвы его повидимому услышаны и онъ *вѣритъ* (1), что грѣхи его прощены ему ради Спасителя“ (№ 2, стр. 35). Надо ли пояснять еще, что всѣ эти мысли—еретическія, несогласныя съ ученіемъ „Христа“, котораго „проповѣдывать“ обѣщаетъ „Христіанинъ“, несогласныя съ „вѣрой евангельской, подвижаться единодушно“, за каковую призываетъ онъ (читайте напечатанное на крышкѣ cadaго номера журнала).

Въ статьѣ „свидѣтельство Христа о Себѣ Самомъ“ (№ 2) на вопросъ „что Онъ отъ насъ требуетъ?“ (стр. 22) приведены три текста: Мѡ. XI гл. 28—30 („приидите ко мнѣ всѣ труждающіеся“), Лк. XIV, 26, 27 (если кто приходитъ ко Мнѣ и т. д.) и Лк. IX, 63 (никто возложившій руку свою на плугъ....) Да только ли *этого* требуетъ Христосъ Спаситель? Нѣтъ, еще многого другаго, болѣе важнаго, о чемъ Вы, г. Прохановъ, умышленно умалчиваете. Онъ требуетъ послушанія *Своей* церкви, которую Онъ Самъ основалъ на землѣ (Мѡ. 16 гл. 18 ст.; 18 гл. 17 ст.); требуетъ, чтобы мы „не

препятствовали дѣтямъ приходить къ Нему“ (Мѡ. 19 гл. 14 ст.); въ Его царство, а войти въ это царство можно только одной дверью, которая именуется крещеніемъ и о которой Онъ сказалъ прямо и ясно: „если кто не родится отъ воды и Духа, не можетъ войти въ Царствіе Божіе“ (Іоан. 3 гл. 5 ст.); требуетъ, чтобы на общественную молитву мы собирались въ храмъ съ священными изображеніями, когда „осмотрѣвъ все“ (Марк. 11 гл. 11 ст.) въ храмѣ Іерусалимскомъ, гдѣ такъ много было священныхъ изображеній, Онъ сказалъ: „домъ Мой домомъ молитвы наречется для *всѣхъ* народовъ“ (Мрк. XI гл. 17 ст.). значить, даже и для тѣхъ, кои будутъ жить предъ самой кончиной міра т. е. храмъ съ изображеніями долженъ существовать до втораго и страшнаго пришествія Христа, Спасителя; Онъ требуетъ, чтобы послѣдователи Его, по отшествіи Его на небо, соблюдали посты, когда говоритъ: „когда отнимется у нихъ Женихъ, тогда будутъ поститься“ (Мѡ. 9 гл. 15 ст.; Мрк. 2 г. 20 ст.; Лк. 5 гл. 35 ст.), давъ намъ и собственный примѣръ пощенія (Мѡ. 4 гл. 2 ст.); Онъ требуетъ повинovenія поставленнымъ отъ Него на землѣ пастырямъ, которымъ Онъ въ лицѣ апостоловъ далъ великую власть надъ душами человѣческими, когда говоритъ: „Я посылаю *васъ*... примите Духа Святаго. Кому простите грѣхи, тому простятся; на комъ оставите, на томъ останутся“ (Іоан. 20 гл. 21 и 23 стихи). Вотъ что наиболѣе требуетъ отъ насъ Христосъ Спаситель и что такъ умышленно замалчиваетъ „Христіанинъ“.

Наконецъ, нельзя не упомянуть еще объ одномъ тенденціозномъ разсказѣ, помѣщенномъ въ 1-мъ номерѣ „Христіанина“ (стр. 43 и 44) подъ заглавіемъ „сила молитвы вѣрующаго“. Дѣло тутъ въ слѣдующемъ. Нѣкто П. Л. Дьячковъ (откуда онъ и что онъ за человѣкъ, неизвѣстно) сообщаетъ, что, въ прошломъ году въ октябрѣ мѣсяцѣ заболѣла у него 2-лѣтняя дочь Лида“, мѣстный врачъ отказался лѣчить ее, „она была при смерти“. Въ это время, видите ли, пріѣхалъ къ Дьячковымъ „уважаемый старичекъ (?) Х. Н. Таракановъ“: онъ помолится Господу Христу, и... Лида получила исцѣленіе отъ болѣзни. „Теперь она вполне здорова, заключаетъ свой разсказъ П. Л. Дьячковъ... совѣтуемъ и многимъ имѣющимъ

болѣзни обратиться въ молитвѣ съ болѣзнями *только* къ стопамъ Вѣчнаго Исцѣлителя Іисуса Христа. Аминь". Нѣтъ, г. Дьячковъ, напрасно Вы поставили „аминь“,—что значить, „истинно“,—желая этимъ словомъ подтвердить справедливость вышеприведенныхъ своихъ словъ. Въ самомъ дѣлѣ, Слово Божіе учитъ насъ: „боленъ ли кто изъ васъ, пусть призоветъ пресвитеровъ Церкви, и пусть помолятся надъ нимъ, помазавши его елемъ во имя Господне. И молитва вѣры исцѣлитъ болящаго, и воставитъ его Господь“ (Іак. 5 гл. 14 и 15 ст.); а по Вашему выходитъ, что „пресвитеры церкви“ здѣсь и не пужны: стоитъ только позвать какого-нибудь „старичка“ въ родѣ Тараканова, и ...исцѣленіе не замедлитъ. Далѣе, для полученія исцѣленія Вы рекомендуете „обращаться въ молитвѣ *только* къ стопамъ „Вѣчнаго Исцѣлителя Іисуса Христа.“ И это, г. Дьячковъ, не по Писанію. Въ сознаніи своего недостойнства обращаться непосредственно къ Господу Христу по своей грѣховности,—а кто же изъ насъ безгрѣшенъ? (142 псал. 2 ст.; притч. 20 гл. 9 ст.; Екклес. 7 гл. 20 ст.; Исаи 64 гл. 6 ст.; Іак. 3 гл. 2 ст.; 1 Іоан. 1 гл. 8 ст.; Рим. 7 гл. 18 и 19 ст.; Филип. 3 гл. 13 ст.; Мө. 13 гл. 29 и 47 ст.; 22 гл. 10 ст.; и др.)—мы можемъ обращаться и къ посредству святыхъ угодниковъ, этихъ „друзей Божіихъ“ (Іоанн. XV, 14), „равныхъ ангеламъ“ (Лк. XX, 36), которые знаютъ все совершающееся на землѣ (1 Цар. 28 гл. 15 ст.; 3 Цар. 14 гл. 5 ст.; 4 Цар. 5 гл. 25 ст.; 6 гл. 11 и 12 ст.; Лк. 16 гл. 25 и 29 ст.; 20 гл. 36 ст.; 1 Кор. 6 гл. 2 ст.; 13 гл. 9—12 ст.) и дѣйствительно молятся за насъ (Быт. 20 гл. 7 и 17 ст.; Исх. 32 гл. 11 и 14 ст.; 1 Цар. 7 гл. 8 ст.; 12 гл. 23 ст.; Іов. 42 гл. 8 ст.; Варух. 3 гл. 4 ст.; 2 Макк. 15 гл. 14 ст.; Откр. 5 гл. 8 ст.; 8 гл. 3 ст.).

Такъ-то уже этого бѣлаго обзора двухъ первыхъ номеровъ журнала „Христіанинъ“ за текущій годъ достаточно для того, чтобы видѣть, что „Христіанинъ“ мало преподаетъ христіанскихъ назиданій, ибо „проповѣдуетъ не того Христа“ (1 Кор. 1, 22—23) и не ту „вѣру евангельскую“ (Филип. I 27), какую проповѣдывали Христосъ Спаситель и Его св. апостолы.

Помощникъ Харьковскаго Епархіальнаго Миссіонера

Священникъ *Василій Черкесовъ.*

Архіерейскія богослуженія.

7-го и 8-го апрѣля, въ понедѣльникъ и вторникъ страстной седмицы, Преосвященный Епископъ Евгений совершилъ Преждеосвященную литургію въ Крестовой церкви архіерейскаго дома.

— 9-го апрѣля, въ среду страстной седмицы, Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній совершилъ Преждеосвященную литургію въ Крестовой церкви, а Преосвященный Епископъ Евгений—въ кафедральномъ соборѣ.

— 10-го апрѣля, въ великій четвертокъ, литургію въ кафедральномъ соборѣ совершилъ Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній съ Преосвященнымъ Евгениемъ. Въ служеніи литургіи принималъ участіе 12 сослужащихъ, а именно: архимандриты—Іосифъ и Аркадій, протоіерей о. Т. И. Буткевичъ, ректоръ семинаріи протоіерей о. А. Юшковъ, протоіерей о. І. Пичета, ключарь собора протоіерей І. Гончаревскій, протоіерей о. Г. Чеботаревъ, протоіерей о. Н. Соколовскій, благочинный протоіерей о. В. Добровольскій, членъ конвенторіи священникъ о. П. Оомянъ, священникъ о. Г. Виноградовъ и благочинный священникъ о. П. Вишняковъ. Въ концѣ литургіи, въ положенное время, Высокопреосвященный Арсеній совершилъ чинъ умовенія ногъ, въ коемъ принимали участіе тѣ же 12 священнослужителей, которые участвовали и въ служеніи литургіи. Этотъ умвительно-трогательный обрядъ особенно нравится народу и всегда привлекаетъ много желающихъ видѣть его. На этотъ разъ соборъ съ раннего утра былъ переполненъ народомъ, терпѣливо ожидавшимъ конца литургіи и начала умовенія ногъ. Совершеніе же обряда было исполнено въ прекрасномъ порядкѣ и съ трогательною торжественностію.

Въ тотъ же день, въ 6 час. веч., послѣдованіе св. страстей Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній служилъ въ кафедральномъ соборѣ при участіи 8-ми сослужащихъ: архимандритовъ—Аванасія и Аркадія, кафедральнаго протоіеря о. С. Любцакаго, ключаря протоіеря І. Гончаревскаго, соборныхъ священниковъ о. Г. Виноградова, о. Л. Твердохлѣбова, о. В. Яновскаго и іеромонаха

Сергія.—Преосвященный Евгеній послѣдованіе св. страстей служилъ въ Покровскомъ монастырѣ.

— 11-го апрѣля, въ пятницу, въ 2 час. дня, Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній служилъ вечерню въ кафедральномъ соборѣ, послѣ которой совершилъ перенесеніе плащаницы въ собора въ Покровскій монастырь при участіи всего городского духовенства. Въ крестномъ ходѣ принимали участіе высшіе представители военнаго и гражданскихъ вѣдомствъ и много народа, но дождливая погода, къ сожалѣнію, не благопріятствовала торжественности обстановки.—Преосвященный Евгеній служилъ вечерню въ Покровскомъ монастырѣ и встрѣчалъ плащаницу при входѣ въ монастырь.—По принесеніи плащаницы въ монастырь священникомъ о. В. Яновскимъ было произнесено слово предъ плащаницей.

— 12-го апрѣля, въ великую субботу, въ 4 час. утра, Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній служилъ утреню въ Покровскомъ монастырѣ, а Преосвященный Епископъ Евгеній — въ кафедральномъ соборѣ.—Въ 11 $\frac{1}{2}$ час. дня Преосвященный Евгеній совершилъ литургію въ Крестовой церкви.

— 13-го апрѣля, въ день Св. Пасхи, торжественное служеніе заутрени и литургіи было совершено въ кафедральномъ соборѣ, при чемъ Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній служилъ вмѣстѣ съ Преосвященнымъ Евгеніемъ и при участіи восьми сослужащихъ: архимандритовъ—Анастасія и Аркадія, кафедральнаго протоіерея о. С. Любцаго, ключаря протоіерея І. Гончаревскаго, соборныхъ священниковъ о. Г. Виноградова, о. Л. Твердохлѣбова, о. В. Яновскаго и іеромонаха Сергія. Пасхальное богослуженіе въ соборѣ имѣло весьма торжественный характеръ. Около половины храма было занято высшими представителями военнаго и гражданскихъ вѣдомствъ, а также множествомъ лицъ высшаго общества обою пола. Остальное пространство было густо занято молящимися, которымъ удалось проникнуть въ храмъ, множество же народа оставалось въ притворѣ и внѣ храма. Богослуженіе, начавшись ровно въ 12 час. н., окончилось въ 3 ч. 40 мин. утра.

Въ 10 час. утра въ покояхъ Его Высокопреосвященства славилъ Христа братія Покровскаго монастыря во главѣ съ экономомъ архимандритомъ Іосифомъ и причтъ кафедральнаго собора во главѣ съ кафедральнымъ протоіереемъ о. С. Любциемъ. О. протоіакономъ В. Вербицкимъ было провозглашено многолѣтіе Высокопреосвященнѣйшему Архіепископу Арсенію. Послѣ этого Владыка въ очень милостивыхъ словахъ благодарилъ собравшихся за поздрав-

леніе съ праздникомъ и выразилъ наилучшія пожеланія поздравившимъ. Засимъ Владыка христосовался съ братіей и духовенствомъ. При этомъ приносили поздравленіе Его Высокопреосвященству: городское духовенство, корпораціи духовной семинаріи и духовнаго училища и чиновники канцеляріи. Христосуясь, Владыка всѣмъ давалъ писанку и собственную проповѣдь на день воскресенія Христова. Архіерейскій хоръ исполнялъ пасхальный концертъ.—Въ такомъ же порядкѣ было принесено поздравленіе и Преосвященному Евгенію въ его покояхъ.

Въ 4 часа пополудни были совершены торжественныя вечерни: Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ въ Покровскомъ монастырѣ, а Преосвященнымъ Евгеніемъ въ кафедральномъ соборѣ.

— 14-го апрѣля, на второй день Пасхи, Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній совершилъ литургію въ Покровскомъ монастырѣ въ сослуженіи монастырскаго духовенства и произнесъ проповѣдь о воскресеніи Господа Нашего І. Христа.—Преосвященный Епископъ Евгеній въ этотъ день совершилъ литургію въ Воскресенской церкви г. Харькова въ сослуженіи: протоіерея о. Тимоѳея Буткевича, ректора семинаріи протоіерея о. А. Юшкова, ключаря собора протоіерея І. Гончаревскаго, настоятеля церкви протоіерея о. Н. Соколовскаго, благочиннаго священника о. П. Вяшнякова и священника о. І. Рудянскаго. За литургіей была произнесена проповѣдь Высокопреосвященнаго Арсенія о воскресеніи Господа І. Христа.

— 15-го апрѣля, на третій день Пасхи, Преосвященный Епископъ Евгеній совершалъ литургію въ церкви с. Песочина по случаю правдѣльнаго праздника въ честь Иверской иконы Б. Матери. Въ сослуженіи участвовали: ключарь собора протоіерей І. Гончаревскій, протоіерей Благовѣщенской церкви г. Харькова о. В. Поповъ, священникъ харьковской Преображенской церкви о. С. Уманцевъ и казначей Куряжскаго монастыря іеромонахъ о. Гермогенъ. Богослуженіе это привлекло много молящихся, не только мѣстныхъ жителей, но и пріѣзжихъ изъ Харькова.

— 19-го апрѣля, въ субботу артоса, Преосвященный Епископъ Евгеній совершилъ литургію въ Кафедральномъ соборѣ въ сослуженіи съ соборнымъ духовенствомъ и совершилъ раздачу артоса.

— 20-го апрѣля, въ Фомино воскресеніе, Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній совершалъ литургію въ Кафедральномъ соборѣ въ сослуженіи съ архимандритами Афанасіемъ и Аркадіемъ

и соборнымъ духовенствомъ. Преосвященный Евгений совершилъ литургію въ Покровскомъ монастырѣ.

— 21-го апрѣля, въ понедѣльникъ, наканунѣ крестнаго хода съ Озерянской иконою Божіей Матерю, въ 6 час. вечера Преосвященный Епископъ Евгений совершилъ всенощное бдѣніе въ Озерянской церкви Покровскаго монастыря, при большомъ стеченіи богомольцевъ.

— 22-го апрѣля, во вторникъ, литургію въ Озерянской церкви Покровскаго монастыря совершилъ Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній съ Преосвященнымъ Евгениемъ при участіи четырехъ архимандритовъ и четырехъ іеромонаховъ. Послѣ литургіи былъ отслуженъ молебень предъ Озерянской иконою Божіей Матери. Послѣ молитвы Владыка осѣнилъ иконою присутствовавшихъ въ храмѣ и вручилъ икону г. губернатору, послѣ чего начался крестный ходъ съ иконою. Во главѣ крестнаго хода шелъ Преосвященный Евгений; икону несъ г. губернаторъ съ корпуснымъ командиромъ, городскимъ головою, почетителемъ округа, ректоромъ университета и другими лицами, преимущественно представителями военного вѣдомства. По пути слѣдованія всюду стояли и двигались массы народа, особенно же большое скопленіе народа сосредоточилось на Холодной горѣ, на откосахъ дороги и на площади Озерянской церкви. Въ 2 часа дня крестный ходъ прибылъ къ Озерянской церкви, что на Холодной горѣ; послѣ осѣненія народа иконой Его Преосвященствомъ была передана икона куряжскому духовенству и крестный ходъ послѣдовалъ далѣе— въ Куряжъ.

23-го апрѣля, въ день тезоименитства Государыни Императрицы Александры Феодоровны, литургію въ Кафедральномъ соборѣ совершилъ Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній въ сослуженіи архимандритовъ: Вассіана, Іосифа, Аванасія и Аркадія, ректора семинаріи протоіерей о. А. Юшкова, ключаря протоіерей І. Гончаревскаго, инспектора епархіальнаго училища о. І. Котова и священника о. Л. Твердохлѣбова. Послѣ литургіи былъ отслуженъ молебень по случаю тезоименитства Государыни Императрицы Александры Феодоровны съ присоединеніемъ благодарнаго моленія по случаю бракосочетанія Велякой Княжны Маріи Павловны. На богослуженіи, кромѣ множества молящихся, присутствовали: корпусный командиръ, г. вице-губернаторъ и много представителей военного и гражданскихъ вѣдомствъ и учреждений.

Протоіерей І. Гончаревскій.

Памяти незабвеннаго товарища—сослуживца Петра
Алексѣевича Торанскаго.

КЪ ГОДОВЩИНѢ ЕГО КОНЧИНЫ.

(Продолженіе *).

Покойный Петръ Алексѣевичъ пережилъ двѣ эпохи въ жизни Купянскаго Духовнаго училища: онъ поступилъ въ училище еще въ то время, когда имъ управлялъ извѣстный почти всему духовенству епархіи—приснопамятный Артемій Конововичъ Горбатовскій, который около сорока лѣтъ былъ смотрителемъ въ Купянскомъ училищѣ. Общежитія тогда при училищѣ еще не было, и ученики жили на частныхъ квартирахъ. Въ 1890 году при Купян. учил. было устроено общежитіе, и Петръ Алексѣевичъ съ учениками такъ же переселился въ училищный корпусъ, гдѣ и прожилъ около 17 лѣтъ, причемъ за все это время не имѣлъ даже отдѣльной собственной комнаты—квартиры, гдѣ бы онъ могъ отдохнуть въ свободное отъ занятій время, а помѣщался въ комнатѣ общей—надзирательской столовой, въ которой бывало поэтому всегда людно, а довольно часто бывали и посторонніе посѣтители,—повятно какой тамъ могъ быть отдыхъ Петру Алексѣевичу, особенно послѣ хлопотливаго и утомительнаго дежурства при ученикахъ, отъ 6 часовъ утра до 11 ч. ночи ¹⁾).

* См. «Извѣстія и замѣтки по Харьк. епархіи» № 7 за 1908 г.

¹⁾ Удивительно, что духовенство *Купянскаго училищнаго округа* все время даже не считало необходимымъ позаботиться о квартирахъ для надзирателей, чтобы каждому изъ нихъ была отдѣльная, сколько нибудь удобная комната, какъ это есть вездѣ въ другихъ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ бы каждый изъ нихъ могъ чувствовать себя хозяиномъ и располагать ею, какъ своею собственною квартирой. Напротивъ, нѣкоторые члены окружныхъ Купянск. училищ. съѣздовъ считали это естественное, скромное и вполне законное желаніе надзирателей имѣть отдѣльную комнату совершенно лишнимъ—непозволительною роскошью,—не смотря на неоднократныя просьбы объ этомъ надзирателей, между которыми есть люди даже семейные, которые, поэтому, вынуждены жить отдѣльно отъ своей семьи. Во всѣхъ нашихъ епархіальныхъ учебныхъ заведеніяхъ устроены прекрасныя квартиры для каждаго изъ служащихъ; даже въ дух. консисторіи заботами и попеченіемъ нашего добраго Владыки Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Арсенія, всегда отзывчиваго къ нуждамъ всѣхъ, особенно меньшихъ братьевъ—низшихъ служащихъ,—при хлопотахъ Г. Секретаря Консисторіи и другихъ лицъ Епархіальнаго Управленія устроены прекрасныя семейныя квар-

И при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ корпусной жизни для надзирателей Петръ Алексѣевичъ прожилъ болѣе 16 лѣтъ въ училищномъ общежитіи, не имѣя, какъ прекрасно выразился о немъ въ надгробной своей рѣчи благороднѣйшій и справедливѣйшій сослуживецъ его М. Г. Ульяницкій, „уютнаго—спокойнаго уголка, гдѣ бы приклонить главу“. Не смотря на это, за всю свою двадцатисемилѣтнюю службу въ должности надзирателя за учениками покойный никогда не выражалъ ропота или недовольства на свою незавидную жизненную долю, на свое крайне необезпеченное во всѣхъ отношеніяхъ положеніе, такъ какъ почти все время своей службы онъ получалъ не болѣе 55 рублей въ мѣсяцъ безъ всякаго поощренія и улучшенія въ матеріальномъ отношеніи, какъ это, обыкновенно, бываетъ въ другихъ вѣдомствахъ. Не такъ давно, правда, служба надзирателей въ духовныхъ училищахъ сдѣлана штатной, и имъ предоставлено право на полученіе пенсін, чиновъ и орденовъ. И покойный П. А. лѣтъ пять тому назадъ вполне заслуженно былъ пожалованъ орденомъ св. Станислава III ст. в, съ увѣренностію можно сказать, одинъ изъ очень немногихъ надзирателей, прожившій болѣе 27 лѣтъ одинокой—безпокойной—неуютной жизнью въ трудной—хлопотливой и совершенно необезпеченной этой должности въ августѣ 1905 года выслужилъ свою трудовую пенсію, но не судилъ Господь ему на покой отъ службы воспользоваться плодами своей долготѣней труженнической педагогической дѣятельности и призвалъ его къ покою вѣчному, гдѣ не нужны ни чины, ни ордена, ни пенсія.

Двадцати-семилѣтняя жизнь въ училище такъ привязала покойнаго Петра Алексѣевича къ нему, что, еслибы сказали, что онъ оставляетъ училище, никто изъ знавшихъ его не повѣрилъ бы этому. Училище и Петръ Алексѣевичъ это было одно цѣлое:—какъ первое, такъ и послѣдній не мыслимы были отдѣльно. За время своей надзирательской службы при училищѣ П. А. пережилъ 4 смотрителей училища, не говоря уже о множествѣ другихъ сослуживцевъ и десяткахъ сотенъ учениковъ, которыхъ почившій 27 лѣтъ принималъ въ училище в, по окончаніи ими ученія,

тиры со всеми удобствами для каждаго изъ служащихъ, надзиратели же Кувянскаго училища ютятся по два, а бывало, что и по три, человѣка въ одной комнатѣ, не смотря на то, что они и по своему положенію и по образованію, думая, стоятъ не ниже служащихъ, особенно младшихъ, духовной конвенторіи.

проводить ихъ изъ училища. И всѣ они, изъ года въ годъ покидая училище, расходятся въ разныя стороны, остается, бывало, въ немъ неизмѣнно одинъ добродушнѣйшій и тишайшій „Алексѣвичъ“, какъ его звали всѣ и въ городѣ, и въ училищѣ, и далеко—но выходѣ изъ него въ жизнь. „Алексѣвичъ“ всегда въ училищѣ: никогда и нкуда онъ изъ него не выѣзжалъ во все время своей продолжительной службы.

И лѣтомъ, въ канікулярное время, когда и учащіе и учащіеся духовнаго и другихъ училищъ г. Купянска, а ихъ въ немъ—небольшомъ городкѣ довольно много, разъѣзжаются изъ него, и мирный тихій городокъ дѣлается еще тише и молчаливѣе,—Петръ Алексѣвичъ одинъ никогда не покидаетъ его, родного и милого ему, и все лѣто остается въ училищѣ. А училище грустную картину представляетъ изъ себя лѣтомъ въ Купянскѣ—маленькомъ городкѣ,—гдѣ оно, какъ огромнѣйшее зданіе, такъ замѣтно выдѣляется своей массивностію изъ среды окружающихъ его маленькихъ домиковъ. Не слышно въ немъ обычнаго дѣтскаго шума и врывка, нѣтъ дѣтской бѣготни и суеты въ училищномъ дворѣ, и громадное трехэтажное зданіе какъ бы какой-то сязочный мертвый богатырь, стоитъ, ночью, темное-мрачное и молчаливое: нѣтъ въ его окнахъ свѣта такъ привѣтливо манящаго взоръ въ занятое время, нѣтъ жизни въ немъ, и только въ одномъ изъ оконъ третьяго этажа мерцаетъ огонекъ,—это свѣтъ у Алексѣича,—онъ одинъ во всемъ громадномъ домѣ, какъ бы сочувствуетъ ему въ его одиночествѣ, что онъ оставленъ маленькими его хозяевами—дѣтьми учениками, такъ оживлявшими его, они уѣхали и бросили его пустымъ и одинокамъ...

И Алексѣичъ одинъ, какъ бы оберегаетъ его...

Ежедневно, бывало, въ теченіе 27 лѣтней жизни въ училищѣ, утромъ и вечеромъ, въ опредѣленные часы, благодушнѣйшій Алексѣичъ, когда бывалъ свободенъ отъ дежурства, прогуливается и непременно только около училища, такъ что горожане настолько привыкли видѣть его здѣсь, что, если почему либо онъ не гуляетъ, то это уже бросалось въ глаза каждому знающему его...

Будучи отъ природы очень способнымъ, прекрасно окончивъ курсъ Духовной Семинаріи, покойный П. А. не поступилъ въ высшее учебное заведеніе только потому, что не имѣлъ матеріальныхъ средствъ, такъ какъ отецъ его рано умеръ, у матери же остались еще маленькія дѣти, которыхъ надо было учить,—и вотъ.

онъ ограничивается въ жизни самымъ незамѣтнымъ—скромнымъ. служебнымъ положеніемъ надзирателя за учениками духовнаго училища, въ которомъ и самъ онъ получилъ первоначальное образование ..

Живя такъ долго въ Купинскомъ училищѣ, почившій П. А., естественно, былъ взвѣстенъ всѣмъ и каждому въ небольшомъ городкѣ. Всѣ знали его, какъ добродушнѣйшаго, съ благородной и честной душой, человѣка, къ которому всегда поэтому и относились съ необыкновеннымъ довѣріемъ, почтеніемъ и расположенностію. Долгое время онъ состоялъ членомъ „Общества Пособія бѣднымъ въ городѣ Купинскѣ“ и Членомъ «Общества вспоможенія нуждающимся ученицамъ Купинской женской гимназіи» ..

Смерть Петра Алексѣевича была неожиданною для всѣхъ. Еще за два дня до смерти, 9 апрѣля, онъ былъ въ общей надзирательской комнатѣ вмѣстѣ со всѣми надзирателями и преподавателями училища и, повидимому, былъ здоровъ. Никто изъ близкихъ—сослуживцевъ и учениковъ его не предполагалъ, что, черезъ два дня, Петръ Алексѣевичъ, никогда не покидавшій ихъ даже и на малое время, оставитъ ихъ в уже навсегда, и что они будутъ воздавать послѣднее цѣлованіе ему, уже умершему. 9 апрѣля утромъ покойный П. А. почувствовалъ нервное недомоганіе, но, никогда не болѣвшій и отъ природы очень здоровый, не обратилъ вниманія на свой поначалу легкій недугъ, пока къ вечеру ему не сдѣлалось хуже, и его перевели въ училищную больницу. Здѣсь по желанію больного, его напутствовалъ святыми таинствами покаянія и причащенія священникъ Николаевской г. Купинска церкви о. А. Макухинъ, послѣ чего больной скоро впалъ въ безсознательное состояніе и 11 числа въ 6 часовъ утра тихо скончался. По опредѣленію врача смерть послѣдовала отъ кровоизліянія въ мозгъ.

Умеръ Петръ Алексѣевичъ холостякомъ и совершеннымъ бѣднякомъ—безъ всякихъ средствъ,—и тутъ-то сказала вся любовь къ нему его сослуживцевъ и учениковъ, которые на свой счетъ приняли погребеніе его и устроили ему торжественныя, проникнутыя глубокимъ искреннимъ сочувствіемъ похороны. Великая скорбь о неожиданной утратѣ дорогого сослуживца и наставника охватила всѣхъ близкихъ къ нему любящихъ его товарищей по службѣ, учениковъ и знакомыхъ. Всѣ они сохранили о немъ одну только добрую память, что лучше всего выразила въ тѣхъ многихъ рѣчахъ, какія были произнесены у его гроба.

Въ этихъ послѣднихъ—надгробныхъ—бесѣдахъ съ почившимъ лучше и вѣрнѣе всего обрисовывается намъ личность его и его отношенія къ окружавшимъ его близкимъ—сослужавцамъ и ученикамъ.

Эти искреннія, неподдѣльно правдивыя, слова, вылившіяся изъ глубины сердецъ и въ послѣдній разъ обращенныя любившими и уважавшими умершаго товарищами и знакомыми къ его оставшимъ, прекрасно изображаютъ намъ жизнь, характеръ и дѣятельность скромнаго долготѣняго подвижника на неблагодарной училищной службѣ надзирателя за учениками.

В. Смирскій.

(Окончаніе будетъ).

Исполнительная Коммиссія уѣздныхъ пастырскихъ собраній Малоархангельскаго уѣзда, Орловской епархіи.

29 января с. г. коммиссія приступила къ составленію программы занятій на ближайшемъ пастырскомъ собраніи и признала нужнымъ предложить вниманію собранія обсужденіе слѣдующихъ вопросовъ. 1) Точно, опредѣленно и подробно уяснить норму православно-христіанской приходской жизни. 2) Указать отклоненія отъ опредѣленной нормы приходской жизни въ наше время въ приходахъ Малоархангельскаго уѣзда. 3) Указать ближайшія и важнѣйшія причины этого отклоненія. 4) Выработать мѣры къ возстановленію нормальной православно-христіанской жизни въ приходахъ. Для этого прежде всего воспользоваться тѣми мѣрами, которыя предложены Его Преосвященствомъ въ №№ 43 и 45 Орлов. Еп. Вѣд. за 1907 г., предложивъ собранію указать болѣе удобные способы къ проведенію въ жизнь предложенныхъ мѣръ относительно: производства новыхъ выборовъ членовъ приходскихъ совѣтовъ, введенія сельскихъ приходовъ летучими библіотечками; открытія

во всѣхъ приходахъ обществъ трезвости; устройства праздничныхъ чтеній и бесѣдъ съ народомъ; устройства собраній—приходскихъ, окружныхъ и уѣздныхъ; образованія пѣвческихъ хоромъ. прв каждомъ храмѣ; образованія женскихъ кружковъ для поддержанія чистоты въ храмахъ и пр.

Всѣ вышеозначенныя вопросы имѣютъ быть предложены пастьрскому собранію совмѣстно съ членами приходскихъ совѣтовъ; а собранію одного духовенства предложить обсудить причины ненормальныхъ отношеній между членами првчтовъ и выработать мѣры къ ихъ устраненію, чтобы тѣмъ обезпечить успѣшное проведеніе въ жизнь приходовъ выработанныхъ собраніемъ мѣръ. (Орл. Еп. Вѣд. № 9).

Вразумительная архипастырская резолюція.

Въ одномъ изъ приходовъ Витебскаго благочинія, при выборѣ церковнаго старосты, крестьяне потребовали внесенія въ текстъ приговора условія, чтобы вознагражденіе старостѣ впредь было выдаваемо изъ церковныхъ суммъ, и послѣ того, какъ имъ была разъяснена незаконность подобнаго требованія, отъ подписавъ подъ приговоромъ отказались. На допесеніи благочиннаго объ этомъ, резолюція Витеб. Преосвященнаго послѣдовала такая: „благочинный въ присутствіи причта и мѣстной полиціи объявить Н прихожанамъ, требовавшимъ вознагражденія старостѣ изъ церковныхъ суммъ, что я признаю это ихъ требованіе богопротивнымъ, неразумнымъ и постыднымъ; ибо во всей православной Россіи старосты, согласно волѣ Его Величества и Св. Синода, служатъ ради спасенія души и не только безмездно, но еще и жертвуютъ изъ своихъ средствъ на нужды церкви въ првмѣръ прочимъ. Поэтому, пусть учинившіе такое противозаконное дѣло покаются предъ Господомъ и подь угрозю отлученія отъ причастія впредь да не дерзаютъ на такое возмущеніе“.

Въ виду того, что подобное явленіе при выборѣ старосты можетъ повториться и въ другихъ мѣстахъ, считаемъ необходимымъ сообщить духовенству настоящую резолюцію Владыки, при чемъ должны сказать, говоритъ корреспондентъ, что въ данномъ случаѣ это архипастырское слово имѣло самое благотѣтельное вліяніе. Крестьяне, еще не выслушавъ резолюціи, но, вѣроятно, уже освѣдомившись о содержаніи ея стороной, на новыхъ выборахъ не рѣшились сказать и слова о жалованьи старостѣ изъ церковныхъ суммъ. („Вит. Еп. Вѣд.“).

Разныя извѣстія и замѣтки.

Высочайшая кара.

Въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» напечатано: одновременно съ увольненіемъ отъ должности виленскаго р.-к. епископа барона фонъ-деръ-Роппа, Государю Императору благоугодно было повелѣть предложить виленскому капитулу провозвести на основаніи Закона выборы временнаго его замѣстителя, но капитулъ сего не исполнялъ ссылаясь на каноны р.-к. церкви.

31 марта, въ 10 час. утра, виленскимъ губернаторомъ было объявлено приглашеннымъ къ нему для этой цѣли членамъ виленскаго р.-кат. кафедральнаго капитула Высочайшее повелѣніе, временно, впредь до назначенія виленскаго р.-к. енархіальнаго начальника, устранившее ихъ за уклоненіе, вопреки Маваршей волѣ, отъ выборовъ капитульнаго викарія отъ должностей, съ лишеніемъ содержанія по онымъ и доходовъ съ капитульвыхъ имуществъ.

Кара эта наложена на римско-католическихъ священниковъ: прелатовъ: Августина Лппицкаго, Карла Байко, Іоанна Курчевскаго, Іоанна Ганусовича, Викентія Ключинскаго и Іоанна Садовскаго и капониковъ: Виктора Фронцевича, Константина Маевского и Адама Савицкаго.

Одновременно съ этимъ виленскому, ковенскому и гродненскому генераль-губернатору по соглашенію съ статсъ-секретаремъ Столыпинымъ предоставлено опредѣлять порядокъ временнаго управленія капитульнымъ имуществами, съ тѣмъ, чтобы доходы съ нихъ были приобщаемы къ 0/0 отъ вспомогательнаго капитала римско-католическаго духовенства имперіи.

Православный приходъ.

2 апрѣля, въ 8 час. вич., въ квартирѣ Оберъ-Прокурора Св. Синода П. П. Извольскаго состоялось чтеніе объ устройствѣ православнаго прихода, на которое было разослано до 300 приглашеній: членамъ Св. Синода — митрополитамъ Антонію, Владимиру и Флавіану, архіепископамъ и епископамъ, находящимся въ Петер-

бургъ, членамъ Государ. Совѣта и Государ. Думы. Епископъ орловскій Серафимъ сообщилъ собранію объ «Опытѣ возрожденія приходской жизни въ орловской епархіи». Въ рѣчи этой преосвященный подробно изложилъ организацію и развитіе устроенныхъ по его почину церковно-приходскихъ совѣтовъ, имѣющихъ цѣлью улучшения, главнымъ образомъ, нравственности прихожанъ и затѣмъ—матеріальнаго ихъ положенія. Возникнувъ въ разгаръ революціонно-аграрныхъ безпорядковъ, совѣты эти, составляемые въ помощь мѣстному духовенству изъ лучшихъ, опытныхъ крестьянъ, приобрѣли въ настоящее время сильное благотѣльное вліяніе на всѣ дѣла прихожанъ. Затѣмъ были сдѣланы также весьма интересныя сообщенія священникамъ орловской епархіи оо. І. Недвѣтаевымъ и П. Афанасьевымъ: «Возможно ли возрожденіе приходской жизни въ вашихъ селахъ» и о «Вліяніи возрожденнаго прихода на земледѣліе». Въ заключеніе собранія членъ Г. Думы прот. К. Н. Рознатовскій произнесъ горячую рѣчь: «Значеніе церковной школы въ дѣлѣ возрожденія приходской жизни». Въ промежуткахъ между этими сообщеніями хоромъ митрополичьихъ пѣвчихъ подъ управленіемъ регента г. Тернова исполнены были церковныя пѣснопѣнія. Между первымъ и вторымъ отдѣленіями собранія всѣмъ приглашеннымъ были предложены чай и фрукты. На собраніи присутствовали, между прочимъ, нѣкоторыя представительницы вышшаго великосвѣтскаго общества. („Нов. Вр.“).

Въ учебныхъ заведеніяхъ.

Ревизія архіепископа Дмитрія въ петербургской духовной академіи коснулась просмотра лекцій и конспектовъ всѣхъ профессоровъ за періодъ съ 1902 по 1908 г.г., а также кандидатскихъ сочиненій прошлыхъ курсовъ студентовъ академіи; просматриваются также семестровыя работы студентовъ настоящаго и прошлыхъ періодовъ. Ревизія ведется настолько тщательно, что осмотру подвергнуты аттестаты студентовъ, съ которыми они были приняты въ академію, такъ какъ у ревизующаго имѣются свѣдѣнія о переводѣ одного изъ студентовъ съ поддѣльнымъ аттестатомъ.

„Нов. Вр.“

Образецъ походной церкви.

4 марта члены Св. Синода, послѣ своего засѣданія, осматривали представленный на одобреніе Св. Синода фабрикантомъ Же-

вержеевымъ образецъ походной церкви. Вся церковь съ необходимымъ для отиравленія всѣхъ службъ, включая и литургію, а также и требъ,—предметамъ и богослужебными книгами вѣсѣтъ не болѣе 3 пудовъ. Сюда входятъ двѣ мѣстныя иконы, прекрасно напечатанныя на клеенкѣ,—Спаситель и Божія Матерь, завѣса вмѣсто царскихъ вратъ: все это прокрѣплено къ деревянной перекладнѣ на шарнирахъ (складная). Иконы и завѣса составляютъ какъ бы иконостасъ, отдѣляющій алтарь и священника отъ молящихся; тутъ же престоль складной въ одѣяніи,—къ одному ящичкѣ помѣщаются священныя принадлежности, къ которымъ имѣютъ доступъ только священпослужители—серебряные сосуды, дарохранительница, мурница, въ другомъ ящичкѣ прочіе богослужебные предметы,—подсвѣчники, кадило и наборъ книгъ въ клеенчатыхъ мягкихъ переплетахъ. Стоимость походной церкви 300 р.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я .

Отъ протоіерея Т. И. Буткевича (Харьковъ, Газетный пер. д. № 5) можно приобрѣтать слѣдующія книги его сочиненія:

1. Нагорная проповѣдь. Опытъ изложенія ученія Господа нашего Иисуса Христа съ опроверженіемъ возраженій, указываемыхъ отрицательною критикою новѣйшаго времени. По поводу лекченія графа Л. Н. Толстого. Харьковъ. 1892. Ц. 1 р.
2. Зло, его сущность и происхожденіе. Харьковъ. 1897. Ц. 3 р.
3. Религія, ея сущность и происхожденіе. Въ двухъ книгахъ. Харьковъ. 1902, 1904. Ц. 5 р.
4. Религіозныя убѣжденія декабристовъ, Харьковъ. 1899. Ц. 10 к.
5. Последнее сочиненіе графа Л. Н. Толстого „Царство Божіе внутри васъ“ (Критическій разборъ). Харьковъ 1897. Ц. 60 к.
6. Религія москвитинъ (переводъ съ нѣмецкой рукописи 1702 г.) Харьковъ. 1899. Ц. 10 к.
7. Э. Ренанъ и его сочиненіе „Жизнь Иисуса“. Москва. 1904. Ц. 60 к.
8. Взглядъ Ренана на чудеса и пророчества въ евангельской исторіи. Харьковъ. 1904. Ц. 20 к.
9. Сужденіе Ренана объ источникахъ для жизнеописанія Господа нашего Иисуса Христа. Москва. 1905. Ц. 60 к.
10. Уроки первой французской революціи (Изъ переписки друзей). Харьковъ. 1907. Ц. 75 к.

Книгопродавцамъ—обычная уступка.

При № 8 журн. „Вѣра и Разумъ“ предлагается объявленіе Общества для борьбы съ проназою въ С.-Петербургской губерніи, основаннаго въ 1893 году.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые двадцать лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: бесѣды, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митрон. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Профес. Н. Корсунскаго.—„Религіозно-правственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Біографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова (К. Истомина).—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ Проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Западная средне-вѣковая мистика и отношеніе ея къ католицизму“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовныя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществомъ? В. Ковалевскаго.—„Основныя задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Зло, его сущность и происхожденіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—„Обращеніе Саула и „Евангеліе“ св. Апостола Павла“. Профес. Н. Глубоковскаго.—„Основное или Апологетическое Богословіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—Статьи объ антихриствѣ. Профес. А. Д. Бѣляева.—„Книга Руоѣ“. Преосвященнаго Иннокентія, епископа Сумскаго (нынѣ Тамбовскаго).—„Религія, ея сущность и происхожденіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.—„Естественное Богопознаніе“. Профес. С. С. Глаголева.—„Философія монизма“. Профес.—прот. Т. Буткевича.—„Матерія, духъ и энергія, какъ начала объективнаго бытія“. Проф. Г. Струве.—„Краткій очеркъ основныхъ началъ философіи“. Профес. П. И. Липицаго.—„Законъ причинности“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Ученіе о Святой Троицѣ въ повѣйшей идеалистической философіи“. Профес. П. П. Соколова.—„Очеркъ современной французской философіи“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Очеркъ исторіи философіи“. Н. И. Страхова.—„Этика в религіи въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи“. Профес. А. Шилтова.—„Психологическіе очерки“. Профес. В. А. Снегирева.—Чтенія по космологіи Профес. В. Д. Кудрявцева.—„Законъ жизни“ Профес. Мечникова. Д-ра М. Глубоковскаго.

А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній: Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жана, Фулье и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ», свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

0 перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала «Вѣра и Разумъ».

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

■ Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца каждой четверти года не переплетали своихъ книжекъ журналы, такъ какъ при окончаніи каждой четверти, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторы: { Ректоръ Семинаріи, Протоіерей Алексѣй ЮШКОВЪ.
Дѣйств. Статск. Совѣт. Константинъ ИСТОМИНЪ.